

Церковное красноречие и его основные законы

профессор Василий Федорович Певницкий

Предисловие

Предисловие

Предлагаемые в настоящей книге суждения представляют плод внимательных размышлений о вопросах, входящих в область науки о проповедничестве.

Поставленные на кафедру гомилетики, мы ex officio должны были посвятить полное внимание уяснению тех требований, какие можно и должно предъявлять проповеднику в силу его высокого служения, и тех законов, какие должны управлять его деятельностью, и соблюдение которых необходимо для достойного и успешного выполнения дела, ему порученного. При уяснении гомилетических вопросов мы не хотели и считали себя не в праве довольствоваться скороспелыми решениями, какие представлялись нашей мысли, при первоначальном приступлении к этому делу. Мы старательно изучали лучшие руководства по изложению законов как красноречия вообще, так и церковного красноречия в частности. Обзор этих руководств мы представили в печатных трудах своих, вышедших под заглавием: „Из истории гомилетики“. Сюда вошли следующие издания: „Первая, самая древняя гомилетика (блаж. Августина) 1892. „Средневековая гомилетика“ 1895 г. „Гомилетика в новое время после реформации Лютера“ (1899 г.). К этим сочинениям можем присоединить уяснение гомилетических правил св. Григория Великого (в книге: „Св. Григорий Двоеслов – его проповеди и гомилетические правила“ (1871) и статью: „Позднейшие протестантские немецкие гомилетики“ (Краусса, (1883) и Бассерманна (1885), помещенную в Трудах Академии за 1886-й год (№ 11).

Как может усмотреть читатель из этих сочинений, богатый научный материал дают труды наших предшественников,

посвятивших свои мысли и свое перо изложению законов церковного красноречия, и мы воспользовались этим богатым материалом, избирая из трудов лучших представителей нашей науки то, что казалось нам наиболее основательным и наиболее достойным внимания. При разнообразии воззрений по частным гомилетическим вопросам в науке твердо стоят общие начала, определяющие дело проповедничества, признанные всеми лучшими авторитетами. Мы в своих суждениях опирались на эти общепризнанные начала. Сложившийся у нас взгляд на дело проповеди может подлежать критике и оспариванию, но мы думаем, что и не согласные с нами не упрекнут нас в том, что мы говорим о предмете, подлежащем нашему исследованию, не имея за собой веских оснований.

У нас, особенно в последнее время, заметно предубеждение против гомилетики, которое очень резко заявляется и в литературе. Многие, и причастные к богословской школе и науке, не признают значения гомилетики, и готовы исключить ее из программы наук, изучаемых в духовно-учебных заведениях, не ценя или совершенно не зная той богатой литературы, какая существует по этому предмету и опуская из виду ту высокую практическую цель, какая предназначается для этой науки и преследуется ею. Многие смотрят на проповедь, как на дело простое, которое, в выполнении, должно быть предоставлено личному вдохновению и расположению проповедника, и всякие теории или указания лучших способов проповедничества считают совершенно излишними.

Такой взгляд не нов. И в прежнее время были люди, нападавшие на гомилетику и даже признававшие вредное влияние её на проповедническую практику. Шпенер, например, видел в гомилетике одно из главных препятствий к тому, чтобы дело учительства церковного поставить на надлежащий путь. Но как ни резки его нападки на гомилетику, в них нельзя видеть безусловного отрицания её. Он нападает особенно не на гомилетику вообще, но на гомилетику ему современную, на постановку её в том виде, какой она имела в тогдашней школе. Сам он со своей стороны дает советы, начертывает правила,

как нужно вести дело проповедничества, и разъясняет, какого метода лучше держаться, при исполнении учительского долга. А это есть материал, приготавливаемый Шпенером для построения новой гомилетики в духе ему желательном, от какой он ожидает доброго практического влияния. И последователи его не замедлили составить свою гомилетику, отличную от той, на какую напал Шпенер. Эта гомилетика, составленная во вкусе Шпенера Иоакимом Ланге, явилась под заглавием: „*Oratoria sacra, ab artis homileticae vanitate repurgata*“ (Halaе, 1767). По адресу отрицателей гомилетики говорит Швейцер, один из влиятельнейших гомилетов половины прошлого столетия: „Замечательно, что создавать особую священную риторику принуждены были даже те, которые отвергали в проповеди всякое красноречие и предписывали для неё полную простоту и безыскусственность“¹.

В германской богословской литературе гомилетика входит в состав практического богословия, которое, со времени Шлейермахера, получило там широкое развитие, и в богословской энциклопедии занимает почетное место, служа венцом широко разросшегося ствола богословской науки. В состав этого практического богословия входят гомилетика, каноника, литургики и пименики или пастырское богословие, и в иных руководствах по практическому богословию, как например у Шлейермахера, гомилетике отводится более широкое место, чем другим составным частям его, что служит свидетельством признания относительной важности её, в сравнении с другими дисциплинами.

Проповедь мы называли именем церковного красноречия, и это могут признать не соответствующим существу дела те, которые смотрят на проповедь, как на дело простого учительства, чуждое всякой искусственности. Но слово „красноречие“ имеет в науке значение технического термина, который прилагается ко всякому публичному слову, предлагаемому перед народом. Такое название публичного слова употреблялось еще в древности, и оно перешло и в христианство, как скоро здесь научным образом стали разрабатывать вопросы, касающиеся проповеди. Во Франции

христианское красноречие обычное название для церковного проповедного слова. Употребляется оно в таком значении и в Германии (у Шотта, Теремина, Юнгманна – лучших гомилетов прошлого столетия). С техническими терминами, принятыми в науке, часто соединяется условное значение, которое не всегда отвечает строго этимологическому смыслу слова. Так это имеет место и здесь. Слово „красноречие“ прямым своим смыслом указывает на искусственную, прикрашенную речь. Но прилагая это слово к проповеди, мы отнюдь не соединяем с ним требования от проповеди такой искусственной, красной речи, а разумеем под словом „церковное красноречие“ всякую речь, которая говорится в церкви перед народом, и посвящена разъяснению предметов христианского ведения и христианского нравоучения. Более подробное разъяснение того, какое значение мы соединяем с этим термином, читатель найдет в предлагаемой книге.

Церковное красноречие и его основные законы

В гомилетике первый пункт, требующий особенно точного определения – понятие о проповеди. От установления такого или иного понятия о проповеди зависит дальнейшее развитие гомилетических правил, и если в определении понятия о проповеди замечается неполнота и неточность, то это не может не отражаться невыгодным образом на построении науки и на характере её руководственных наставлений, а через это посредственно, если гомилетика хочет быть наукой влиятельной, и на самом характере проповедничества, – на проповеднической практике.

Что же такое церковная проповедь?

В гомилетике Амфитеатрова проповедь называется церковным собеседованием, и самые проповедники собеседниками. Это слово „собеседование“ он считает основным словом для означения церковных поучений, и в введении в гомилетику, в одном из параграфов, делает замечание, что если он в своей системе и будет употреблять другие слова для наименования церковной проповеди, они не должны вносить иного смысла, а будут значить одно и то же со словом собеседование². Такого же названия держится его преемник по кафедре протоиерей Фаворов, изложивший содержание гомилетики своего предшественника применительно к школьному употреблению её в качестве учебника. Он назвал свою учебную книгу по гомилетике „Руководством к церковному собеседованию“. Фаворов совершенно верно говорит, что, „называя церковное проповедование слова Божия собеседованием, мы заранее определяем этим общий отличительный характер церковной проповеди, и вместе с тем обозначаем содержание и характер самой науки о проповедничестве“³.

Нам кажется, название проповеди собеседованием не выражает точно существа и характера её и не обнимает всех видов её. Проповедь не собеседование, а речь к народу и перед

народом. Собеседованием если была она, то только в первые времена христианства, когда в небольших общинах, при собрании верующих, не один говорил, при молчаливом внимании прочих, а многие могли вступать в беседу с главным наставником – руководителем беседы, прося у него разъяснения, высказывая перед ним недоумения, предлагая дополнения к сказанному другим, заправляющим беседой. А ныне проповедник выступает перед обществом или своими пасомыми, как оратор, и народ слушает его речь, как слушают обыкновенного оратора, и никто из народа не прерывает его речи и не вступает с ним в беседу. Отсюда, по форме, проповедь подпадает под понятие ораторства и составляет вид ораторских произведений. У нас под ораторством привыкли разуметь речь искусственную, отличающуюся внешним изяществом изложения. Такое понимание ораторства выражено и в гомилетике Фаворова⁴. Смотря на ораторство с такой точки зрения, находят неудобным роднить с ораторством проповедь, которая отличается и должна отличаться евангельской простотой. Но ораторство в существе самое естественное явление в ряде словесных произведений, и внешнее изящество стиля отнюдь не главное и не отличительное его качество. В разряд ораторских произведений входят произведения разного характера и достоинства, и сила ораторства не во внешней искусственности, а во внутренней энергии и правде слова, и она часто проявляется более в простом, чем внешне-искусственном слове. Но мы далее объясним сущность и главные законы ораторства, а здесь делаем предварительные замечания о нем, чтобы устранить излишние опасения видеть в проповеди вид ораторства.

Переходя далее к частнейшему определению понятия о проповеди и указанию видового характера её, отличающего её от других родов ораторских произведений, что дается её содержанием, мы видим в проповеди речь или живое свидетельство о нашем спасении и о средствах к его достижению, основывающееся на слове и повелении Господа Иисуса Христа. Господь Иисус Христос совершил дело нашего искупления; явившись в мир для совершения божественного

домостроительства о нашем спасении, Он принес падшему, погибающему, находящемуся под клятвой гнева Божия, роду человеческому весть о спасении. Его проповедь у евангелистов называется евангелием о царствии Божием (Мф.4:23; Мк.1:14). Он возвещал о наступлении этого царствия Божия, наступлении нового лета Господня приятного (Лк.4:19), и приглашал всех вступить в это царство, где каждый из нас может получить не только спасение, но и блаженство, – блаженство вечное. Для вступления в это царство Он указывал путь покаяния (Мк.1:15; Мф.4:17). А для достойного пребывания в этом царстве Он требовал веры и жизни по вере, жизни святой, богоугодной, согласной с волей Божией.

Принеся весть о спасении и проповедуя Евангелие о царствии Божием, Господь повелел сначала апостолам, а в лице их всем их преемникам, неумолкаемо проповедовать это Евангелие, возвещать о царствии Божием и об условиях вступления в это царство и пребывания в нем, и проповедь наша есть не что иное, как продолжение и раскрытие евангельского слова Христова. Слово апостолов, как мы видим из книги Деяний Апостольских, было словом о покаянии и спасении. *Покайтесь, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов.... Спаситесь от рода строптивого сего* (Деян.2:38, 40), говорил апостол Петр в день Пятидесятницы, после сошествия Святого Духа на апостолов, при первом обнаружении Церкви Христовой, и эту проповедь он и другие апостолы продолжали неизменно во все время своего служения (Деян.3:19–20; Деян.5:30–32; Деян.13:38; Деян.17:30–31), во исполнение повеления Христова (Деян.10:42–43; Деян.20:24).

Проповедь, как частная речь, не обнимает всего Евангелия о спасении и о средствах его приобретения. Но всегда, какого бы частного предмета она ни касалась, она имеет или должна иметь непосредственную связь с этим главным и средоточным пунктом христианского учения. Утерев связь с ним, она перестает быть проповедью христианской.

Проповедь таким образом есть возвещение евангельского учения о нашем спасении в живой речи перед народом. Этим

понятием указываются в проповеди две стороны, с которых она может быть рассматриваема: 1) *сторона ораторская*, – как речь к народу, она является видом ораторских произведений и не может не подпадать законам, обязательным для всякого рода ораторских произведений, – 2) *сторона церковно-религиозная*, по которой она является выполнением религиозного служения, возложенного Господом на апостолов и их преемников, – продолжением и раскрытием Евангелия, возвещенного Господом Иисусом Христом.

С этих двух сторон мы будем уяснять основные гомилетические законы, которым должен подчиняться проповедник в своей практике.

I. Проповедь, как вид ораторства

Под ораторским красноречием мы разумеем более или менее сильное выражение наших желаний, мыслей и чувств, в живой речи перед собранием народа, вызываемое влечениями сердца, потребностями минуты и нуждами народа, и имеющее в виду благо этого народа.

Красноречие, как мы заметили выше, не есть искусственное явление в ряде словесных произведений. Оно естественно является на почве обыденной жизни нашей, и проявление его вы можете видеть всюду. Оно имеет аналогию с обыкновенным возвышением голоса нашего, в виду каких либо обстоятельств, действующих на наши нервы. Положим, беззаботно идет человек по дороге, не замечая явной опасности, ему угрожающей: желая предостеречь его, мы, возвышая голос, заявляем ему об опасности, ему угрожающей. Или, упал кто в воду, и ему грозит потопление: мы криком хотим дать знать близ стоящим об этом, желая, чтобы пришли на помощь утопающему. Человек, по требованию самой природы, вынуждает свое слово и свой голос отвечать каждой потребности сердца. От частных, единичных случаев, нами указанных, перенесите мыслью к представлению более широких кругов, более важных и значительных жизненных интересов, касающихся судьбы или счастья целой массы людей, и вы увидите, как из обыкновенной речи возникает речь красноречивая. Вот отечество в опасности, и нашим согражданам угрожают большие беды, а они предаются полной беспечности, не думая об опасностях, висящих над их головой. Вот невинность стеснена и страдает, а зло торжествует и посмеивается над страданиями невинности. Вот общество, наши ближние падают в глубину нравственного развращения, для них губельного, и требуют отрезвления и возвращения к своему дому. Настоящее дурно, будущее страшно. Там настоятельно требуется защита, в другом месте предостережение, наставление, руководство, в третьем утешение и поддержка. Такие и подобные обстоятельства зовут способного человека к служению ораторскому, к такой речи,

которую мы называем красноречием. Избранный, своим званием или стремлением внутреннего чувства побуждаемый, в нарочитые минуты является перед собранием своих собратий, и с известной долей одушевления, вызываемого и возбуждаемого в нем положением вещей, выражает и раскрывает перед ним то, что считает полезным или необходимым для него. Собрание народа видит в нем одного из среды своей, близко сочувствующего ему, прислушивается к его слову, и ораторское слово падает на почву сердец человеческих и сопровождается более или менее заметными практическими результатами. Вот объяснение возникновения того, что мы называем красноречием, и отсюда понятны существенные свойства красноречия и те главные требования, какие должен выполнять оратор.

1) Для того, чтобы состоялось ораторское произведение, и обыкновенная речь возвысилась до степени речи красноречивой, первое всего требуется более или менее возбужденное состояние духа человека-оратора. Это возбужденное состояние может быть вызвано представлением опасности, заблуждения, гибели лица или общества, или представлением какого-либо радостного явления или торжества. В состоянии возбуждения из груди или уст человека выливается слово более сильное и энергичное, чем какое слышится при обыкновенном разговоре. Источник ораторства таким образом есть внутреннее *одушевление* человека.

2) С одушевленным энергичным словом оратор является публично перед народом, и ему сообщает свои мысли, опасения, советы, надежды. Отсюда *публичность* и *общественный* характер красноречия: кабинетное рассуждение, старающееся исчерпать полноту какого-либо частного предмета, и не направленное прямо к публике, как бы ни было хорошо составлено, никогда не будет красноречивым произведением. Человек, выступающий на кафедру, но замыкающийся в круг своего предмета, и при этом опускающий из внимания своих слушателей, и не обращающийся к ним, перестает быть оратором.

3) Являясь перед собранием слушателей с более ни менее одушевленным словом, оратор естественно рассчитывает на внимание к себе и к предмету своей речи. Он хочет и ставит целью для себя передать этому собранию что-нибудь необходимое, полезное, благотворное для него в каком-либо отношении. Отсюда живой, общественный *интерес предмета* речи красноречивой. Оратор может и должен говорить о том, что имеет важное значение для известной массы слушателей, что их более или менее занимает или должно занимать, и в чем они, по предположению оратора, должны принимать непосредственное, живое участие. О пустой, малозначительной вещи, о вещи чуждой и сторонней для народа, говорить нельзя оратору.

4) Оратор, выступая с речью, имеет в виду определенную *цель*, которой хочет достигнуть, и к которой своим словом старается направить своих слушателей. Он поставляет своим долгом произвести впечатление на слушателей, заставить их принять решение, желательное ему, кажущееся ему полезным или необходимым для слушателей, в виду их блага. Ораторство или ораторская речь есть своего рода борьба. У оратора непременно есть клиент, которого он хочет защитить, есть враг, которого он хочет поразить. Этим клиентом и врагом может быть не определенная личность: клиентом оратора может быть благо народа, которому он говорит слово, врагом – опасности, ему угрожающие, грех, влекущий его в погибель. И враг и клиент могут совмещаться в одном и том же человеке, при двойственности начал, управляющих нашей волей, при частой смутности представлений о нашем существенном благе у большинства людей. В нашей природе две души обыкновенно борются между собой, – одна, стремящаяся к высшему благу, следующая закону ума, боящаяся уклониться от требований долга, а другая, влекущая нас долу, чувственная, своекорыстная, повинующаяся страсти. Дело оратора помочь душе высшей в нас одержать победу над стремлениями низшими, чувственными, в существе гибельными для нас. Так понимает ораторство Теремин, а он свое воззрение подтверждает примером двух образцовых ораторов, –

Димосфена и Массильйона, в произведениях которых видел идеал ораторского совершенства. У них каждая речь – борьба, которую они вели превосходным оружием, с великой силой и искусством, и борьбу эту они вели со своими слушателями, которых заставляли преклоняться перед их словом. Не в том полагали они свою задачу, чтобы раскрыть истину, а в том, чтобы устранить препятствия, мешающие принятию этой истины, приведению в исполнение такого или иного решения. В этом существенное отличие речи ораторской, с одной стороны, от сочинения ученого, теоретического, а с другой, от произведения художественного. В ученом, теоретическом сочинении автор сосредоточивает все свое внимание на своем предмете, и представляет обстоятельное исследование по известному вопросу, чисто объективным образом, не отвлекаясь от него в своей работе необходимостью приспособления к слушателям, и не задаваясь практическими целями. И в художественном произведении поэт выражает свое чувство или рисует идеал без всякой практической тенденции; напротив, такая практическая тенденция, если бы она руководила поэтом, повредила бы его работе. Чистое искусство совершенно свободно от практических целей; только низшим, прикладным искусствам усваивается служение практической пользе человека или общества.

5) Ораторство называют *действованием в слове*. Когда говорит оратор, он так же действует словом, как другой действует мечом или другим каким-либо орудием. Он является общественным деятелем в полном смысле этого слова. Он вовне, в среду, его окружающую, переносит то, что считает ценным достоянием своего духа, и что добыл внимательным размышлением; посредством своего слова он хочет передать другим свои воззрения и желания, – передать с тем, чтобы они, будучи усвоены другими, перешли в жизнь и осуществились в практической действительности. В виду действенности ораторского слова, направленного к упорядочению практической жизни, и дающей желательное оратору направление, Квинтилиан называет ораторскую речь царицей вещей (*Regina rerum oratio*), и говорит, что красноречие

(конечно, в устах истинного и благонамеренного оратора), способствующее водворению правды и счастья между людьми, самый драгоценный дар из всех, какими боги наградили смертных“⁵.

6) Работа оратора более сложная и требует большего напряжения сил, большей душевной энергии, чем работа ученого мыслителя-теоретика и работа поэта. От теоретического, ученого произведения требуется здравая, светлая мысль; здесь весь труд возлагается на умственную силу, на рассудок. Твердое, более или менее обширное, знание и основательное суждение составляют главное достоинство теоретических сочинений, и не представляется притязаний ни на что, кроме спокойного исследования и раскрытия предмета. В ораторском произведении выполнение этого требования недостаточно. Здесь тоже нужна здравая, светлая мысль; нужно и хорошее знание вещи, о которой говорит оратор; но этого одного мало для совершенства и надлежащего действия ораторского произведения. Здравая мысль в ораторском произведении не может или не должна являться в виде холодного, отвлеченного рассуждения. Она должна пройти через горнило сердечного одушевления и согрета чувством. Иначе она слабо подействует или вовсе не подействует на слушателей. В ораторском произведении могут быть желательны поэтические картины. Воображение призывается на служение оратору, чтобы прозрачнее и впечатлительнее представить истину и приблизить ее к воспринимающей силе слушателей. Но писать картины для услаждения слушателей только, допускать игру воображения и предаваться излианию чувства без всякой посторонней цели, как делает поэт, – оратор не может. Это прямо противоречило бы его характеру и назначению. Все внимание оратора должно быть приковано к практической сфере и направлено к тому, чтобы жизни той среды, в которой вращается оратор и перед которой является в качестве руководителя, дать определенное направление, часто такое, от которого среда уклоняется. Для воздействия на эту среду, для склонения её следовать направлению, указываемому оратором и кажущемуся ему более правильным,

требуется особая энергия или напряжение воли, устремленной к достижению преднамеренной цели. Воля стремящаяся к достижению своей цели, собирает все силы души и заставляет их служить себе, чтобы совокупным трудом их произвести большее впечатление на слушателей и успешнее склонить их к принятию такого или иного решения. Такого сосредоточения душевных сил или такой целостной душевной работы нет в других родах словесных произведений, где, при отсутствии практической тенденции, является действующей или сила умственная – рассудок, или воображение и чувство.

К лучшему выяснению характера ораторского красноречия и его задачи обратимся к учению об этом предмете древних знаменитых риториков, которое лежит в основе всех позднейших риторик.

Древние риторы⁶ указывали три обязанности оратора – *docere, delectare, movere* – учить, нравиться, трогать. Эти три слова обнимают полноту ораторского действования, и вместе с тем указывают сложный состав ораторского произведения. *Docere* указывает на учительный, дидактический элемент, требуемый в ораторском произведении: это основательное суждение о предмете; усвоением и развитием этого элемента ораторство соприкасается с философией и вообще с прозой, преследующей цели знания. Обязанность *delectare* заставляет оратора вводить в свои речи художественный элемент, пользоваться услугами воображения и чувства, чтобы действовать на воображение и чувство слушателей: этот элемент ораторство берет у сил, служащих поэзии, и через него оно соприкасается с поэзией. *Movere* указывает на элемент специально ораторский: это элемент волевой, нравственный, – пафос, понимаемый в благородном смысле этого слова. Чтобы тронуть и увлечь слушателей, оратор должен призвать к делу и проявить энергию души, объятую предметом его слова: слушатели ничем не могут быть тронуты, как одушевлением и увлечением самого оратора, всецело преданного своему делу и тому интересу, который он защищает, и к которому хочет склонить других.

В совершенном ораторском произведении все эти три элемента должны проявляться в гармоническом единении. Но совершенство принадлежит далеко не всем произведениям красноречивого слова, и не всякий оратор равномерно исполняет указанные риториками обязанности, на него налагаемые. И в теории центр тяжести одни полагают в одной обязанности, другие в другой, третьи в третьей. Обыкновенный, поверхностный взгляд красноречивым словом считает речь, отличающуюся внешней художественностью, красотой и изяществом стиля, внешними средствами обольщения и ласкания слуха, что древние выражали словом *delectare*. Слово „красноречие“, каким у нас называется ораторство, и какое считается синонимическим слову „ораторство“, может давать повод к такому пониманию ораторства и может служить как бы оправданием ходячего воззрения на ораторство. Но это слово, как и многие технические слова, употребительные в научном языке, не выражает сущности дела, и не указывает на главный и существенный признак, отличающий ораторство от других родов словесных произведений. Платон в „*Горгии*“ нападает на такое понимание ораторского красноречия, которое видит и ценит в нем одну внешнюю художественность слова, как совершенно не отвечающее существу дела, и опускающее из вида главное и существенное в нем. И Фенелои, в своих „*Диалогах о красноречии*“, приступая к выяснению истинных законов красноречия и тех требований, с какими нужно адресоваться к нему, первое всего считает нужным опровергнуть тот поверхностный взгляд, который видит в ораторе человека, умеющего красно и изящно говорить, и только этим одним довольствуется в нем, на это одно обращает главное внимание. Внешние красоты, которые так пленяют иных, по замечанию Фенелона, – сами в себе вещь неважная. При таком понимании красноречия, оно не было бы искусством серьезным, перестало бы быть делом, направленным к практическим целям, каким должно быть, а служило бы только для одного удовольствия, для забавы и ласкания слуха слушателей⁷. Такое одностороннее и поверхностное понимание красноречия далее было поводом к пренебрежительным суждениям о нем, какие

высказывали нередко и люди авторитетные, как например Кант в своей „Критике силы суждения“⁸.

Другие, – и таких очень много, даже в ряде представителей науки о красноречии, – Цицерон, блаж. Августин, – главной обязанностью оратора считают учить – *docere*, а другие обязанности считают побочными и второстепенными. Но по нашему мнению, не тут центр тяжести в красноречии. Конечно, здравые мысли, чистое учение, хорошее суждение – вещь важная в ораторстве. Совершенно верно, что если ты хочешь расположить людей делать что-либо, ты должен наперед хорошо раскрыть то, к чему ты располагаешь. Иначе как они могут делать то, чего не знают⁹? Но этим может отличаться и философское рассуждение, сухое прозаическое теоретическое сочинение, и это одно не составит красноречия, не доставит славы оратору. „Худая похвала оратору (говорит Жибер¹⁰), если скажут, что его речь умное произведение. Такие ораторы, которые только учат и хорошо рассуждают, обыкновенно не производят впечатления на слушателей“.

Очевидно, для полноты ораторского совершенства требуется нечто большее простого, хотя бы и вполне основательного, учения, – требуется тот элемент, на который древние риторы указывали словом *movere*, и в этом элементе главное условие успеха оратора. Истинным, наиболее влиятельным оратором может быть только тот, кто своим словом может тронуть своих слушателей и подействовать на их волю. Платон (в Горгии) замечает, что ораторская речь настолько красноречива, насколько душу слушателя приводит в движение; Сам Цицерон, считающий первой обязанностью оратора учить, в сочинении „Брут или о славных ораторах“ говорит: „Кто не признает, что из всех достоинств оратора самое большее достоинство – способность воспламенять душу слушателей и склонять их к тому, чего требует дело, и что кто не имеет этой способности, тому недостает главного в ораторстве?“¹¹.

В древних риториках был особый трактат о страстях (*de affectibus*). Ему дано было место в науке о красноречии потому, что от оратора ожидалось и требовалось не простое, хотя бы

умное, слово, но слово, проникнутое страстью. Страсть, как условие и источник красноречия, означает здесь возбуждение души человека-оратора, производимое сознанием и чувством важности того предмета, которому он посвящает свое слово, и представлением значения и высоты той цели, которой он стремится достигнуть. При этом возбуждении человек-оратор выходит из обыкновенного холодного прозаического состояния, и говорит с большей или меньшей силой и одушевлением. Для обозначения такого возбужденного состояния оратора есть техническое слово, взятое из греческого языка, – пафос (πάθος) и речь, произнесенная в таком состоянии, – патетикой или речью патетической. Все признают значение патетики в ораторских произведениях, но многие назначают ей узкие границы, указывая на то, чтобы к патетике или страстному возбужденному слову оратор прибегал в частных местах своей речи, и представляя патетику таким элементом, который хотя допустим и даже необходим в ораторстве, но не может и не должен простираться на всю широту речи. Но нам кажется более справедливым в риторическом смысле под этой патетикой разуметь не отдельные, наиболее красноречивые и сильные места ораторского произведения, а общий подъем духа, при котором оратор говорит с особенной силой и убедительностью. Мы имеем в виду источник, из которого, так сказать, ключом бьет живое, одушевленное, ораторское слово. А так называемые патетические места в речи служат частичным проявлением его, и если они стоят отрывочно, без связи с целым и являются искусственной приставкой или прикраской в речи, то они теряют свое достоинство.

Мы не одиноки в таком понимании ораторской патетики. Такое понимание патетики ораторской встречается у авторитетных представителей науки о красноречии. С особенной рельефностью развито и выражено оно у Теремина в его сочинении *„Красноречие – добродетель, или основные черты систематической риторики“*. По его толкованию, пафос должен быть неотлучной принадлежностью оратора во все продолжение его речи: это слово характеризует то состояние, в каком должен находиться оратор. Разъясняя свою мысль,

Теремин называет это состояние состоянием не страсти, но аффекта, и аффект отличает от страсти. Оратор, по его словам, должен возбуждать аффекты, но не страсти, и сам должен быть в состоянии аффекта. Состояние души в страсти возбуждается внешним предметом или представлением о нем, и есть состояние беспокойное и удручающее, и оно скоро проходит. Но состояние аффекта, совершенно иное. Душа в нем возбуждается не внешним предметом, а идеей, и разум здесь не подавляется внешним впечатлением, а сохраняет свою энергию и обнаруживает свою деятельность. Душа, проникнутая идеей, не может оставаться холодной, как при отвлеченных представлениях; идея обнимает все силы души и приводит их в движение, – возбуждает к деятельности в определенном направлении, и из соединенного действия всех сил, из напряжения, обнаруживаемого ими при этом, происходит состояние, отличающееся высшей степенью теплоты и жизненности; это и есть состояние аффекта. В аффекте все силы и все ощущения сердца сливаются в полном согласии с разумом; это самое счастливое состояние, к какому может возвышаться человек. В нем нравственная природа человека проявляется во всем своем блеске, в своем высшем достоинстве. И оно не проходит так скоро, как страсть; потому что идея, его производящая, не отвне приходит в душу и не исчезает вместе с возбуждением; оно лежит в душе человека и составляет её неизменное достояние. Если эта идея нравственная, то она вечно существует, и свойство долговечности она сообщает аффекту, ее сопровождающему.

Признавая аффект за нечто прекрасное, Теремин требует, чтобы оратор говорил непременно с аффектом. Он является перед собранием для того, чтобы сообщить ему идею, которой сам одушевлен, и эта идея, если она действительно есть в нем, должна сопровождаться аффектом. Если нет у оратора аффекта, то, значит, он не одушевлен никакой идеей. Тогда он говорит или по нужде, как наемник, или с холодной суетностью, как краснбай, или наконец с коварной целью, как обольститель народа. Такого оратора слушатель не будет уважать, и такому оратору он не откроет своего сердца¹².

Итак много обязанностей должен выполнить оратор, и многими достоинствами должна отличаться истинно-ораторская речь. Нельзя не придавать значения внешнему изяществу или художественному элементу в ораторстве, и оратор может погубить свое дело, то есть, может не достигать своей цели, если является перед собранием со словом вялым и небрежным, с дикцией сонливой и не выработанной. Пусть каждый оратор старается овладеть внешним искусством изящного слова. Но этого мало; это одно не доставит ему славы; это, можно сказать, низшая степень ораторского достоинства. Больше значения имеет и на разумных людей сильнее действует содержание речи, то есть, те мысли и доказательства, какие приводит и раскрывает оратор, чтобы привести своих слушателей к признанию истины, им возвещаемой, и к полному согласию и единению с собой во взгляде на предмет, его интересующий и им обсуждаемый. Каждая хорошая ораторская речь должна быть речью умной, сильной и верной по мысли и содержательной. Но этим дело оратора не исчерпывается и не кончается, и не здесь последняя ступень ораторского совершенства, не здесь секрет, овладев которым оратор может проявлять побеждающую силу слова. Высшую силу дает оратору напряжение воли или всей души его, которое проявляется в одушевлении, в пафосе. У оратора, который говорит с силой и убеждением, вся духовная организация находится в состоянии возбуждения, и в этом возбужденном состоянии он весь проникается тем предметом, какой хочет передать слушателям, воспринимает его всей полнотой своего существа, и при этом стремительно направляет свое слово к цели, им предположенной, желая, чтобы народ, его слушающий усвоил не только умом но и сердцем то дело, какое он ему представляет, и совет или решение, им рекомендуемое перевел в практику, осуществил делом.

Одушевление или пафос, составляющий главное условие успешного ораторского действия, нужно отличать от пафоса напускного. Истинный пафос возникает из глубины души и есть выражение возбужденного состояния всего духовного существа оратора. А напускной или фальшивый пафос не имеет

корня в душе, и является тогда, когда нет внутреннего одушевления у оратора. Он никогда не может заменить истинного глубокого одушевления оратора, и не может скрыть от большинства слушателей отсутствия того огня благородной страсти, который придает теплоту и силу истинно-ораторской речи. Он проявляется шумихой слов и искусственной напыщенной декламацией. Это маска или личина, которую надевает на себя человек, выступающий в роли оратора, но не имеющий истинного ораторского духа. Старающиеся прикрыть этой личиной внутреннюю пустоту свою тем самым свидетельствуют, что они сознают и чувствуют, где главный секрет успешной ораторской деятельности, именно во внутреннем одушевлении оратора, отсутствие которого они думают заменить искусственными прикрасами. Зоркий. глаз, слушателя не может не заметить этих искусственных прикрас, и такого оратора большей частью ожидает провал у слушателей и собственное разочарование в том действии на них, на какое он рассчитывал.

Но не всякое и истинное водушевление равноценно перед строгим судом критики, и не всякое одинаково может действовать на слушателей и создавать славу и авторитет оратора. Истинное глубокое одушевление может быть возбуждаемо предметом высокой важности и может поддерживаться в душе неослабно, когда он видит перед собой многозначительную цель, которую находит нужным преследовать. Нравственная идея, – идея блага, понимаемого в лучшем смысле этого слова, должна лежать в основании ораторского одушевления, и ей оратор должен руководствоваться в своем служении. Что необходимо для народа или для определенного круга слушателей оратора, что полезно и спасительно для него, без чего ему угрожают опасности, лишения и страдания, – только в том он должен находить источник своих вдохновений, только то он должен предлагать народу, только это одно может придавать значение ему и его слову в глазах и на суде истории.

Главное дело оратора – убеждать, но не просто убеждать в чем-либо, а убеждать к совершению дела важного и

спасительного, склонять слушателей к исправлению, к предотвращению какой-либо опасности или какого-либо вредного предприятия, к усиленному старанию овладеть благом, какого нет у общества, стоящего перед глазами оратора, и сохранить благо, могущее ускользнуть от него. Это одно из главных условий истинного ораторства, по признанию лучших представителей науки о красноречии. Квинтилиан порицает Аристотеля за то, что он целью риторики ставит то, чтобы она научила оратора приводить слушателей к тому, чего он хочет. Этого мало, замечает он. И блудники, и ласкатели и развратители могут делать это. Но можно ли их хвалить за это? И могут ли они быть истинными ораторами? Красноречие, по его представлению¹³, более благочестиво и нравственно, чем истинно. Красноречие искусство не просто убеждать в чем бы то ни было, а говорить с силой для убеждения в том, что честно, или что должно быть (*quod honestum est, sive quod oporteat*). И Платон, в *Горгии*, указывает два рода ораторов, ораторов истинных и ораторов фальшивых. „Одни, – истинные ораторы, – что ни говорят, говорят по благопопечительности о народе, а другие (фальшивые) ораторы не имеют в виду этого. Этого рода ораторство не заслуживает имени красноречия, и есть ласкательство и постыдное краснобайство, а другой род ораторства – дело прекрасное, направляющееся к тому, чтобы души граждан сделать наилучшими: это усилие говорить о вещах наилучших, приятно ли то будет слушателям, или неприятно. Истинный оратор всегда должен иметь в виду, чтобы в душах его сограждан жила справедливость, а неправда была изгоняема, жила рассудительность, а безрассудность и необузданность была оставляема, – жила и всякая другая добродетель, а зло удалялось“¹⁴.

Добродетель или доброе нравственное направление многими риториками ставилось неперменным требованием, от исполнения которого зависит плодотворное ораторское служение. Цицерон, определяя качества оратора, говорит, что он должен быть *vir bonus, dicendi peritus*¹⁵. Квинтилиан замечает¹⁶, что не напрасно этот знаменитый оратор требование доброго направления от оратора поставил на первом месте, а

требование умения говорить или искусства речи на втором; этим он хотел выразить то, что первое, – нравственное, – требование важнее второго. Квинтилиан еще решительнее выражает это требование, говоря: „*Nemo orator nisi vir bonus*“¹⁷. То есть, по этому определению только добрый или нравственный человек может быть оратором. Требование доброго нравственного направления от оратора риторика, основательно излагаемое, включает в число основных своих правил потому, что считает необходимым указать оратору на его высокое служение и предостеречь человека, выступающего на ораторскую кафедру, от увлечения низменными или фальшивыми идеями и от стремления его к целям недостойным. Человек, не отличающийся добрым нравственным направлением, на кафедре оратора может явиться пустым ласкателем, по своей недоброкачественности или по подкупу может служить низким целям и быть проводником идей фальшивых или вредных для блага народа, или несогласных с законами высшей правды. Но это может быть только унижением высокого дела красноречия и изменой ему. Если такой оратор иногда имеет минутный успех, зато никогда не может создать себе исторической славы и приобрести твердый авторитет и уважение у народа. А человек высокого нравственного духа никогда не будет служителем неправды и проводником нечистого дела, никогда не будет одушевляться каким-либо пустым или неправым предметом, и не будет понапрасну тратить свою энергию и склонять своих слушателей к цели сомнительного достоинства. Его может занимать и возбуждать только высокое благо народа; он выступит или в защиту попираемой правды или для указания народу или обществу того, что потребно и необходимо для его спасения и благосостояния.

Ставя первым условием ораторского успеха глубокое и искреннее одушевление оратора в виду высокой цели, им указываемой народу, не входим ли мы в противоречие с теми авторитетами, которые считаются первыми и высшими представителями красноречия, и которых суждения об этом искусстве должны иметь особенный вес и значение в глазах

всех, интересующихся этим делом? Демосфен, этот знаменитейший оратор древнего мира, побеждавший сердца своих слушателей силой своего одушевленного слова, выливавшегося из души, глубоко убежденной и преданной защищаемому им делу, отнюдь не умалял значения внешней художественности в ораторстве; напротив, как будто ей придавал здесь первенствующее значение. Известно, что, когда его спросили, что он считает самым главным в ораторстве, он отвечал: произношение; а что потом? он повторил: произношение, а что еще? опять он сказал: произношение. Произношение одна частная сторона во внешней ораторской деятельности, но Демосфен как будто в ней только видит главную силу, дающую успех ораторскому слову. И история говорит нам, что он употреблял неимоверные усилия, чтобы овладеть этой силой. Он имел много недостатков, препятствовавших ему овладеть совершенством произношения; но настойчивыми усилиями он успел освободиться от этих недостатков. Он был картав и не мог выговаривать буквы р; этот недостаток он исправил, кладя под язык камешки и таким образом произнося трудные слова. Он имел прерывистое дыхание и не мог от того держать плавной речи; чтобы исправить этот недостаток, он, восходя на гору, произносил длинные стихи одним голосом, без отдохновения. Чтобы укрепить и усилить свой голос, он выходил на берег моря и декламировал, когда оно бушевало. Было у него подергивание плеч: чтобы освободиться от этого недостатка, он говорил, стоя на узкой кафедре, вешая над собою острое копье, которое причиняло бы ему рану, если бы он сделал неосторожное, движение. Конечно, такие усилия над собою делал Демосфен, в сознании той важности, какую в ораторстве имеет хорошее произношение. И другой знаменитый, христианский, оратор тоже выставляет особенное значение хорошего произношения для успеха речи, хотя не с такой силой, как Демосфен. Мы имеем в виду одного из лучших проповедников Франции века Людовика XIV, Бурдалу. Когда его спросили, какая из его проповедей более всего ему нравится, он отвечал: та, которую я лучше всех выучил наизусть; потому что я лучше других произнес ее.

Но выставляя важное значение произношения в деле ораторства, Демосфен и другие тем самым не устраняют необходимости выполнения других требований красноречия. Само собой предполагается при этом, что существенные требования красноречия выполнены оратором; иначе он не мог бы являться оратором. Но смысл указания Демосфена, равно как и Бурдалу, на значение произношения, тот, что дело оратора, и выполнившего другие условия его служения, может пропасть и не увенчаться успехом, если он дурно произнесет свою речь. Демосфен не мог предполагать, чтобы речь, плохо составленная и обдуманная, и притом направленная не к доброй цели, могла иметь успех у слушателей, при одном хорошем произношении её. Какой-либо обольститель, склоняющий людей к дурному, нечестному и гибельному, делу, ужели бы заслужил одобрение у Демосфена и у других людей, здраво смотрящих на вещи, за то только, что сумел хорошо произнести свою речь? Конец венчает дело, – говорит пословица. Но он может венчать только дело доброе, и хорошо налаженное. А если нет этого доброго, хорошо поставленного дела, над чем ставить венец? С другой стороны, произношение, венчающее и заканчивающее дело оратора, стоит в прямой зависимости от его одушевления. Одушевление, волнующее и возбуждающее оратора, не может не отражаться на его произношении: оно придает ему силу и выразительность. Когда сильно возбужден чем-либо человек-оратор, тогда он не будет говорить о своем деле вяло и холодно: огонь одушевления, из тайников души его, проторгнется наружу и проявится в живом, энергическом произношении. А когда нет одушевления и возбуждения в душе оратора, – его произношение может не иметь недостатков, может быть исправным с внешней стороны, но при всей видимой исправности в нем едва-ли может быть такая энергия, живость и выразительность, какая может придавать слову побеждающую силу, и какая является плодом внутреннего возбужденного состояния человека.

Нам могут сделать другое возражение против нашего положения о признании одушевления первым и самым важным условием успешного ораторства. Это одушевление вещь

трудная: не у всякого, и не во всякое время, может быть оно; им овладеть и его почувствовать в себе для многих гораздо труднее, чем овладеть искусством слова. Искусству слова можно научиться, можно приобрести его усиленным трудом и практикой. А одушевлению кто научит, и где его взять, когда его нет в душе? Ужели же человек, когда не будет чувствовать одушевления и не будет в состоянии аффекта, не может и не должен выступать на кафедре оратора? Если это так, то не стесним ли мы доступа на ораторскую кафедру многим, готовым посвятить себя красноречию, и даже призываемым к тому своим общественным положением?

Как бы ни казалось высоким и не для всякого удобоисполнимым указываемое нами требование, мы должны настаивать на нем по самому существу дела. Когда начертываются законы правильной деятельности в какой бы то ни было области, имеется в виду чистый идеал, с которым должны сообразоваться, и к которому должны приближаться частные деятели. Если бы мы устранили или опускали из вида высокие требования идеала, в виду ограниченности человеческих способностей и в виду частых уклонений от них в практической деятельности, то мы погрешили бы против истины и вместе содействовали бы понижению или искажению искусства, допуская или узаконивая то, что является отступлением от закона или нарушением его. Пусть оратор является таким, каким должен быть, и пусть прилагает все усилия к тому, чтобы возвыситься над той ограниченностью и над тем низменным бездушием, с каким являются люди не призванные на кафедре оратора. Если выступаешь ораторствовать, говори по-ораторски, – от сердца и с одушевлением. А нет одушевления, не выливается слово прочувствованное, согретое теплотой сердечной, – не являйся на кафедре и не имей притязания на титул оратора. У Гёте в Фаусте, Вагнер просит Фауста научить его, как действовать на мнения, то есть, к каким средствам нужно обращаться, чтобы склонять людей к принятию известного решения и говорить им с полной убедительностью, и Гете влагает в уста Фауста такой, и единственный, совет ораторам: „глубоко прочувствуй то, о чем

ты хочешь говорить, и никогда не берись говорить о том, что не прочувствовано тобою. Если слово не выходит из души, то оно, при всей своей приятности, не победит сердец слушателей: оно слово праздное“. Эту же мысль подтверждает древнее латинское изречение, часто приводимое риторам: *Pectus est, quod disertos facit*¹⁸, то есть, сердце делает людей красноречивыми.

Кто же после этого может быть оратором? Всякий человек с живой душой, способной чувствовать добро и носящей в себе горячее желание содействовать благу своих собратьев, особенно в виду опасностей, им угрожающих; всякий человек, у которого есть бьющееся сердце и огонь в груди, и который носит в себе высокие идеалы, и во имя этих идеалов чутко отзывается на все, что трогает и интересуется близких к нему и окружающих его. Но пусть далеко стоит от кафедры оратора и не восходит на нее вялая, тепло-хладная душа, которая холодно и равнодушно относится к самым священнейшим интересам, и в которой убеждение не может пустить глубоких корней, и ничто не вызывает горячего одушевления. Такой человек, пожалуй, многое может знать и обильно говорить о разных предметах. Но речь его никогда не достигнет высоты ораторского слова; она будет как медь звенящая, без силы, без выразительности, и мало может действовать на души других. Понятно после сего, чего мы पहले всего требуем от оратора. В нашей богозданной душе положена божественная искра, сродная всему доброму, высокому и священному. Тлеющая в глубине нашего существа, она должна разгораться пламенем, при внешнем возбуждении, на нее действующем. Если в вас воспламенится эта божественная искра, от вас, без особенных усилий, выльется сильное и одушевленное слово, могущее побеждать умы и сердца слушателей. При сродстве душ человеческих огонь одушевления, овладевший душой оратора, через его теплое слово перейдет к слушателям и в них, незаметно для них самих, воспламенит сокрытую в них искру, – приведет их в состояние, отвечающее состоянию оратора.

Применим эти основные законы красноречия к проповеди, как виду ораторских произведений, руководствуясь указаниями

авторитетных мужей, излагавших правила касательно церковного красноречия, и требования, какие можно предъявить к проповеди и проповедникам с ораторской точки зрения, могут быть выражены в следующих положениях:

Внешняя художественность слова, в которой поверхностный взгляд готов видеть первое и главное условие красноречия, отнюдь не должна стоять у проповедника на первом плане, и не о ней он должен первее всего заботиться. Правда, внешнее приличие в слове и проповедническом воздействии не должно быть им пренебрегаемо, и изящное, обработанное слово может усилить действенность проповеди; блаженный Августин в своей *Христианской науке* выражает желание, чтобы проповедник говорил не только мудро, но и красноречиво; „ибо нет сомнения (говорит он), что соединение того и другого принесет более пользы... Что лучше сладости, когда она в то же время и спасительна, и спасительности, которая вместе и сладка? Ибо в таком случае чем вожделеннее сладость, тем скорее и легче спасительность приносит пользу“¹⁹. Но внешнее приличие не цель для проповедника-оратора, а только средство, способствующее достижению цели, и если на нем одном он сосредоточит свое внимание, о нем только будет заботиться, он остановится на полдороге, изменит своему назначению и не достигнет того, к чему должен стремиться. „Слог, имеющий в виду нравиться одним наружным красноречием (замечает блаж. Августин), не должен быть употребляем сам для себя; напротив, его надобно употреблять только для того, чтобы он своей приятностью выражения несколько легче возбуждал, и крепче удерживал мысль и чувство слушателя на тех предметах, которые излагаются с пользой и достоинством... Пусть главную заботу свою полагают в том, чтобы говорить речью красивой, избранной, светские ораторы, любящие тщеславиться искусством и обработанностью стиля, и желающие только нравиться слушателям. А мы, христианские наставники, должны заменить эту цель другой, более существенной, целью, и иметь первее всего в виду возбуждение в слушателях любви к благонравию и отвращение от худой нравственности... Красотой слога мы будем пользоваться не

для хвастовства, а по благоразумию; не будем довольствоваться тем, чтобы только нравиться слушателю; но будем употреблять красивую речь, как вспомогательное средство к убеждению в истинно благом²⁰.

Так же, как блаж. Августин, оценивает значение внешнего красноречия и св. Григорий Двоеслов. „Надобно и нравиться пасомым (говорит он в своем *Пастырском правиле*), только не из самолюбия, – но для того, чтобы своей любезностью поддерживать в них любовь к истине, не для того только, чтобы услаждаться их любовью, но для того, чтобы любовь их сделать путем, через который сердца слушателей можно привести к любви Создателя. Ибо едва ли охотно будут слушать того проповедника, который не умеет слушателей расположить к себе. Таким образом пастырь и не должен пренебрегать любовью пасомых, если хочет, чтобы его слушали, и не должен заискивать её для себя лично, если не хочет оказаться на деле изменником и похитителем прав Того, которому видимо служит“. По смыслу этих слов святого отца, желательно, чтобы слово проповедника имело и внешние достоинства. Проповеднику ничем не нужно пренебрегать, чтобы довести святую истину до сердца слушателей и возбудить их волю к благочестию. Но дурно, если проповедник будет стараться больше нравиться, чем учить. „Тогда самолюбие сделает весь труд его совершенно напрасным для Бога. Ибо тот враг Искупителя, кто добивается, хотя бы и хорошими средствами, быть любимым церковью, вместо Него. Это было бы то же самое, как если бы какой-нибудь отрок, через которого жених пересылает подарки к своей невесте, вздумал предательски привлечь к себе её сердце и обольстить ее. Проповедник перестает быть служителем истины, когда он слишком увлекается желанием нравиться людям²¹.

Внешнее красноречие, не составляющее первого и главного условия действенности слова и в светском ораторстве, в проповеди имеет еще меньшую значимость, и здесь менее чувствуется потребность прибегать к внешним средствам, усиливающим действенность слова. Светский оратор не имеет перед слушателями такого авторитета, каким, в силу своего

призвания, облечен церковный проповедник, и интересы, им защищаемые, не могут идти в сравнение с теми высокими предметами, о каких должен говорить проповедник. Оратору светскому вследствие этого становится нужным возбуждать внимание слушателей, усиленным образом действуя на их чувство, чему способствует внешнее искусство слова и ораторского действования. А проповедник говорит не сам от себя, а по уполномочию от Церкви Божией, и предлагает не свое слово, но слово Божие. Божественный авторитет слова и учения, им разъясняемого, придает ему особенную силу, без всяких побочных средств, направленных к увеличению действенности слова. Присоедините к этому высоту истины христианской, раскрываемой в проповеди, глубину и духовность вдохновений, какими руководится проповедник, важность цели, какую он имеет в виду, – спасение людей. Все это, взятое вместе, освобождает проповедника от излишней заботы о внешней стороне слова. При условиях, нами указанных, внешнее красноречие или, по Апостолу, *препретельныя слова человеческой премудрости* (1Кор.2:4) не так важны и нужны в проповеди, как в светском ораторстве. Сила слова сама собой возникает здесь от того источника, из которого черпает свое содержание проповедь.

Между тем увлечение блесками внешнего красноречия часто замечается в христианском обществе и по отношению к проповедному слову, и оно сопровождается неблагоприятными практическими следствиями. При нем слушатели обращают внимание не на то, о чем говорит проповедник, и к чему направляет свое слово, а на то, как он говорит; они хотят и требуют услаждения слуха, забывая о том, что проповедь не это должна иметь в виду, а их нравственное благо и спасение. Их мысль, так сказать, скользит по поверхности слова, и не проникает внутрь, ценит скорлупу, а не то полезное ядро, которое предлагается в этой скорлупе. И проповедники нередко поддаются действию этих увлечений, и вместо существенных целей, им подлежащих, преследуют цель побочную, второстепенную. Это заметно было даже в классический век церковного красноречия, когда на церковной кафедре

раздавалось сильное слово Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова. В то время у греков слишком было развито риторическое художественное чувство, и светские ораторы-софисты стремились удовлетворять этому чувству. Они выступали с речами, не имеющими практического значения, и в этих речах рассыпали цветы красноречия, которыми думали услаждать и услаждали души слушателей, наживших потребность эстетического наслаждения художественной и изысканной речью. Проповедники имели перед собой слушателей с изнеженным вкусом, избалованных светскими риториками; и в церкви эти слушатели хотели такого же ласкания слуха, какое получали в светских аудиториях. Видя это, многие из проповедников более думали о доставлении удовольствия слушателям, чем об их спасении, на что жалуются отцы, стоявшие во главе церковного общества. Св. Григорий Богослов в одном слове заявляет, что многие идут в церковь на проповедь потому, что „надеются насытить слух и получить удовольствие“²². И св. Иоанн Златоуст равным образом свидетельствует: „не для пользы, а для забавы очень многие слушают проповедника, подобно тем, которые сидят и судят о трагических поэтах или игроках на цитре“²³. Св. Григорий Богослов о себе говорит, что он „не из числа краснословов, похищающих благосклонность ласкательством“, но в то же время глубоко сожалеет о том, что между проповедниками „много способных к этому ласкательству... Эти люди и наше благочестие, которое просто и чуждо искусственности, обратили в искусственное и в какой-то новый род упражнения, перенесенный с торжищ во святилище и с зрелищ в недоступное взорам многих тайноводство“²⁴. Св. Иоанн Златоуст в одной беседе на Деяния Апостольские со скорбью и горечью жалуется на то, что „многие слишком заботятся о том, чтобы, ставши на средину, держать длинную речь, и если они получают рукоплескания от толпы, то для них это все равно, как будто они получили царство. Это совершенно извратило порядок церковный, что вы не ищите слова, способного произвести угрызение совести, а ищите такого слова, которое бы могло доставить вам наслаждение и звуком и сочетанием

речений, совершенно так, как вы идете слушать певцов или игроков на цитре. И мы так равнодушно и недостойно поступаем, что следуем вашим прихотливым желаниям вместо того, чтобы искоренять их. Мы гоняемся за изяществом слова, заботимся о стройности и гармонии языка для того, чтобы вам нравиться, а не для того, чтобы принести вам пользу, – для того, чтобы заслужить у вас удивление, а не для того, чтобы доставить вам назидание, – для того, чтобы с рукоплесканиями и похвалами уйти отсюда, а не для того, чтобы содействовать исправлению нравов²⁵.

Против увлечения внешним красноречием мы встречаем строгое обличение еще в древности у пророка. Еще в ветхозаветные времена пророки должны были ратовать против такого направления в народе, при котором он искал в слове пророка-проповедника не пользы, не назидания себе, а простого услаждения слуха. *О тебе, сын человеческий (читаем мы у пророка Иезекииля), сыны народа твоего разговаривают у стен и в дверях домов, и говорят один другому, брат брату: пойдите, и послушайте, какое слово вышло от Господа. И они приходят к тебе, как на народное сходбище, и садится перед лицом твоим народ Мой, и слушают слова твои, но не исполняют их; ибо они в устах своих делают из этого забаву, сердце их увлекается за корыстью их. И вот ты для них, как забавный певец с приятным голосом, и хорошо играющий; они слушают слова твои, но не исполняют их (Иез.33:30–32).*

Важнее внешней формы в проповеди внутренняя сторона или содержание, в ней предлагаемая и раскрываемая, и ей следует придавать больше значения, чем внешнему стилистическому совершенству, и на нее должно обращать больше внимания, чем на сторону внешнюю. Такое требование, вытекающее из основных законов красноречия, выставлял на вид проповедникам первый христианский писатель, прилагавший к церковному красноречию то, что светские риторы узаконили по отношению к ораторству вообще. Он требует от проповедника первее всего речи полезной или мудрой, а потом, если возможно, и красноречивой. „К званию проповедническому (говорит он) скорее способен тот, кто может рассуждать и

говорить мудро, хотя бы и не мог говорить красноречиво; ибо такой может быть истинно полезным для слушающих, хотя и не столько, сколько бы пользовал их, если бы обладал вместе и даром красноречия... Риторы признавались, что если мудрость без красноречия мало доставляет пользы государствам, то красноречие без мудрости часто приносит великий вред, пользы напротив никогда не приносит²⁶. Следовательно, если по внушению одной простой истины принуждены были сделать такое признание люди, кои сами изложили правила красноречия, и сделали это в тех самых сочинениях, кои они писали о красноречии, – еще не зная мудрости истинной, свыше нисходящей от Отца светов; то как же нам, чадам и служителям сей мудрости, не мыслить иначе и благоразумнее о достоинстве красноречия²⁷?

По отношению к этой части ораторского служения, – соблюдению надлежащего достоинства внутренней стороны или содержания слова, церковный оратор поставлен, с одной стороны, в более благоприятные условия, в сравнении с оратором светским, но, с другой стороны, он встречает здесь такие затруднения, какие не существуют для оратора светского.

Благоприятные условия состоят в том, что проповеднику даны и указаны высокие предметы, о каких, по званию своему, он должен говорить с народом. Светскому оратору приходится говорить о предметах житейского свойства, которые по своему значению не могут равняться с предметами, подлежащими обсуждению на церковной кафедре: внешняя юридическая правда, внешнее благополучие человека или общества – вот та цель, которой он старается достигнуть силой своего слова. Проповедник свое слово посвящает защите и разъяснению интересов вечных: не к временному благополучию, а к вечному спасению он должен вести народ, его слушающий. Он хочет устроить на земле, правду высшую, небесную; путем добродетели он хочет вести своих слушателей к наследию благ вечных, к достижению царства небесного. Раскрывая и внедряя в умы и сердца людей учение о спасении, он выполняет повеление, данное Господом Иисусом Христом, приходившим с неба для совершения домостроительства нашего спасения, и

является в полномочии посланника Божия, зовущего своих братьев с пути погибельного на путь правый, ведущий к блаженству, и слово его является отражением или отголоском слова божественного. Ораторство в христианстве получает высшую миссию, какой оно не имело в древние века, во времена Демосфенов и Цицеронов, и слово проповедника, исполняющего эту миссию, является словом внушительным и святым по тому предмету, который оно раскрывает, по той цели, какой оно служит, и по тому источнику, из которого берет оно свое содержание. *Слушай вас Мене слушает* (Лк.10:16), говорил Господь Иисус Христос семидесяти апостолам, посылая их на проповедь по разным городам и местам, и это слово Спасителя имеет приложение ко всем проповедникам, продолжающим то дело, которое во время земной жизни своей Господь поручил Апостолам. В силу этого речь проповедника, и при всей простоте и безыскусственности, способна вызывать внимание к себе у всех, верующих в Господа, и по этой вере чтущих посланных от Него и совершающих повеленное от Него.

При высоте и важности предмета, обсуждаемого в церковной проповеди, и святости цели, стоящей в виду у проповедника, затруднения для него возникают из того, что этот предмет стоит перед ним во всей необъятной широте своего содержания; он не может разом охватить его во всей целостности. При этом ему угрожает опасность касаться его поверхностно и говорить общими местами, в практическом отношении мало действенными. У светского оратора почти всегда в виду частный случай, вызывающий его на служение слова. Он говорит по поводу какого-либо определенного обстоятельства, увлекающего внимание его и его слушателей. У него видимый враг, на которого он нападает, или близкий клиент, которого он старается защитить. Перед ним ясно поставлена частная цель, и к ней прямо направляется его слово. В виду этой цели, прямо стоящей перед его глазами, он далек от опасности уклониться в сторону общих мест, не имеющих непосредственного отношения к живой действительности. Самое дело, которым вызывается его слово, заставляет его или дает ему возможность говорить практично. У проповедника большей частью нет такой частной,

ясно указанной, цели. Редко какое-либо жизненное обстоятельство ставит перед ним определенную задачу, указывающую прямое направление его слову. Нет у него в наличии врага, нет и клиента в качестве определенного лица. Того и другого ему нужно искать и указывать слушателям, и искать и указывать в сердце самих слушателей. Этим врагом, с которым он борется, служит грех, гнездящийся в мертвенном теле нашем, часто не видимый и не осознаваемый нами; а клиентом является добродетель или тот святой закон, который ведет нас ко спасению, существующий больше в идее, чем в действительной жизни, – наше спасение или вечное блаженство, которое нам указано, как конечная цель нашей жизни, и которым мы часто так легкомысленно пренебрегаем. Из широкой области предметов, стоящих перед его умственным взором, – притом по своему идеальному характеру прямо не видимых и не осязаемых в реальной действительности, – он сам должен выбирать тот или иной вопрос, ставить ту или иную частную цель, руководствуясь своими соображениями, и эта цель может ставиться произвольно и не метко, без соответствия с потребностями среды, слушающей проповедника, или ей дают такие широкие размеры, что теряется или делается затруднительной её практическая пригодность и приложимость. Отсюда проповедники часто довольствуются общими мыслями и предлагают речи, хотя верные и святые по своему содержанию, но по своему отвлеченному содержанию приложимые ко всем, и ни к кому в частности. Такие речи обыкновенно скользят по поверхности душ слушателей, но не западают в сердце и рассеиваются в воздухе, не производя требуемого действия. Мало сказать: не грешите, или будьте благочестивы, подобное чему нередко служит содержанием проповедей. Этому доброму общему уроку нужно дать определенную форму, – нужно вести его в направлении, прямо отвечающем обстоятельствам времени, настроению и потребностям слушателей. Отсюда от проповедника требуется особенное старание и особенное умение, чтобы излагаемому им слову спасения дать жизненную силу, и из сферы отвлеченной

перевести в область практическую. В этом отношении ему предстоят большие трудности, чем оратору светскому.

Но проповедник не выполнил еще всего своего дела, если он в своей речи хорошо и основательно раскрыл ту или другую часть святой христианской истины, и учению о спасении умел дать более или менее практическое направление, в сознании потребности своих слушателей. Учение христианское хорошо раскрывается в учебниках и разных теоретических сочинениях. Книга, ныне распространенная даже в сельских закоулках, может передавать и передает народу то, что нужно знать об учении Христовом и об условиях нашего спасения. Но мертвая книга не может давать того, что ожидается от живого слова проповедника... При множестве книг и сочинений, посвященных уяснению христианского учения о спасении, всегда и всюду чувствуется потребность в живом ораторском или проповедном слове. Это живое слово, произносимое с церковной кафедры, должно дать святой истине, в нем раскрываемой, теплоту и силу. Эта истина в книге лежит, так сказать, неподвижно. Проповедник-оратор берет ее из мертвой книги, оживляет ее своим дыханием и дает ей движение, и она, им направляемая, находит путь к сердцам слушателей и действует на них тем быстрее и сильнее, чем более проповедник вносит своей душевной силы и энергии на оживление истины, служащей предметом его слов. Нужно, значит, не только осознать истину; но нужно проповеднику прочувствовать ее, воспринять ее и переработать в лаборатории своего сердца, и уже прочувствованную, сделавшуюся достоянием его души, передать ее другим, и в этом случае само собою выльется из уст проповедника слово сердечное, такое слово, которое будет способно жечь умы и сердца людей. А без этого будут раздаваться с церковной кафедры слова, пожалуй, умные и рассудительные, но сухие и холодные, от которых не возгорится искра, тлеющая в душах слушателей, и они не будут тронуты холодным рассуждением проповедника. „Не похвала или самая худшая похвала проповеди – сказать, что это умное произведение (повторим мы слова Жибера). Если в этом умном произведении нет того, что исходит от сердца, – огня, жизни,

чувства, чего не может дать никакой ум, то оно медь звенящая... Кто не умеет чувствовать, тот никогда не будет хорошо проповедовать²⁸.

Где найти и указать средства для того, чтобы проповедник с энергией и огнем мог возвещать народу святое учение о спасении? Главное, если не единственное, средство к этому – нравственное христианское воспитание человека, глубокая преданность души тому, что внушал нам небесный Учитель, и полное проникновение её божественной истиной, которую мы должны сообщать слушателям. Воспитайте в себе дух Христов, согревайте свое сердце благочестивым размышлением о глубине нашего падения, о гибели, нам угрожающей, в случае нашего исправления, – о величии любви Божией к нам, готовой исторгнуть нас из бездны погибели, куда часто бессознательно влечемся мы, и изливающей на нас неизреченные милости и щедроты, – одушевитесь любовью к братьям своим, которых вы призваны обращать на путь спасения. Тогда у вас откроется неиссякаемый источник, откуда, без особенного напряжения с вашей стороны, потечет обильное и сильное слово, которое способно будет смягчать и побеждать упорство и ожесточение людей.

II. Проповедь, как исполнение церковно-религиозного служения

Проповедь, рассматриваемая с религиозной точки зрения, есть раскрытие слова Божия или сообщение учения о нашем спасении, содержащегося в Откровении и хранимого в церкви, в видах споспешествования устроению нашей духовно-нравственной жизни, согласно тем заветам, какие даны Господом для людей, желающих вступить в царство Божие. Она есть продолжение того благовестия, которое во время земной жизни своей Господь Иисус Христос сообщал людям, ждавшим избавления, приглашая их вступить на путь спасения и указывая условия и средства к этому. Она должна действовать на просвещение ума, разъясняя божественную истину и возбуждая и укрепляя веру в нее, и вместе с тем разгоняя мрак заблуждений. Она должна действовать и на волю, указывая ей образец нравственного совершенства и богоугодной жизни, и возбуждая ее к возможному достижению нравственного совершенства, и вместе с тем предохраняя ее от тех преткновений на пути к этому совершенству, какие угрожают нам в мире, полном соблазнов и страстей. Всего человека, падшего и долу преклонного, она должна восстанавливать и возрождать и претворять в нового человека по духу Христову, созидая в нем сердце чистое и обращая его к Богу, источнику высшего небесного блага.

В экономии, церковной жизни или в Божием домостроительстве нашего спасения проповедь имеет чрезвычайно важное значение. Она служит одним из главных средств к распространению и утверждению царства Божия на земле. Господь Иисус Христос не пользовался никакими внешними средствами для основания и укрепления этого царства. Он ходил и учил народы, с которыми приходил в соприкосновение, изливал из своей божественной души чистое и святое действенное слово, указывающее путь спасения. И это святое слово было основанием, на котором созидалось здание церкви спасающей, было семенем, возросшим в великое древо,

отростки которого покрывают всю землю. Благовестие, данное и сообщаемое Господом во время Его земной жизни, было источным началом проповеди и заключало в себе тот материал, который позднейшее время должно было раскрывать, применяя его к потребностям живущих поколений. Название, с каким обращались к Нему во время Его чрезвычайного служения роду человеческому, было: *раввуни* или *равви*, что значит учитель (Ин.20:16; Ин.9:2), чем означалось преимущественное значение учительства в Его деятельности. Своим ученикам или апостолам не давал Он никакого другого поручения, кроме того, чтобы они проповедовали Евангелие всякой твари. Явившись им по воскресении, Он дал им такой последний торжественный завет: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари* (Мк.16:15); *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф.28:19–20). Апостолы, верные завету своего Господа и Учителя, в служении слова или проповеди Евангелия видели и полагали главное свое призвание и дело, и находили неудобным для себя оставлять это дело, на них возложенное, для других занятий (Деян.6:24). Апостолы поручали это дело своим преемникам, избираемым ими на служение спасению людей. И с первых веков христианства раздается перед слухом людей глагол Божий, разъясняющий нашему духу высокие истины веры и закон нашей жизни. Церковь христианская начала расти с тех пор, как народ услышал в день пятидесятницы дивные речи апостолов (Деян.2:6–41). Слышимая ныне в церкви проповедь есть не что иное, как продолжение того свидетельства о Христе и совершенном им деле нашего спасения, которое, по поручению Господа, первоначально возвещали самовидцы и слуги Слова (Лк.1:2).

Знаменательно, что повеление Господа апостолам идти и проповедовать Евангелие всем языкам обставлено словами: *дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли... и се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф.28:18, 20). Первые слова соединяют проповедное слово во имя Христово с высшей властью, какая принадлежит Основателю святой церкви, и какой можно располагать в мире свободы. Эта власть – власть

над умами и душами людей, заставляющая их следовать туда, куда влечет их проповедник. Проповедующим во имя Божие Господь обещал уста и премудрость, которая будет склонять на путь спасения и побеждать всех, противляющихся им (Лк.21:15). А последующие слова обнадеживают их постоянной помощью свыше. Господь обещает апостолам, а в лице их и всем служителям проповедного слова, быть с ними до скончания века. Они являются таким образом, по слову Господа, непосредственными продолжателями Его учительского служения, и Он непрестанно, хотя и невидимо, будет при них, вдохновляя их и управляя их мыслями, и все, слышащие проповедь во имя Христово, должны видеть не частное учение того или другого проповедника, а слово, запечатленное высочайшим божественным авторитетом. *Слушай вас* (говорит Господь, посылая семьдесят учеников на проповедь) *Мене слушает, и отменяя вас Мене отменяется* (Лк.10:16). Следуя этому указанию, мы должны видеть в церковной проповеди прямой отголосок живого и действенного слова самого Господа. Христианская проповедь, имея свой корень в благовестии Господа, в течение веков служит в церкви великой силой, оживляющей, направляющей и поддерживающей духовно-нравственную жизнь христиан.

Условием спасения нашего служит вера. *Иже веру имеет и крестится* (говорит Господь, посылая апостолов на проповедь) *спасен будет: а иже не имеет веры, осужден будет* (Мк.16:16). Но вера насаждается и укрепляется в сердцах людей словом проповеди. *Благовествование Христово сила Божия есть во спасение всякому верующему* (Рим.1:17). *Вера от слуха* (говорит апостол), *слух же глаголом Божиим* (Рим.10:17). А глагол Божий есть именно проповедь апостолов и преемствовавших им служителей церкви, которая, достигая слуха, насаждает и возгревает веру в душах людей, ведет или влечет их ко спасению. Без проповеди не может быть этого насаждения и возгревания веры. *Како уверуют* (говорит апостол), *егоже не услышаша? Какоже услышат без проповедающего* (Рим.10:14)? Глаголом Божиим, проносимым и возглашаемым проповедниками, мы духовно рождаемся для

жизни веры, и этим глаголом постоянно должны питать и поддерживать себя, доколе достигнем в меру возраста исполнения Христова, для чего Господь дал апостолов, пророков, благовестников, пастырей и учителей: все они служили и служат к совершению святых, в созидание тела Христова (Еф.4:11–13).

Как скоро на дело проповеди мы смотрим, как на высокое служение, способствующее спасению людей, то естественным образом возникает вопрос о лицах, долженствующих выполнять это служение, – о тех требованиях, какие можно предъявлять им, или о тех условиях, при которых с надлежащим достоинством и успехом может быть совершаемо служение церковного слова.

Само собою понятно, что такое высокое служение, как проповедь, должно быть поручено избранным лицам. Первоначально Господь на это дело из среды народа призвал двенадцать, а потом семьдесят учеников, которых в течение трех лет приготавливал к совершению его своими наставительными беседами о царствии Божием и о соблюдении людьми всего, необходимого для их спасения. Он им, этим избранным ученикам своим, поручил, по воскресении своем, дело проповеди евангельской, и в своей первосвященнической молитве их посольство на проповедь приводит в непосредственную связь со своим посланничеством от Отца для спасения людей. *Якоже Мене послал еси в мир, и Аз послах их в мир* (Ин.17:18). Апостолы, сами избранные и посланные Господом на дело благовестия Христова, со своей стороны, указывали, что на дело служения церковного слова должны быть отделяемы от среды людей мужи свидетельствованные, и для своего служения должны быть снабжаемы особыми полномочиями. *Како проповедят* (говорит апостол), *аще не послани будут* (Рим.10:15)? Этим изречением апостола предполагается, что из среды верующих должны избираться особые люди, которым, по признанию их дарований, дается полномочие проповедовать Евангелие, и на которых вместе с тем возлагается обязанность нести это трудное служение. По заповеди апостола, к этому служению могут и должны быть

призываемы мужи, держащиеся *верного словеса по учению, сильные и утешати во здравем учении и противящиеся обличати* (Тит.1:9). Впоследствии это дело возложено на предстоятелей церкви, – епископов и пресвитеров (апост. прав. 58. VI всел. собор, пр. 19). Но в течение многовековой церковной жизни эти правила не стесняли представителей власти церковной давать позволение на проповедь и известным им способным людям, не состоящим в числе предстоятелей церковных, – именно дидаскалам или учителям школ, устрояемых церковью: эти дидаскалы, по самому званию своему, причислялись к клиру церковному, и многие из них, после служения в школе, призывались к высшему служению церковному. Мы, впрочем, при изложении учения о проповеди в гомилетике, не считаем нужным канонически решать вопрос о том, кто обязан и кто может проповедовать слово или учение Христово в церкви.

Наш прямой вопрос о том, что требуется от человека, выступающего на дело проповеди церковной, для успешного выполнения этого дела, – чем он должен обладать, и что должен выполнять, как верный служитель Божий и избранник церкви на высокое дело благовестия Христова.

Проповедник прежде всего является учителем. Так смотрели на проповедника в древнее время, и от него ждали и требовали разъяснения веры и раскрытия тайн домостроительства нашего спасения. Кафедра епископа в древности часто называлась *θρόνος διδασκαλικός*. Так смотрят на него и ныне. И если в Господе, возвещавшем евангельское слово о спасении, видели и чтити великого Учителя, то и в посланных от Него на продолжение Его благовестия, должно видеть учителей народа как верующего, так и мало верующего и заблуждающегося. А от учителя требуется прежде всего знание, – отчетливое знание того, чему он должен учить и что должен разъяснять, чтобы быть *делателем непостыдным, право правящим слово истины* (2Тим.2:15). Было бы великим дерзновением и неразумием выступать на кафедру учителя-проповедника, не запасшись наперед для того необходимыми знаниями. „Что касается до раздаяния слова (составляющего

первую обязанность пастырей церкви), говорит²⁹ св. Григорий Богослов, – слова божественного и высокого, – то ежели кто другой приступает к делу сему с дерзновением и почитает оное доступным для всякого ума, я дивлюсь многоумию (чтобы не сказать: малоумию) такого человека. Для меня кажется не простым и не малого духа требующим делом *каждому даяти во время житомерие* (Лк.12:42) слова, и с рассуждением вести домостроительство истины наших догматов, то есть, нашеголюбомудрого учения о предметах веры“.

Какое же знание требуется от человека, призываемого к исполнению проповеднического служения и являющегося на церковной кафедре в звании церковного учителя?

Люди, рассуждавшие и писавшие об условиях ораторского служения вообще, требуют от служителя публичного ораторского слова самого тщательного и широкого образования. Платон в „Федре“, где он излагает правила касательно красноречия, доказывает, что истинным оратором может быть только философ, и перечисляет множество предметов, какие оратору знать необходимо; для успеха в его деле ему нужно знание человека и всего того, что входит в область психологии, знание законов и обычаев страны, нравов каждого сословия, способов воспитания, предрассудков и интересов, господствующих в живущем поколении, средств образовать и исправлять умы... Цицерон³⁰ еще более расширяет круг сведений, необходимых оратору. По его суждению, оратор все бы должен знать, потому что обо всем ему приходится говорить, и он никогда не может хорошо говорить о том, чего не знает. Но всего нельзя изучить человеку, по краткости жизни и другим непреодолимым причинам. В виду этого Цицерон указывает знания, наиболее необходимые оратору. Сюда относит он знание философии, в особенности той части её, которая говорит о нравах, знание природы страстей, так как красноречие имеет целью возбуждать страсть; далее полезно и необходимо ему чтение древних греков, изучение историков не для стиля только, но и для ознакомления с историческими событиями, изучение поэтов, по причине близкого соотношения между поэзией и красноречием. Одним словом, оратор должен обогатить свой ум

разнообразными познаниями прежде, чем выступит на кафедру. Те, которые без надлежащих знаний приступают к ораторскому служению, – то же, что люди, отправляющиеся в дорогу без всякой провизии.

Какое же знание необходимо христианскому проповеднику, возвещающему людям слово спасения?

Мы не хотим предъявлять проповеднику, по отношению к его знанию, таких широких требований, какие заявляли по отношению к светскому оратору упомянутые нами знаменитые древние писатели, руководители мысли современных им поколений. Проповедник, по заповеди Господа Иисуса Христа и полномочию церкви, должен служить делу спасения людей, насаждая и утверждая в них семена веры и благочестия или нравственного усовершенствования. Он должен поэтому в совершенстве знать все то, чему учил и что соблюдать заповедал Господь Иисус Христос. Учение Христово или христианская вера, понимаемая во всей широте своего значения – вот первый и самый необходимый предмет, на котором должно быть сосредоточено внимание проповедника, и без основательного знания которого невозможно быть христианским проповедником.

Откуда же можно приобрести это знание христианского учения? Этот вопрос может показаться праздным. Ответ на него уже дан жизнью и теми учреждениями, какие в христианских благоустроенных обществах и государствах существуют для приготовления достойных служителей церкви, и в частности проповедников. У нас существуют специальные духовные школы, в которых преподается и изучается богословская наука по широкой программе, и будущие проповедники здесь многолетним трудом приобретают для себя нужный запас сведений. Духовный Регламент, определявший порядок церковной жизни в нашем отечестве в первой половине XVIII века, и имевший законодательное значение, дает нарочитые полезные регулы или правила о проповедниках слова Божия, и в первом правиле право на проповедь дает только людям, прошедшим школу, и в ней изучившим богословие. „Никтоже же да дерзает проповедать (говорит первая регула Регламента о

проповедниках), не в сей Академии ученый (статья о проповедниках слова Божия в Регламенте следует за статьей о домах училищных), и от Коллегиума духовного не свидетельствованный. Но если кто учился у иноверцев, тот бы явил себе прежде в духовном Коллегиуме, и тамо его испытать, как искусен в священном Писании: и слово сказал бы о том, о чем ему повелит Коллегиум, и если искусен покажется, то дать ему свидетельство, что аще похощет быть в чину священническом, мощно ему проповедать“.

Но и помимо школы, возможно достаточно полное усвоение истин веры (хотя это гораздо труднее и может являться счастливым исключением) путем самоличного благочестивого упражнения в приобретении религиозного знания, и если истины веры усвоены человеком, не посещавшим специальной богословской школы, не умом только, но и сердцем, то такой может быть плодотворным и влиятельным проповедником, что мы нередко и видим на иноках, стяжавших известность своей благочестивой жизнью. Да и в самой специальной школе, при множестве предметов, числящихся в её программе, не все они имеют равное значение для проповедника, имеющего своей задачей изложение народу учения о спасении. И если нужно указать, знание чего наиболее полезно и необходимо для проповедника, то на первом месте мы поставили бы знание священного Писания. В священном Писании содержится правило веры нашей и источник наших познаний о Боге и Его отношении к миру и человеку, о человеке, его судьбе и назначении. Здесь, в священных боговдохновенных книгах проповедник найдет все, что нужно ему для успеха в его деле. Церковная проповедь есть разъяснение слова Божия. В слове Божиим для проповедника дано все, что нужно и полезно знать нам для нашего спасения; в нем и чистое учение о предметах религиозного ведения, и святой закон нравственной жизни, и побуждения к исполнению этого закона, и достойные подражания примеры на пути к нравственному самоусовершенствованию, и все это, облеченное божественным авторитетом, придает особенную силу слову проповедника, — отсюда он может получать подкрепление своей мысли, и, опираясь на высокий

непреложный авторитет боговдохновенного слова, говорить слушателям со властью и действенным влиянием. Блаженный Августин, излагая правила, уясняющие способ проповедования церковного учения, знание Писания ставит первым условием доброго и успешного выполнения проповедником своего долга. „Мудро говорит человек (замечает блаж. Августин) тем более или менее, чем более или менее оказал он истинных успехов в познании священного Писания, т. е., не в одном только чтении и затверживании оно на память, но вместе в добром разумении и в тщательном изыскании смысла его... Чем беднее видит проповедник самого себя в отношении к собственным дарованиям, тем нужнее ему обогащаться знанием слова Божия, дабы то, что он говорит своими словами слабо, подкреплять силою Писания. Таким образом кажущийся недорослым по своему языку некоторым образом займет себе рост от свидетельства мужей великих“³¹.

Второй предмет, после священного Писания, которому должно быть посвящено внимание проповедника, и изучением которого ему нужно с возможной тщательностью заняться, – творения отцов и учителей церкви. В них он найдет лучшее изъяснение священного Писания, – первоисточника нашей веры; через них для него раскроется истинный смысл Писания в местах темных, подвергающихся перетолкованиям, и они укажут ему правильный метод толкования Писания. В них далее раскрыта вся полнота церковного учения, и они верные хранители церковного предания, служащего вторым, равнозначительным с первым, источником нашего вероучения. Наконец, в писаниях отцов мы имеем прекрасные образцы церковно-проповеднического слова, по которым можно научиться плодотворному, влиятельному и достойному церковной кафедры способу проповедничества. Сильный дух веры и благочестия, каким проникнуты и запечатлены их писания и проповеди, их богатый духовный опыт, их преданность делу спасения своих братьев и пламенная ревность, с какой они охраняли святыню, врученную церкви, – все это, переходя из их писаний в душу прилежно изучающего их, воспитывает его для достойного совершения своего дела и

способствует ему обогатиться силами или качествами христианского духа, так важными для успешного исполнения церковного слова. Лучшие гомилеты советуют готовящимся к проповедничеству и проповедникам прилежно изучать в особенности слова и беседы величайшего из христианских проповедников, – св. Иоанна Златоуста. Богослов-гомилет XVI века Гиперий, высокоочтимый и в современном протестантском богословском ученом мире, выражает желание, чтобы молодые проповедники непрестанно, день и ночь читали и перечитывали беседы Златоуста; потому что ни у кого, как у св. Златоуста, нельзя научиться проповеднику говорить так, как нужно, – ясно, просто, популярно, и вместе учено, умно, вполне прилично и важно³². Такой же совет дает проповедникам лучшая гомилетика французская (Жибера), писанная в классический век французского церковного красноречия³³. И в нашем духовном Регламенте, шестая регула о проповедниках слова Божия гласит: „Должен всяк проповедник имети у себя книги святаго Златоуста, и прилежно чести оныя: ибо тако приобучится складать чистейшее и яснейшее слово, хотя и не будет Златоустому равное“.

Что касается богословской учености, нужной для профессора или учителя школы, обязанного преподавать известный специальный предмет, то она, пожалуй, желательна в известной степени, но не составляет необходимого условия для успешного ведения дела проповеднического. И не обладающий обширной богословской ученостью может быть влиятельным проповедником. Долг проповедника сообщать людям слово спасения и вести их к нравственному совершенству. Для этого не требуются ученые снаряды и утонченные материалы, почерпнутые из специальных наук. Проповедник говорит народу, большинство которого составляют люди простые, не достигающие до глубины научной мудрости, и учитель народа уклонится от своего назначения, если будет блистать перед ним своей ученостью и расточать перед ним такие знания, какие нужны для людей школы. Свидетельство Божие, какое возвещать должен проповедник, исходит из глубины верующего духа и может проявлять свою силу над сердцами, и без пособия

школьной мудрости человеческой. Апостол Павел, великий благовестник Божий, проповедовал *не в премудрости слова (2Кор.1:17) и не в препретьных человеческия премудрости словесех (2Кор.2:4)*, но его проповедь обладала такой силой, какой не обладало слово мудрецов, книжников и совопросников века сего.

Круг знаний, необходимых проповеднику, хорошо определен в нашем Духовном Регламенте, в статье: *„Домы училищные, и в их учителя и ученики, також и церковные проповедники“*, в седьмой регуле которой дается такое наставление: „В богословии собственно приказать, чтоб учено главные догматы веры наша и закон Божий. Чел бы учитель богословский священное писание, и учился бы правил, как прямую истую знать силу и толк писаний: и вся бы догматы укреплял свидетельством писаний. А в помочь того дела, чел бы прилежно святых отец книги: да таковых отец, которые прилежно писали о догматах, за нужду распръ, в церкви случившихся, с подвигом на противныя ереси... К тому ж зело полезны деяния и разговоры вселенских и поместных синодов. И от таковых учителей при священном Писании не тщетное будет учение богословское. А хотя и может богословский учитель и от новейших иноверных учителей помощи искать, но должен не учиться у них и полагаться на их сказки, но только руководство их принимать, каких они от Писания и от древних учителей доводов употребляют... Многажды бо лгут господа оные, и чего не бывало, приводят. Многажды же слово истинное развращают“.

Нужно ли проповеднику, для успешного выполнения своего служения, светское образование или знание гуманитарных наук? Конечно, всякое знание полезно служителю церковного слова, и чем богаче он образованием, тем большими средствами располагает для воздействия на умы людей и для достижения цели, стоящей на виду у него. Лучшие из отцов-проповедников, например, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, не только знали в совершенстве учение веры, но и владели богатством современного гуманитарного знания, и пользовались им в своей богословской и в частности

проповеднической практике. Св. Василий Великий даже написал особое сочинение – слово „к юношам о том, как пользоваться языческими (светскими) сочинениями“³⁴, где он показывает, что изучение внешних писателей может быть полезно для уразумения священных и таинственных уроков, почерпаемых из Откровения, и разъясняет условия, при каких это изучение может быть полезно. Эразм Роттердамский в своей гомилетике, подобно древним риторам, говорившим о воспитании и образовании будущего оратора, начертывает очень обширную программу наук, необходимых и полезных для проповедника, и хочет видеть его сведущим во многих отраслях знаний. По Эразму, проповеднику необходимо изучать и знать и грамматику, которой он дает очень широкие размеры, и историю, и пиитику, и древности, и арифметику, геометрию, физику и три языка, греческий, латинский и еврейский. Само собою разумеется, что ему должны быть известны риторика и диалектика. Кроме того, Эразм входит в разъяснение того, какие книги лучше всего иметь будущему проповеднику, и в этом случае он советует ему читать не только творения святых отцов, – но и языческих писателей, – прежде всего Демосфена и Цицерона, затем Платона, Аристотеля, Ливия, Тацита, Сенеки и Плутарха и других. Эразм сознается, что трудно человеку изучить все, рекомендуемые им, разнообразные науки во всей полноте: для этого не станет всей жизни человеческой. Но проповеднику, по его словам, нет нужды делать эти науки предметом подробного специального изучения. Для него достаточны сокращенные изложения их, в которых бы преподавалось главное и существенное содержание той или другой науки³⁵. В этом начертании плана наук, необходимых и полезных проповеднику, какое внушила Эразму забота о поднятии и усовершенствовании современного ему проповедничества, мы видим *pium desiderium*, и выполнению этого благочестивого желания некоторым образом служат наши духовные школы, в которых готовятся к своему служению будущие пастыри-проповедники. Никто не будет спорить, что прекрасное явление представляет проповедник-полигистор, обладающий обширными и разнообразными знаниями, и если он имеет

своими слушателями людей из образованного круга, то несомненно его влияние будет сильнее, если он стоит на высоте современного образования, и знаком с последними результатами научных приобретений. Но собственно в деле проповедничества это не существенное требование. Свидетельство Божие, возвещаемое в проповеди, сильно и действительно само по себе, без пособия внешней светской учености, и вера не нуждается в такой опоре, какую может предложить светская наука. Когда мы излагаем учение Христово и говорим во имя Отца и Сына и Святого Духа, когда ссылаемся на свидетельства евангелистов, апостола Павла и других богодухновенных мужей, то могут ли придать силы нашему слову мнения Платона, Аристотеля и прочих представителей светской учености? И как-то непристойно ставить рядом с Христом или апостолом Павлом какого-либо Сенеку или Платона или Виргилия. Их место вне храма или в преддверии храма, а не в самом святилище, где говорится проповедь церковная. У Христа, который всегда богат и плодovit (говорит Эразм), пусть вернее всего остается проповедник, и сторонний внешний придаток, приводимый в обилии проповедниками (справедливо замечает Юнгманн) кажется неуместен при раскрытии откровенной божественной истины. Пользоваться можно в проповеди материалами, доставляемыми светской ученостью, но с особенной осторожностью, без нарушения церковного приличия, отнюдь не придавая им равного значения с материалами, черпаемыми из священных религиозных источников. В века господства схоластики проповедники любили уснащать свои проповеди сведениями и примерами, заимствованными из светских сочинений сомнительного достоинства, и многие из этих сочинений, вроде „Физиолога“, „Римских деяний“, „Исторического зеркала“ и т. п., нарочито составлялись для доставления проповедникам годного для них материала. Этими материалами схоластические проповедники пользовались, если не для большей убедительности своего слова, то для придания ему большей занимательности. Но чистый гомилетический вкус в этом смешении священно-религиозного со светским элементом увидел грубое нарушение

церковного приличия, и в нем указывает один из главных недостатков схоластической проповеди. И в века господства рационализма, как, например, в Германии в последней половине XVIII столетия, проповедники, часто сами скудные верою, говоря с церковной кафедры, в своих речах не столько опирались на слово Божие, которое изъяснять должны были, сколько старались говорить от своего ума своими естественными мудрованиями, думая усилить свою проповедь и больше понравиться своим слушателям. Благочестивые люди, слушая такие проповеди, построенные не на слове Божиим, и проникнутые рациональными элементами, выходили из храма неудовлетворенными и чувствовали глад слышания слова Божия. Если и хорошо говорилось в таких проповедях о том или другом предмете с человеческой точки зрения, то место таким речам (думалось им) не в храме, а в какой-либо светской аудитории. Проповедники, пренебрегающие простым учением церкви и предпочитающие ему доказательства умственные, следуют ложному направлению проповеднического духа. Проповедники, в этом отношении слишком далеко заходящие, у отцов церкви сравниваются с корчемниками, которые ради скверного прибытка мешают вино с водой (замечает по этому поводу Амфитеатров в своей гомилетике)³⁶. Они корчемствуют божественным словом (говорит блаж. Феодорит в толковании на 2 послание к Коринфянам (2:17), делая его басней или простым сказанием, и примешивая к благодати свои вымыслы, подобно тем, которые мешают чистое вино с водою, как говорит пророк: *корчемницы твои мешают вино с водою* (Ис.1:19).

Не в знании проповедника главное условие сильного и влиятельного проповедничества. Человек широко образованный и отлично изучивший богословскую науку, усвоивший все её тонкости, в проповеднической практике может оказываться и часто оказывается ниже человека с посредственным образованием. Мало одного холодного, знания для успешного выполнения проповеднического служения, как бы оно ни было широко. Нужно не умом только, но и сердцем, и прежде всего сердцем, воспринять спасительную истину Христову, нужно всецело проникнуться ей, – и тогда она, выходя из глубины

пламенеющего духа, согретая огнем одушевления, будет в устах проповедника силой, побеждающей умы и сердца людей. Проповеднику поручено возвещать народу слово Божие, средоточный пункт которого весть о нашем спасении, и главная обязанность его, вследствие полномочия, ему данного, – призыв всех ко спасению. Когда слово Божие, какое возвещать он должен, составляет внешний предмет, так сказать, чуждый и сторонний его духу, – он будет говорить вяло и не впечатлительно, и от него нельзя ожидать горячего и усердного выполнения порученного ему дела. Иначе становится дело, когда слово Божие переходит во внутреннее достояние человека, сливается с его духовным существом и составляет жизненный нерв его души. Когда слово Божие, зовущее нас ко спасению и указывающее пути спасения, проникает душу человека, – при свете его он ясно видит неполноту и несовершенство нашей жизни и нашей мысли, видит наши слабости и болезни и тот раздор между нашими стремлениями, который служит препятствием к неуклонному следованию путем добродетели. Ему открывается, что мы люди блуждающие, часто беззаботно идущие туда, где угрожает нам конечная гибель. Освещение такого состояния нашего не может не трогать и не волновать чувства живого религиозного человека. И вот в этом случае, когда сознание и чувство проникаются словом Божиим, – в груди человека рождается сила, которая нудит его, вовне, среди собратий возвещать и распространять спасительные глаголы Божии, и тогда раздается его голос, как голос проповедника, истинного посланника Божия, – голос сильный, внушительный и влиятельный, проникающий до души и духа, членов же и мозгов. Собственно говоря, такие люди могут быть истинными и плодотворными проповедниками. И как было бы хорошо для славы церкви и для блага людей, если бы такие люди, всецело проникнутые силой слова Божия и пламенеющие желанием сообщать людям весть о спасении, являлись на церковной кафедре; их слово не оставалось бы втуне, не пропадало бы без действия. Таковы ли нынешние наши проповедники, мы об этом не хотим здесь судить. Мы рисуем черты идеального проповедника, и не можем не желать,

чтобы в действительности все, обязанные нести служение церковного слова, старались приближаться к этому идеалу, и выполняли свое служение не по долгу только (*ex officio*), как наемники, а от полноты сердца, носящего в себе слово Божие, слово спасения, и горящего желанием передать его другим, и говорим это, вполне сознавая, как важно в деле проповеднического служения проникновение души проповедника словом Божиим, заключающим в себе спасительную истину Христову или благую весть о нашем спасении. Когда слово Божие наполняет душу человека и делается в нем внутренней силой, тогда он неудержимо влечется или возбуждается к возвещению глаголов Божиих, и свою братию, смотря по вызову обстоятельств, или наставляет и исправляет, или утешает, или обличает и угрожает ей гневом Божиим.

Когда мы представляем себе идеал проповедника, говорящего во имя Божие, и являющегося посланником Божиим, возвещающим спасение людям, – нам припоминаются одушевляющие примеры великих мужей, с огненной ревностью возвещавших суды и веления Божии... Таков был великий пророк Илия. Глагол Господень, бывший ему и проникший его душу, воспламенил его ревностью по Господе Боге Вседержителе. Палимый этой ревностью, он идет возвещать гнев Божий на нечестие Израиля, презирая опасности, ему угрожающие за строгое слово обличения. На пророка за его строгую проповедь поднимаются гонения: чувство самосохранения побуждает его скрываться от гонителей то у потока Хорафа, то в хижине бедной вдовы, то в безводной пустыне. Ему известно, что нечестивый царь, разгневанный на него, всюду посылает искать его, чтобы предать его смерти. Но слово Божие, им воспринятое, как огнем, налило его душу, и он выходит из своего убежища, и прямо и безбоязненно предстает перед лицом царя, искавшего его гибели, и возвещает ему суды Божии, и сила слова его побеждает жестокосердие нечестивых (3Цар.17, 18, 19). Или вот другой великий пророк, посланный Богом для народов – Иеремия, внушительный образец для проповедников. С робостью и нерешительностью

приступает он к выполнению трудного служения, представляя свои слабые человеческие силы, и даже обращается к Господу, посылающему его на проповедь, с словом недоумения: *о, сый Владыко Господи, се, не вем глаголати; яко отрок аз есмь* (Иер.1:6). Но Господь простер руку свою, коснулся уст его, и вложил слова свои в уста его (Иер.1:9), и полились эти слова из уст его, – слова его духа, просвещенного и укрепленного силой Божией. Он стал во вратах дома Господня, и именем Божиим убеждал всех исправить пути и умышления свои, обнадеживая в случае исправления милостью от Бога, а в противном случае угрожая отвержением от лица Божия. Проповедь пророка, полная угроз за нечестие от имени Божия, вызывает досаду, брань и мщение со стороны обличаемых. Вокруг него угрозы; над ним учиняют насилие, ввергают его в колоду, заключают в темницу. *Бых в посмех* (говорит он) *весь день, вси ругаются мне* (Иер.20:7). Даже *суд смертный* изрекают ему (Иер.26:11). И вот подумал он: не буду я более напоминать о Боге, не буду более говорить во имя Его. Но слово Божие *бысть в сердцах моих, яко огонь горящ, палящ в костях моих*, и я истомился, удерживая его, и *не могу носити* (Иер.20:9). И он, хотя видит труды и скорби, какие выпали на его долю за проповедь от имени Божия, хотя тяжело ему чувствовать, что дни его исчезают в бесславии за верное исполнение возложенного на него поручения, с удвоенной силой выносит пред слух народа слово, заключенное в его внутренности и палящее его кости. Припомним первых провозвестников благовестия Христова. Пока не восприняли они слова Божия, и пока оно не сделалось неотъемлемой частью их существа, они не знали, как и что они будут говорить. Но Господь, ободряя их, сказал им: *не пещитесь, како или что возглаголете: не вы будете глаголющии, но дух Отца вашего, глаголяй в вас* (Мф.10:19–20). Обетование Господа апостолам имеет тот смысл, что когда осветится их сознание светом небесным, и в них водворится дух, хранящий истину Божию и ей научающий, им дана будет премудрость, которой не могут противостоять все, противляющиеся им, и они, возбуждаемые и руководимые духом, им обещаемым, смело и решительно выступят на проповедь

Евангелия, хотя бы всеми были ненавидимыми ради имени Христа. И вот, когда душа их прониклась и наполнилась спасительной истиной Христовой, от них полились такие сильные слова убеждения, что слышавшие их ужасались, дивились и недоумевали, откуда в них такая сила слов, зная, что они люди простые и не книжные (Деян.2:12; Деян.4:13), и целые тысячи от их слова умилялись сердцем и прилагались к сонму верующих (Деян.2:37), Князи, старцы и книжники, *призвавшие их, заповедаша им отнюдь не провещавати, ниже учити о имени Иисусове* (Деян.4:18). Но они отвечают им: *не можем мы, яже видехом и слышахом, не глаголати* (Деян.4:26), и после запрета со всяким дерзновением возвещали глаголы жизни сея и в церкви и по домам (Деян.5:20–21, 42). Их подвергают бичеваниям за их проповедь; но они радовались, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие (Деян.5:41), и не могли удерживать при себе слово спасения, наполнявшее их душу, не могли не возвещать его среди своих собратий, которых желали они спасти от пути погибельного.

Может быть подумает читатель, что мы напрасно представляем в пример проповедникам, при изъяснении существенных условий достойного служения церковного слова, великих пророков и апостолов, которые говорили по вдохновению от Духа Святого, и которых призвание было призвание чрезвычайное. Да, мы не можем и не смеем равнять с ними по обилию Духа, на них излиянного, наших обыкновенных проповедников: нашим проповедникам не дано такого непосредственного откровения, какого удостаивались упомянутые нами пророки и апостолы. Но не смотря на это, мы не видим логического произвола или насилия в сближении проповедников с теми святыми мужами, которых посылал Господь возвещать народу свои веления или глаголы спасения. Служение проповедников наших в существе дела то же служение, к какому призывались пророки и апостолы. И наши проповедники поставляются и посылаются Церковью, устроенной Господом для домостроительства нашего спасения, возвещать от имени Божия то же учение, которое дано нам

Откровением, и которое запечатлено печатью божественного авторитета. Не свои слова они проповедают, а словеса Господни. Предмет их проповеди – всеблагая воля Божия о нас и о нашем спасении и *премудрость не века сего, ни князей века сего престающих, но премудрость Божия, которую открыл нам Бог духом своим (1Кор.2:6–7, 10)*. И если наши проповедники не получили чрезвычайного посланничества, то они исполняют поручение или повеление Господа, преемственно перешедшее к ним через ряд веков от апостолов. Апостол говорит о себе и других своих сослужителях: *мы прияхом... духа, иже от Бога, да вемы, яже от Бога дарованная нам (1Кор.2:12)*, и руководимые этим Духом от Бога они обращали ко Христу тысячи из народа. Этот Дух от Бога должен исполнять и души наших проповедников, продолжателей служения первых проповедников Евангелия, и если сердце проповедника не ощущает веяния этого духа, если он будет говорить только *в наученых человеческия премудрости словесех (1Кор.2:13)*, т. е., будет возвещать то, что приобретено им холодным знанием, не износя того из своего сердца, переполненного спасающей и одушевляющей истиной Божией, то он не будет в своем служении достойным последователем посланных Богом провозвестников Евангелия.

Мы до сих пор разъясняли первое существенное требование, предъявляемое проповеднику, выходя из того положения, что он, как учитель, призван возвещать слово Божие. Слово или свидетельство Божие, понимаемое в широком, нами отмеченном, смысле, – главный предмет его речи и главная сила, долженствующая одушевлять его и изливаться из его уст. Дополнением к этому требованию должно быть другое требование, сущность которого разъяснится для нас, когда мы обратим внимание на тех людей, которым проповедник сообщает благовестие Христово.

Слово Божие в проповеди церковной не может быть простым отвлеченным раскрытием религиозной истины. Кабинетское рассуждение, посвященное уяснению того или другого богословского вопроса, если ни к кому не адресовано, не может быть проповедью, как бы хорошо оно ни было

написано, и как бы обстоятельно ни расследовало предмет свой. Проповедь непременно, прямо и непосредственно, направляется к сердцам слушателей, требующих наставления или нуждающихся в нем. Господь в известной притче слово Божие, которое возвещать должны проповедники, уподобляет семени, которое сеятель бросает в землю (Лк.8:11). Как перед глазами сеятеля почва, в которую он влагает семена свои, чтобы они, прозябши в ней, принесли плоды, так точно и перед глазами проповедника, сеющего слово Божие, – живая, духовная почва, в которую он сеет семена слова Божия.

Что же это за почва? Это люди, для спасения которых приходил на землю Сын Божий, и которых, ищет и зовет к себе милосердие Божие. Первоначально Господь с проповедью о приближении царствия Божия послал учеников своих ко *овцам погибшим дому Израилева* (Мф.10:6) а потом повелел нести слово спасения ко всем языкам, всех желая привлечь в небесное царство свое (Мф.28:19). Евангелист, когда приступает к повествованию о первоначальном послании апостолов на проповедь, указывает побудительную причину к этому распоряжению небесного Учителя в Его милосердной любви или жалости к народу. *Видев народы* (говорит он) *милосердова о них, яко бяху смятени и отвержени, яко овцы, не имущия пастыря* (Мф.9:36). Он видел, что для этих народов нужны приставники, руководители и учителя, что много нужно этих приставников, и что этим приставникам предлежит нелегкий труд. *Жатва многа* (говорит Он ученикам своим), *делателей же мало: молитесь убо господину жатвы, да изведет делатели на жатву свою* (Мф.9:37–38). Проповедники и являются теми делателями, которых Господь зовет и посылает на жатву свою. И вот делатели, призываемые на духовную жатву, должны быть одушевлены таким же чувством, каким исполнено было сердце Учителя и нашего Господа, когда Он посылал учеников своих на проповедь Евангелия, – жалостью к народу или горячей любовью к нему. Проповедникам поручено возвещать народу слово спасения. Если народам, по повелению и указанию Господа, необходимо это слово спасения, то, значит, они представляют из себя род, близкий к гибели, при

неосторожности и легкомыслии, могущий ниспасть в бездну гибели. И действительно, так смотреть должен проповедник на тот народ, к которому обращается со своим словом. Правда, в христианском мире, где действуют наши проповедники, народ не представляет из себя рассеянных и блуждающих овец, не имеющих пастыря, – по крайней мере в большинстве своем. В нем является для нас род спасаемых, через веру в Искупителя вошедших в царство Божие. Но и для народа, воспринятого или вошедшего в царство Божие, нужно слово спасения, порученное проповедникам. Среди него много людей, которые не успели еще овладеть спасительной истиной Христовой или утратили ее. Многих из них можно назвать младенцами по вере, которые питались одним молоком, годным только для детского возраста. Им нужно дать более твердую пищу, чтобы они достигли зрелости духовной. *Всяк, причащайся млека* (говорит апостол) *не искусен слова правды, младенец бо есть* (Евр.5:13). По апостолу, твердое понимание веры и ясное познание Сына Божия всем членам церкви необходимо, дабы не были они более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков и по хитрому искусству обольщения (Евр.4:14). Кроме того и живущие в церкви и уверовавшие в Сына Божия, Спасителя мира, не могут считать себя в полной безопасности от падений. Скользким путем идут они; соблазны кругом и искушения; внутри нас страсти и плотяной закон, противоборствующий закону ума нашего. В мертвенном теле нашем гнездится и господствует грех, который поработщает нас себе и поработив низвергает нас в бездну гибели. Апостол указывает еще более сильную брань, которую должны выдерживать ищущие спасения; – это брань не к крови и плоти, но к началу и ко властям и к миродержителю тмы века сего (Ефес.6:12), которые, как львы рыкающие, ходят, ища, кого поглотити (1Пет.5:8). Церковь не даром называется церковью воинствующей. Царствие Божие и спасение в нем, по слову Господа, нудится, и только нуждницы восхищают, его (Мф.11:12), то есть, оно достается путем напряженного труда и больших усилий, и при беспечности и неосторожности может быть утеряно и теми, которые восприняли и благодать от Бога в

таинствах. Перед глазами проповедника стоят толпы народа с разнообразными нуждами, требующими удовлетворения. Иным из них нужно наставление, научение в вере, другим поощрение к доброй нравственной деятельности, третьим предостережение, четвертым обличение и исправление, пятым утешение и тому подобное, и все это в видах спасения, которое стоит перед всеми нами, как заветная цель, к которой мы должны стремиться. И все эти люди наши ближние, наши братья, соединенные с нами множеством уз. К этим узам, скрепленным единством происхождения и природы и пребыванием в едином теле церкви в таком союзе, в каком находятся члены нашего телесного организма, изволением Господа и избранием правителей церковных, для проповедников присоединена новая связь с людьми, являющимися перед их кафедрой. Господь, по безмерной любви своей благоволивший ради нашего спасения низойти с неба и претерпеть крестную смерть, желающий всем человекам спастись и в разум истины прийти, проповедникам поручает быть пестунами и хранителями людей, вверяемых их попечению. Их избрание и положение в церкви внушает им особенную заботливость о тех, для кого они поставляются учителями, хранителями и руководителями. Сила, подвигшая Сына Божия на спасение мира, должна находить отражение и в тех, кому вверяется охранение спасаемых: ею должны одушевляться и укрепляться в своем служении проповедники, пестуны народа. Эта сила – *любовь*. Это второе качество, требуемое от проповедника для достойного выполнения своего служения. Любовь к братии подвинет проповедника с неутомимой ревностью проносить и провозглашать слово спасения. Она даст ему энергию и согреет теплотой его речи. Одушевляемый ею, он бодро будет стоять на страже своей, и неумолчно будет возглашать, направляя людей на пути Господни, и, как трубу, возвысит глас свой, когда будет видеть, что великие опасности угрожают его народу, и он своим поведением призывает на себя грозный гнев Божий. Не будет в сердце проповедника этой одушевляющей любви к братии, слово его будет сухо, холодно, казенно и потому мало

действенно на слушателей. Ими тотчас же чувствуется, из каких побуждений возникает слово проповедника, из внутренней ли потребности горячего благожелательного сердца, или просто из одного официального долга, возложенного на человека, и в первом случае на слово сердца они отвечают открытым сердцем, и с покорностью склоняются перед ним даже тогда, когда проповедник, по требованию обстоятельств, обращает к ним суровое слово обличения.

Если сердце проповедника одушевлено любовью к тому народу, которому он поставлен возвещать слово спасения, то он войдет в живое и тесное взаимообщение с ним. Он с теплым участием будет относиться к нему, войдет в его положение, узнает его воззрения, его нравственное состояние, со всеми его недостатками, степень его умственного развития и весь строй и направление его духовной жизни. А это знание, приобретаемое проповедником при участливом и любовном отношении к своим слушателям, весьма важное и даже необходимое условие действенного и плодотворного проповедного слова. Без этого знания слово проповедника будет неметко, обще и отвлеченно; без этого знания он может предлагать своим слушателям не то, что для них требуется, и может говорить тоном и складом речи, для них непривычным и неприспособленным. Он может возвещать святую истину, может раскрывать учение, заимствованное из Откровения. Но слово проповедника, возвещающее святую истину, взятую в общем, отвлеченном виде, годную для всех и ни для кого в частности, может оказаться маложиизненным. Оно может не встретить в сердцах слушателей восприимчивой для себя почвы. Оно будет раздаваться перед слухом слушателей, но ничто из него или только малая часть будет западать в души слушателей, и семя слова Божия, таким образом сеемое, будет разноситься ветром, и не принесет того плода, какого от него можно бы было ожидать, если бы проповедник, возвещая святую истину, соразмерял ее с потребностями и восприимлемостью своих слушателей, то есть, брал из неё то, что для них наиболее необходимо, и давал ей понятное и доступное для народа выражение. Иначе он будет, как медь звенящая или кимвал

бряцай (1Кор.13:1), хотя бы слово его и обладало обилием разума.

Апостол Павел, говоря о проповеди Евангелия или о благовестии Христовом, какое, по повелению Господа, он нес народам, с особенным ударением указывает на то, что он при своем благовествовании обращал внимание на немощи и настроение тех, которым приходилось ему благовествовать о Христе и по возможности старался приспособляться к ним, чтобы лучше подействовать на них и обратить их на путь спасения. *Для иудеев (говорит он) я был, как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был, как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных, для чуждых закона, как чуждый закона (не будучи чужд закона перед Богом, но подзаконен Христу), чтобы приобрести чуждых закона, для немощных был, как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его (1Кор.9:20–23). Я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись (1Кор.10:33).*

Пример апостола знаменателен и поучителен для всех благовестников Христовых, какими мы считаем проповедников. Подобно апостолу, они должны входить в ближайшее сердечное общение со своими слушателями. При этом общении для иных откроются в них такие расположения, к каким удобно привязать слово благовестия, и тогда найдут они в их душе почву, предрасположенную к принятию и усвоению семени слова Божия. При этом общении видны будут и их духовно-религиозные нужды, и тогда легко будет дать им соответственное удовлетворение. Апостол Павел в послании к Коринфянам говорит им: *млеко вы напоих, а не брашном: ибо не уможаете, но ниже еще можете ныне (1Кор.3:2).* Видите, с какой, можно сказать, нежностью и вместе с какой мудрой осмотрительностью он питает духовной пищей тех, кого, по его собственному выражению, он родил своим благовествованием. Как мать, относится он к чадам своим по благовестию, и владея всей полнотой истины Христовой, для них избирает легчайшие и

существенные части, которые бы без труда могли быть усвоены их разумением.

Если мы обратимся к практике апостольского благовестия, и будем судить по тем речам, какие сохранили, для нашего назидания, Деяния апостольские, то увидим, с какой снисходительностью и с какой мудростью апостолы приспособляли свое благовестие к настроению и нравственному состоянию своих слушателей, желая тем вернее привести их к спасительной вере во Христа или утвердить уверовавших в их преданности закону Божию. Вот апостол Петр проповедует в Иерусалиме, где слушателями его были иудеи, почивавшие на законе. Призывая их к вере в Господа Иисуса, он припоминает им, что Господь Бог от века предопределил послать им обетованного Избавителя, приводит древние пророчества о Нем и о временах Его благодатного царства, указывает на то, что они не приняли Его, отверглись Его и даже Начальника жизни предали смерти, но Бог воскресил Его от мертвых, чему мы являемся свидетелями. Но чтобы смягчить тяжесть вины, лежащей на предавших смерти Господа, апостол прибавляет, в извинение их: *Вем, братие, яко по неведению сие сотвористе, якоже и князи ваши* (Деян.2:14–39; Деян.3:12–26), но вместе с тем объясняет, что это совершилось в исполнение древних пророчеств: *Бог, яже предвозвести усты всех пророк пострадати Христу, исполни тако*. Вам (далее говорит апостол, располагая слушателей к принятию благовестия) первее всего дано обетование спасения, и чадам вашим; к вам первым Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, послал Его благословить вас, чтобы каждый из вас отвратился от злых дел своих. И многие, слыша такое слово, умилялись сердцем и любезно принимали апостольское слово. Или припомните речь апостола Павла в афинском Ареопаге. В Афинах дух его раздражался при виде множества идолов. Но приведенный в Ареопаг, он в речи своей сдерживает свое негодование, вызванное в нем видом множества идолов, и прежде всего выставляет на вид их набожность и благочестие, но только это благочестие, по словам апостола, не туда направлено, куда бы следовало, так как они не знают истинного Бога, что

засвидетельствовано и надписью на их храме. Этого истинного Бога, которого, не зная, чтили афиняне, апостол и стал им проповедовать, и в своих разъяснениях приводил даже изречения из греческих стихотворцев. Апостол говорил так, имея в виду ту почву, на которую он призван был обстоятельствами сеять семя слова Божия, и хотя большинство не приняло святого семени, предложенного апостолом, но мудрое слово все-таки не осталось бесплодным. По сказанию книги Деяний апостольских, некоторые, по выслушании речи апостола, пристав к нему, уверовали; между ними был известный в истории христианской письменности Дионисий ареопагит (Деян.17:22–34). Но тот же Павел в речи, сказанной в синагоге антиохийской, другое направление дает проповедуемому им слову спасения, сообразуясь с настроением своих слушателей. Он припоминает им историю богоизбранного народа, ознаменованную чудесами особенного промысла о нем, и перешедши к слову о Христе, воскресшем из мертвых, указывает в Нем исполнение обетования, данного отцам их (Деян.13:16–41). А в речи к пресвитерам ефесским мы читаем такое трогательное душевное слово, вызванное обстоятельствами и расположением людей, призванных им. Почвой, на которую он сеял здесь слово Божие, были сердца людей, к нему расположенных и с особенным старанием наученных им вере, которым он поручил охранение церкви Божией, – и вот перед ними его душа изливается в таких словах, от которых не могли не умилиться размягченные сердца. Он припоминает им свои заботы и труды, для них подъятые, указывает на свои скорби и выражает свое предчувствие, которое говорит ему, что скоро придется ему скончать свое течение и принятое от Господа служение проповедования Евангелия благодати Божией, и потом просит их внимать себе и всему стаду, вверенному их охранению, предвидя и со скорбью указывая на то, что, по отшествии его, явятся лютые волки, не щадящие стада, и в заключение всего предает их Богу и слову благодати Его, могущему назидать их и дать им наследие со всеми освященными (Деян.20:18–35).

Мы привели эти примеры в пояснение того, как должны быть выполняемы существенные требования, предъявляемые проповеднику. Для него мало того, чтобы душа его была наполнена словом Божиим. Это только одна сторона дела. Семя слова Божия, ему порученное, он не зря должен бросать вокруг себя, а строго сообразуясь с духовными потребностями и удобоприемлемостью тех, кому он предлагает свое благовестие. Слову Божию в устах проповедника нужно быть не только словом чистым и святым, а вместе с тем и словом жизненным, которое бы прямо могло пустить корни в ту почву, в которую сеется. Может говорить проповедник умное слово, может рассыпать в нем богатство знания, может раскрывать возвышенное учение о тайнах веры, но что пользы от этого слова, когда оно носится над головами слушателей и не может быть воспринято ими? Необъятно широко содержание слова Божия, возвещаемого в церкви. Уметь выбрать из него именно потребное и пригодное для народа, долг и дело искусства проповедника. А это умение дается и приобретается сердечной любовью к народу, стоящему перед глазами проповедника, которая исполняет его живейшим желанием помочь ему, указать ему путь ко спасению и поддержать на этом пути, и вместе с тем вводя его в близкое отношение к нему, раскрывает перед ним нужды этого народа и его расположения.

Итак от проповедника, для достойного исполнения своего служения, требуется двойное одушевление: с одной стороны, глубокое восприятие всем существом своего духа, а не одним холодным знанием, святого закона Божия или того слова спасения, какое дано нам в благовестии Христовом. Душа его должна быть объята и переполнена спасительной истиной Христовой, и от избытка сердца, переполненного ей, уста его будут возвещать то, что служит к созиданию спасения нашего и к устранению всех препятствий, затрудняющих наше спасение. С другой стороны, у него должно быть живое сердечное сочувствие своему народу, к которому он направляет свое слово, ясное понимание его нравственно-религиозных нужд и всецелая преданность интересам своих братьев, побуждающая его сделать все для их просвещения, спасения и нравственного

совершенствования в богоугодной жизни. Если будет у него это двойное одушевление, тогда пусть он не печется о том, о чем и как ему нужно говорить. Душа его изольется в словах, которые без особенного напряжения явятся у него, как естественное непринужденное выражение горячего убеждения в спасительной истине, его одушевляющего, и его речи будет указывать направление и даст силу и энергию глубокая симпатия к братии своей, сердечное желание возвестить им то, что полезно, или что требуется для них по их религиозно-нравственному состоянию. И слова эти будут и сильны и убедительны, и в то же самое время метки, падая на почву, хорошо известную сеятелю духовного семени.

И вот, в воспитании будущего проповедника, главная задача насадить и утвердить в его душе эти две силы, это двойное одушевление и истиной Божией и любовью к народу, нуждающемуся в этой истине. Этих сил не даст гомилетика, как бы хорошо и обстоятельно ни была она построена и раскрыта. Насаждению и укреплению их в сердце человека должны содействовать весь строй и вся система воспитания, понимаемая во всей широте её. Когда человек будет обладать этими силами, или, лучше, когда они будут обладать его душой, для него, при выполнении служения церковного слова, не будет иметь большой важности школьная наука, предписывающая правила проповедничества, не нужна и даже стеснительна может быть внешняя форма, указываемая литературным или гомилетическим обычаем, которая в иных случаях может быть лишней уздой и причиной охлаждения искреннего горячего энтузиазма.

Не то это значит, что проповедник, в силу своего одушевления, может пренебрегать внешней формой и принятым приличием церковным, и может позволять себе небрежные выражения и какой-либо грубый или простоватый стиль. Это было бы оскорблением святого одушевления и проповедуемой истины. Благородная и сильная душа сумеет найти себе благородное и сильное выражение, и не может иначе выражаться, как чисто, благородно и сильно, так как в стиле выражается весь человек и отпечатлевается душа его. Святое и

возвышенное убеждение влечет за собой и соответственное внешнее облачение, когда настает ему нужда высказаться перед слухом многих. Мы хотим сказать только, что забота о внешней форме проповеднической не должна быть главной заботой в служении проповедника. Не здесь, не в этом секрет, от которого зависит сила и действенность проповеднического слова, а именно в том одушевлении, о котором мы говорили прежде. Без этого одушевления проповедники будут, если не лживыми пророками, то бездушными и большей частью праздными говорунами. Их слово не будет носить и возвещать живой истины, хотя бы они говорили правду, не вызывающую возражений. Они будут возвещать всем известное и утвержденное церковью учение, но о них могут говорить, что их проповедь казенная, не от них вышедшая, не ими возлелеянная, а на прокат взятая из общей сокровищницы веры и знания. К таким проповедникам можно приложить слова пророка Иеремии о лживых пророках, износивших перед народом такие пророчества, которые вовсе не выходили из их сердца. Их слово пророк называет мякиной, сравнивая его с чистым словом Божиим, которое он называет пшеницей или чистым зерном. *Зачем быть мякине с чистым зерном? Таково слово Мое, говорит Господь. Слово Мое не подобно ли огню, говорит Господь, и не подобно ли молоту, разбивающему скалу? Посему вот Я на пророков, говорит Господь, которые крадут слова Мои друг у друга. Вот Я на пророков, говорит Господь, которые действуют своим языком, а говорят: Он сказал... Такие пророки никакой пользы не приносят народу своему (Иер.23:28–32).* Правда, проповедники, передающие христианское учение, как бы они его ни излагали, сеют и предлагают не мякину, а чистое зерно, и мы, может быть, делаем натяжку, когда на них простираем суд Божий, изреченный некогда пророком Иеремией на ложных пророков. Но если проповедники выносят предлагаемое ими слово учения не из сокровищницы своего сердца, не прочувствованное ими, то они так же, как обличаемые Иеремией пророки, крадут слова учения, ими предлагаемого, у искреннего своего или из мертвой книги, и действуют одним языком, в самодовольной

уверенности, что они передают откровение Божие. И слово Божие из их уст выходит, как слово или семя иссохшее, не оживотворенное, в котором не чувствуется присутствие оплодотворяющей силы, и потому оно, падая на почву душ слушателей, может не пустить в ней ростков и не проявить той живительной силы, какая сокрыта в нем.

Для всех проповедников высочайшим образцом, к которому они, по мере сил своих, должны приближаться, служит небесный Учитель-Господь, со своим божественным словом. В чистейшем и совершенном проявлении Его учительной силы дано нам наставительное руководство в способе сообщения спасительной истины народу, показывающее нам, как нужно вести дело церковно-общественного назидания. Что же показывает нам и чему учит этот высочайший образец, стоящий перед нами, хотя и недостижимый для нас во всей полноте своей? Евангелисты сообщают нам о необыкновенном впечатлении, производимом на слушателей Его учением и Его речами. По их словам, все дивились учению Его (Мф.7:28; Мк.1:22). и это удивление простиралось даже до ужаса (Лк.4:32). В объяснение этого поражающего действия учения Христова, они указывают, с одной стороны, на то, что Он учил народ, как власть имеющий, а не как книжники (Мф.7:29; Мк.1:22; Лк.4:32), а с другой стороны, на то, что слова. Его были слова благодати (χάρις), обладавшие необычайной сладостью. Поражающая царственная власть божественного слова небесного Учителя происходила не от внешнего блеска, а от полноты внутреннего духа, проникнутого всепобеждающей правдой Божией. Властное слово – это слово святого одушевления, в котором находила выражение сила божественного духа Христова. Этого свойства побеждающей власти не может иметь вялое или сухое слово, повторяющее чужой голос, и не согретое живым дыханием души говорящего. И слова благодати, исходившие из уст Спасителя, услаждавшие сердца слушателей, не были плодом искусства. Слышавшие их недоумевали и спрашивали друг у друга: откуда у Учителя такая увлекающая благодатная сила слова? *Не сей ли есть сын тектонов* (Иосифов) (Мф.13:54–56; Лк.4:22)? В них не видно

было того напряжения, которым достигается совершенство слов людьми ораторской профессии. Необыкновенную сладость и благодать речам небесного Учителя придавало величие божественной любви, проникающей Его слово. В Его слове слышался голос глубокой несказанной симпатии к человеку и человечеству, его нуждам, бедам и страданиям. Из любви божественной души возникала творческая сила, которая простому орудию человеческой мысли и сообщения – языку давала высшее совершенство, и благоуханием своей святости приправляя волнующееся слово, облакала его таким могуществом и сладостью, что ему не могли противостоять и те, которые желали бы признать его несовершенства и слабости.

Апостол, когда говорит о своей проповеди, основным свойством её представляет не искусство, не мудрость человеческую, но явление духа и силы. *Слово мое и проповедь моя (говорит он) не в препретельных человеческия премудрости словесех, но в явлении духа и силы (1Кор.2:4).* Это явление духа и силы есть именно то действенное одушевление, которое мы ставим первым условием сильного и впечатлительного церковного слова. Противопоставляя это свойство мудрости человеческой или отстраняя от своего слова внешнее искусство, апостол тем самым хочет дать понять, в чем он полагает главную принадлежность, которая должна отличать действенную христианскую проповедь.

Может ли и должна ли заявлять себя в проповеди личность человека – проповедника? Благовестие Христово, составляющее содержание проповеди, дано свыше и одно для всех, и проповедники, сообщаящие народу это благовестие, – органы, через которые оно переходит к людям. По-видимому, здесь нет места для проявления личной оригинальности проповедника. Но так может казаться только при поверхностном взгляде на дело. Проповедник не мертвый орган, через который механически передается народу слово спасения, а живой свидетель истины, призванный на служение ближним своим. Истина, им возвещаемая, должна пройти через горнило его духа, так сказать, расплавиться в лаборатории его сердца, и явиться перед слушателями не в мертвом или сухом виде, но

согретая его дыханием, как живое слово его убеждения. При этом восприятии истины духом проповедника, для передачи её народу, он перерабатывает или видоизменяет её форму, применительно к нуждам и восприимлемости своих слушателей. То недостаток проповеди, если в ней не видно отпечатка личного элемента или личного воздействия проповедника. Это знак, что возвещаемая истина не выливается из души, а только проходит через уста проповедника, и в этом случае трудно признать ее живым свидетельством истины. А когда излагается истина прочувствованная, выносится со дна души, как хранимое здесь сокровище, тогда слово об этой истине не может не иметь личного отпечатка. Душа человека-проповедника тем сильнее и рельефнее проявляет себя и свою личную оригинальность в своем слове, чем глубже и искреннее её убеждение в возвещаемой истине. И, замечательно, как чуток и внимателен бывает народ к живому слову убеждения, отмеченному печатью личного таланта. Толпы стекаются слушать его, хотя то, что слышат от него, знают из книг, хотя книга даже обстоятельнее раскрывает затрагиваемую им истину. Живая душа ищет и жаждет живого свидетельства, выходящего от сочувствующей души, и им удовлетворяется более, чем, умными холодными рассуждениями.

Должен ли проповедник быть оратором? Из наших предыдущих изъяснений виден тот ответ, какой мы можем и должны дать на этот вопрос. Если сущность ораторства полагать в красоте и блеске слова, во внешней художественной технике речи, как многие и понимают его, то мы прямо скажем, что такое красноречие – *eloquentia artificiosa* – приобретаемое трудом и специальным изучением и требующее еще особого таланта, не может быть поставляемо в прямую обязанность церковного проповедника, возвещающего слово спасения. Господь Иисус Христос простых рыбаков, незнакомых с искусством, изучаемым в школе, послал проповедовать евангелие всем народам и учить их всему, заповеданному им, и они, исполняя повеление своего Учителя и Господа, при возвещении евангелия о Христе и нашем спасении, не прибегали к пособию искусства человеческого. Апостол Павел

даже с особенным ударением свое простое слово противопоставляет мудрости человеческой, и дает разуть, что это простое слово, вспомоществуемое силой Божией, и почерпаемое не в наученых человеческия премудрости словесех, но в наученых Духа Святаго, оказались гораздо сильнее и действеннее, чем слово мудрости или искусства человеческого (1Кор.2:4–13), и тем самым как бы отрицает значение человеческого искусства в служении благовестия Христова. Но сущность красноречия, по нашему пониманию, разделяемому и другими авторитетными исследователями этого предмета, отнюдь не состоит во внешнем блеске и художественной технике слова. Источное начало красноречия – внутренняя сила духа человека, выступающего с публичным словом к народу, объятая предметом и обнимающая предмет свой, и стремящаяся передать свое содержание другим. В этой внутренней силе духа, стремящейся подействовать на сознание и волю других, – главное условие истинного ораторства, и внешняя художественность слова второстепенная, можно сказать, несущественная и случайная принадлежность его. Она может быть и не быть: ораторское произведение состоится и может иметь свое значение, равно и производить свое действие, если и не будет облечено в красивую форму. Понятно, в каком смысле проповедник и может и должен быть оратором. От него мы в праве требовать, чтобы в нем действенна была внутренняя сила духа, дающая его слову живость и энергию. Различны степени проявления этой силы, как различны достоинства ораторских произведений. Но у истинного проповедника должна быть большая или меньшая мера этой силы, которую мы можем назвать религиозным одушевлением. От действия этой силы рождается его слово, и от неё оно получает живость, теплоту и сердечность. А когда нет её в душе, или она не действует, а между тем проповедник выходит на кафедру, тогда он хотя принимает вид оратора, но, не имея того, на чем основывается и зиждется достоинство ораторского произведения, не может дать действенного слова, и проповеди таких лиц обыкновенно не имеют духа и силы, и почти бесследно исчезают в воздухе.

После этого (нам могут сделать возражение) придется подчинить законам ораторства и включить в число ораторов и первых провозвестников Евангелия, которые совершенно не знакомы были с правилами ораторского искусства и были, по выражению апостола Павла, *невежды словом* (2Кор.11:6). Как ни странным может показаться наше утверждение, но мы не стесняемся признать это положение и не можем не видеть проявления ораторства, – и истинного ораторства, – в речах первых провозвестников Евангелия и даже самого небесного Учителя, – Господа Иисуса Христа. Правда, они не изучали и не знали законов искусственного красноречия и не пользовались теми средствами или пособиями науки, какими снабжает школа людей, готовящихся к служению общественному слову. Но для того, чтобы быть оратором, не требуется непременно школьное изучение искусства красноречия. Часто природа или естественный талант заменяет то, что приобретается годами долгого изучения. А здесь, в деле служения первых провозвестников Евангелия, вспомоществовала им сила, высшая школьной науки и природы, именно Дух Божий, который, по премудрому усмотрению Промыслителя, обильно изливался на них, при первоначальном насаждении христианства. Руководимые Духом Божиим, они, без пособия науки и искусства, возвышались до естественного красноречия, и благодаря действию этого Духа, речь их оказывалась сильнее и убедительнее, чем речи ораторов по профессии, прошедших школу красноречия. Со своей стороны, они к действию этого Духа, их научавшего, присоединяли внутреннее религиозное одушевление, которым призывали на себя высшую божественную, им вспомоществовавшую, силу, и которое само по себе служит залогом речи сильной и действенной, когда требуется сообщать слово спасения. Шотт³⁷ указывает образцы истинно ораторского слова в речах Господа, а потом и в писаниях новозаветных. „Какое живое, наглядное и впечатлительное представление вещей (говорит он) мы видим в бесподобных притчах евангельских! Как сильно в речах Иисуса Христа и апостолов общие идеи представляются в примерах! Каким огненным языком Господь Иисус Христос и апостолы

порицали нравственное развращение и заблуждения своих современников! Как убедительно и , сильно говорили они сердцу, выставляя необходимость покаяния или изменения жизни! Какая сердечность и глубина религиозного чувства выражается в молитвах Господа Иисуса Христа (напр. в 14-й главе Евангелия от Иоанна), и какое нежное священное чувство братской любви в Его последних беседах с учениками! Какая простая возвышенность в первых словах Евангелия от Иоанна! Какой полет фантазии и чувства, какое впечатлительное изложение, отличающееся некоторым естественным ритмом в тринадцатой главе первого послания апостола Павла к Коринфянам: *аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, бых яко медь звенящи или кимвал звяцай...* и других подобных отделах апостольских посланий. Изложение, какое господствует в новозаветных книгах, нужно назвать не иначе, как „религиозное красноречие“. Язык Иисуса Христа и апостолов содержит в себе и образец и возбуждение для христианских проповедников всех времен говорить наглядно, живо и сильно“.

Блаженный Алзгустин, первый гомилет, изложивший в связной полноте правила о проповедничестве, у священных писателей указывает явные следы красноречия, и советует проповедникам в них учиться не только мудрости, но и красноречию, т. е. не только заимствовать у них содержание для проповеди, но и по возможности подражать им в самом способе изложения: „Может быть (говорит он)³⁸, кто-нибудь спросит: богодухновенные писатели священных книг мудрыми ли только должны быть названы или вместе и красноречивыми?... Там, где сии писатели понятны для меня, – там для меня ничего не может быть не только мудрее их, но и красноречивее... Если бы у меня было свободное время, я мог бы некоторым самохвалам, языку священных писателей, предпочитающим свой язык – не по истинному величию, а но надутости оно, – я мог бы, – говорю, – показать все совершенства и красоты витийства, заключающиеся в священных письменах мужей, коих Промысл избрал для научения нас, и для приведения от настоящего развращенного века в блаженную вечность.

Впрочем, совершенства языка, общие сим мужам с языческими ораторами и поэтами, самого меня, можно сказать, не слишком удивляют. Напротив, я тому наиболее дивлюсь и изумляюсь, как священные писатели, при своем особом и высшем роде витийства, так искусно умели употреблять наше человеческое красноречие, что оно и находится у них все вполне, и между тем не выказывается явно: ибо им не надлежало ни отвергать красноречия человеческого, ни тщеславиться им; но они отвергали бы, когда бы явно избегали его, и, напротив, выказывали бы тщеславие, когда бы в их творениях легко было признавать черты витийства человеческого. Если людям, знакомым с наукою, в некоторых местах Писания представляются явные следы красноречия человеческого, то в сих местах говорится о таких предметах, что слова, выражающие предметы, кажутся не от писателя придуманными, а добровольно из сущности предметов родившимися. Читая их, невольно думаешь, что здесь одна простая мудрость исходит из обители своей, то есть, из груди мудреца, а красноречие следует за нею, как неотлучная раба, не будучи нисколько звана к ней“. Приведши далее несколько примеров из посланий апостола Павла и из книги пророка Амоса, и указав в них такие красоты, каким учит риторика, свой риторический разбор их заключает следующими словами: „Священное Писание создано не усилиями человеческими, но излилось из Ума божественного, – излилось мудро и красноречиво, так что при сем не мудрость искала красноречия, но красноречие ни на шаг не отступало от мудрости. Если правила ораторского искусства, по точному мнению красноречивейших и остроумнейших мужей, не иначе могли составиться, как через наблюдения и замечания красот, находящихся в творениях лучших ораторов, и через приведение их в известную систему или науку, то что мудреного находить сии правила и красоты в писаниях мужей богодухновенных, коих послал Тот, Кто творит умы великие? По сей причине я смело признаю наших священных писателей и учителей не только мудрыми, но и красноречивыми в отношении к такому роду витийства, какой был совершенно привычен им“³⁹.

Суждение блаж. Августина, основывающееся на историческом опыте, указывает значение внешнего художественного слова в проповеднической практике. Священные писатели, когда излагали откровение, им сообщаемое, или говорили речи к народу, вовсе не думали о каком-либо ораторском достоинстве своего изложения, незнакомые с риторическими правилами. Между тем ораторская сила и красота сама собою является в их писаниях и речах, как естественный непосредственный отпечаток их святого одушевления. Не гонялись за красотой речи и не прилагали особенных стараний к тому, чтобы сообщить своим беседам внешний блеск, лучшие проповедники церковные. Но сила их духа и горячность их одушевления производили то, что из их уст лилось слово живое и впечатлительное, если и не имеющее искусственных красот, то обладающее такими достоинствами изложения, каким могли бы позавидовать лучшие ораторы. И мы отнюдь не ставим проповеднику в обязанность заботиться о красноречивом изложении учения, им возвещаемого народом. Но если оно дается ему, то это служит немалым возвышением достоинства его проповеднических бесед. Только пусть это будет не плодом его напряженных усилий, а естественным выражением силы и благородства души, проникнутой сознанием высоты истины, возвещаемой проповедником. Пусть красноречие следует за мыслью проповедника, по слову блаж. Августина⁴⁰, „как неотлучная раба, не будучи нисколько звана к ней“.

Нам могут сказать, что мы, изображая идеал проповедника, который может показаться очень высоким, осуществление которого для многих недостижимо, через то самое затрудняем исполнение долга служения церковного слова. Запрос на религиозное учение в христианском обществе слишком велик; духовно-нравственные нужды общества, которому человек, поставленный на служение церкви, должен нести то слово назидания, то слово ободрения и исправления, то слово утешения, то слово обличения и наказания, очень назойливо заявляют себя перед взором человека, сочувствующего своим ближним, и ему, по долгу своего звания или по побуждению

ревности по славе Божией и любви к братии, надлежит учить благовременно и безвременно и быть готовым на всякий час предложить потребное слово нуждающимся в нем. А мысль о том, что от проповедника, для достойного ведения его дела, требуется святое одушевление, не будет ли стеснением для выполнения долга, возлагаемого на учителей церковных? Может казаться при этом, что не всякий и не во всякое время способен явиться с достойным словом назидания. Кто к сим доволен (могут сказать нам)? Для этого нужны избранные лица, и для них особые благоприятные времена духовного возбуждения.

Но в силу наших требований, вызываемых существом дела, мы отнюдь не думаем заграждать вход на церковную кафедру людям, призываемым к тому своим положением в церкви. Пусть каждый исполняет свое дело, к которому приставлен, по мере сил своих, вспомоществуемый испрашиваемою благодатью Божией. И если у призванного к служению церковного слова живо представление о том, каков он должен быть в своем служении, это послужит не к умалению его ревности, а к возбуждению его духа, сопровождающемуся более плодотворной работой, и к возвышению его учительской деятельности. И от чего, если не прямо требовать, то не желать, чтобы служение церковного слова или благовестие Христово совершаемо было с возможной силой и совершенством, чисто и свято? Проповедническое служение церкви Христовой так высоко, что зря приступать к нему и вести его кое-как – это было бы недостойно этого высокого служения, если не прямо грешно. Дело Божие нельзя совершать с небрежением. И истины, возвещать которые должен проповедник. – о Боге и нашем спасении – так бесконечно велики и возвышенны, что в устах его они должны найти достойное для себя выражение. Их сила и возвышенность, ясно сознаваемая, не может не производить глубокого действия на душу человека, призываемого к передаче их, и не вызывать в нем благоговейного одушевления. Если человек вяло и холодно говорит о них, – это знак, что он не проникнут ими, не сознает живо и не чувствует их величия, и едва ли кто такого

провозвестника высоких истин сочтет достойным совершителем святого дела. Такой глашатай вовсе нежелателен на церковной кафедре.

Нам замечали, что устрашает многих требование религиозного возбуждения или одушевления, какое мы предъявляем к проповедникам слова Божия. Но нам кажется, это одушевление само собою должно возникать в душе того, кто носит в сердце живую веру и благоговеет перед святыней Евангелия, и кому близко и дорого спасение своих братьев, особенно когда его долг или собственное чувство призывают возвещать слово спасения людям, уклоняющимся от прямого пути своего на путь погибельный. А человека, не носящего в душе своей живой веры, и равнодушного к гибели или спасению своих братьев, от которого нельзя ожидать одушевленного слова, кто пожелает видеть на церковной кафедре провозвестником евангельского слова о спасении? Когда же есть одушевление у человека, когда душа его наполнена спасительной истиной Христовой, когда он пламенеет ревностью о спасении своих ближних, тогда не трудно для него служение церковного слова: тогда из его уст живой струей текут глаголы живота вечного, и во всякое время он готов предложить богатое и потребное назидание людям, его окружающим, вверяемым его попечению и руководству.

О содержании проповедей

Обыкновенно в гомилетиках посвящается очень много страниц обозрению тех материй, которые могут быть раскрываемы с церковной кафедры. Если вы будете рассматривать гомилетические руководства, являвшиеся в средние века, – в них найдете гораздо меньше рассуждений о формальной стороне проповеди и способах её составления, чем разъяснения и указания того, что можно предлагать народу в целях его назидания. Указание и перечень проповеднических материй, с кратким или более подробным раскрытием их, стоит в них на первом плане и отодвигает на второй план рассмотрение других гомилетических вопросов. Мало того, что в теоретических руководствах по преимуществу дано широкое место указанию материй проповеднических. В видах облегчения проповедников при составлении проповедей, явилось тогда множество сборников, в которых из разных источников извлекались разнообразные материалы, годные для проповеднической кафедры, и представлялись вниманию желающих или обязанных нести служение церковного слова.

Гиперий, профессор богословия в Марбургском университете (1542–1564), первый, давший богословский характер гомилетике, и старавшийся освободить ее от зависимости от риторических систем, существенной отличительной чертой её по отношению к риторике, ставит то, что главное внимание её должно быть сосредоточено на содержании проповеди, которой она занимается. Светская риторика (говорит он) учит тому, как нужно составлять речь и действовать оратору, а гомилетика излагает то, что проповедник должен предлагать народу: там форма – главное, а здесь материя⁴¹. Впрочем, поставив для гомилетики главной задачей указание и разъяснение того, что должен проповедник предлагать народу, Гиперий не входит в подробное перечисление материй проповеднических, как то, часто без системы, делали средневековые гомилеты, а в общих чертах намечает несколько разрядов этих материй, руководствуясь

указанием священного писания (2Тим.3:16; Рим.15:4), и на различии этих материй строит роды церковного красноречия, – учительный, обличительный, наставительный, исправительный и утешительный, и затем указывает, тоже в общих чертах, свойства материи, годной для церковной кафедры.

В позднейших протестантских гомилетиках *„материальная часть“*, трактующая о материи или содержании проповедей, занимает очень видное место, и обыкновенно предшествует части формальной, в которой говорится о расположении, изложении и произношении проповедей. Начала, в свое время выставленные Гиперием, по которым гомилетика существенно отличается от риторики, принимаются во внимание, и им придается значение, хотя здесь нельзя предполагать прямого воздействия старого гомилета XVI столетия. Вообще признано, что гомилетика не может быть просто формальной наукой, подобно риторике: для неё важнее то, что проповедуется, чем то, как проповедуется. В риториках излагался и излагается трактат об изобретении. Но этот риторический трактат не может иметь полной аналогии с гомилетическим трактатом о материи или содержании проповедей. В светском ораторстве, которым занимается риторика, материя дается обстоятельствами, и в трактате об изобретении не указываются материи ораторской речи, а только источники или пособия, которыми можно пользоваться оратору при развитии данной темы. А в церковном красноречии материя имеет самостоятельное значение, и она сама дает ораторскую форму, чтобы произвести определенное действие. И гомилетика, имеющая своим предметом учение о проповеди, не может не останавливаться с особенной подробностью на уяснении содержания или материи церковного красноречия, имеющей в нем первостепенное значение.

Из протестантских гомилетик наиболее научной строгостью построения отличается гомилетика Швейцера⁴², имевшая значительное влияние на представителей этой науки последней половины прошлого столетия. У него в материальной части три отдела: в первом обзревается гомилетический материал, взятый во всей широте своей, во втором показывается, как этот материал может раскрываться в ряде проповедей, а в третьем

определяется, что может быть содержанием отдельной частной проповеди, произносимой в известное время и при известных обстоятельствах.

В нашей русской гомилетике, до сих пор считающейся лучшим руководством для проповедников, – именно в гомилетике Амфитеатрова, – раскрытию материи церковного собеседования посвящена целая (первая) часть его книги, и в ней с особенной подробностью разобраны разнообразные предметы, о каких можно и нужно говорить с церковной кафедры. В начале своих чтений о церковной словесности, после предварительных понятий, Амфитеатров говорит, что „на первом шагу занятий гомилетических встречается нас вопрос: о чем должно проповедывать? Вопрос о *материи* церковного собеседования таким образом является у него первым вопросом, с решения и разъяснения которого должна начинаться наука о проповедничестве. Этот вопрос, весьма простой и естественный, он признает весьма трудным для решения, потому что он открывает бесчисленный ряд предметов проповеднических. Область истин, входящих в состав церковного собеседования (говорит он) так же обширна и глубока, как область Писания, которое есть источник бесчисленного множества тем для проповедей; так же огромна, как область церкви, которая каждым словом и действием своим назидает; так же многообразна и разнообразна, как многосторонняя жизнь человеческая, как разнообразны состояние, нужды, потребности людей в недрах церкви и общества... Церковное собеседование должно раскрыть и возвестить все, что есть в религии необходимейшего для спасения народа, – должно сопровождать человека на всех путях и приключениях его жизни, должно наблюдать его, руководить во всех состояниях, – церковном, гражданском, семейном и т. д.“⁴³ Поставив во главе первой части своей гомилетики такое общее положение, наш гомилет дает потом обстоятельный и подробный перечень или обзор разнообразных материй, о которых можно и нужно говорить с церковной кафедры, разделив их на три разряда или отдела. В первом отделе он излагает учение догматическое, как предмет

проповеди, присоединяя к нему, как предмет вспомогательный, – учение естественное. – о предметах и явлениях мира физического, и учение историческое, – о событиях и лицах исторических. Во втором отделе он рассматривает учение деятельное или христианское нравоучение, а в третьем учение церковно-богослужебное. Амфитеатров выполняет поставленную им задачу с обычным ему мастерством, и нельзя не отдать чести силе его мысли, основательности его суждений и тонкости его анализа. Но при частном раскрытии того учения, которое гомилет считает нужным разъяснять с церковной кафедры, у него замечаются напрасные излишества. В общем главном положении, поставленном в начале первой части гомилетики о материи церковного собеседования, выставлено то, что церковное собеседование должно раскрыть и возвестить все что есть в религии необходимого для спасения народа. А затем, приступая к рассмотрению учения догматического, как материи церковного собеседования, гомилет ставит вопрос: могут ли догматы составлять материю церковного собеседования, и нужно ли предлагать их на церковной кафедре?⁴⁴, который нельзя не признать излишним, и по существу дела и по значению догматов в религиозной жизни христиан, в особенности после указания широкой полноты учения, годного и нужного для церковной кафедры в первом вводном положении. Такие же вопросы стоят перед изложением естественного⁴⁵ и исторического⁴⁶ учения, как предмета, годного для церковного собеседования. По принятому порядку системы, вопросы о том, необходимо ли предлагать учение известного рода на церковной кафедре, являются даже тогда, когда говорится в ней о нравственном учении⁴⁷, которое представляет преимущественный и самый необходимый предмет в ряду материй церковного собеседования.

Нужно ли подробное указание проповеднических материй в гомилетике? Нам кажется, – не нужно. Гомилетика пускается в чужую область, когда хочет представить подробное обозрение материй проповеднических. Все учение христианское и вся религиозно-нравственная жизнь человека подлежит вниманию проповедника. А учение христианское раскрывается в других

богословских науках. Гомилетике по необходимости придется делать заимствования из них, если она поставит себе целью обозреть круг материй, пригодных для проповедника. В ней будет повторение чужого, и повторение напрасное. Чем оно будет подробнее, тем более будет сливаться с содержанием других наук, рассматривающих ту или другую область богословских предметов. Да всего и обозреть нельзя в гомилетике: так широка и необъятна область проповеднических материй. Положим, учение христианское, – догматическое ли то, или нравственное, или еще какое другое, – гомилетика рассматривает не безотносительно, не само в себе, – а применительно к цели назидания, какую должен преследовать проповедник. Но если и с этой точки зрения рассматривать всю совокупность материй проповеднических, и при этом подвергать более или менее подробному разбору каждый род их, то это задача, с одной стороны, слишком обширная, могущая завлечь обозревателя в нескончаемые дебри, при исполнении которой трудно обойтись без повторения содержания других наук, с другой стороны, это – задача, выполнение которой, и самое кропотливое и усердное, едва ли может сопровождаться особенно важными и благотворными результатами для проповеднической практики. Проповедь есть живое свидетельство или живое слово о нашем спасении и его условиях, и каждому проповеднику не книга лучше всего может указывать материю для его беседы, а его вера, его сердце, его сочувствие людям, ждущим от него слова назидания, и знание их нравственных нужд. Известный Эразм Роттердамский в своей гомилетике⁴⁸ предпринял было подробный указатель материй проповеднических, чтобы дать некоторую помощь людям, не имеющим времени для размышления, или менее усердным, тяготящимся работой изобретения, и в нем он предположил дать руководство, как можно развивать и уяснять каждый частный титул или предмет проповеднический. Трактат, посвященный этой задаче, он назвал „лес – sylva“. Но он не выполнил своей задачи в предложенной им мере; во-первых, потому, что его „лес“ мог бы разрастись необозримо широко, то есть, его речь растянулась бы почти в бесконечность, если бы

он подробно говорил о каждой материи проповеднической, а во-вторых, потому, что он чувствовал, что нельзя проповеднику предписать, о чем он должен говорить, и что он должен представлять в разъяснение той или другой материи. Это был бы, по его представлению, труд напрасный, и вместо помощи проповеднику мог бы только стеснять его живую мысль. Трактат об этом предмете он заключает такими словами: „Из того, чего мы только коснулись, легко сообразит благоразумный читатель, сколько нужно было бы книг, если бы кто захотел говорить подробно о каждом предмете порознь, и кроме того было бы пустым и неблагодарным делом все предписывать формулами, и как дитяти класть в рот пережеванную пищу. Потому я предоставляю людям усердным самим докончить остающуюся работу: пусть каждый, изучая божественные книги, почерпает из них то, что сочтет годным для проповеди, и пусть это приводит в приличный порядок“⁴⁹.

Но не вдаваясь в подробности, и считая излишним грузом для гомилетики перечисление и обозрение материй проповеднических, раскрываемых в других науках, мы считаем нужным установить общие начала, какими может и должен руководствоваться проповедник, при выполнении лежащего на нем долга.

При мысли о содержании проповедей, представляется весьма обширная и разнообразная область материй, о которой проповедник может, и по усмотрению нужд пасомых, должен беседовать с ними с церковной кафедры. Содержанием проповеди может быть все, во что сердцем веруется в правду, и что усты исповедуется во спасение, — все, чем можно способствовать, да совершен будет всякий человек, на всякое дело благое уготован (Кол.1:28). Апостол Павел, примером своей учительной деятельности, намечает два предела, между которыми заключается бесчисленное множество предметов, подлежащих обсуждению и разъяснению церковного христианского учителя. С одной стороны, он возносился духом в рай и поведал о тайнах третьего неба, насколько то доступно человеческому разумению, а с другой стороны, он ниспускался до тайн супружеского ложа, и давал наставления касательно

удовлетворения низменных потребностей нашей природы, и касательно устройства внешнего поведения человека (1Кор.7:2–6; 1Кор.6:18–19; 1Кор.10:31; 1Тим.2:9; Еф.4:29. Кол.4:6). Святой Григорий Двоеслов в своем „Пастырском правиле“; двумя терминами определяет круг предметов пастырского наставления⁵⁰. Эти, указываемые им, термины – с одной стороны, высота созерцания, с другой, сострадание ко всем. Эти термины, не указывая прямо предметов проповеди, намечают слишком широкие границы проповедническому слову и не стесняют свободы его выбора в ряду многосложных истин нашей веры и нашего сознания. Высота созерцания ведет мысль проповедника к уяснению высшего божественного мира, а сострадание ко всем заставляет его не пренебрегать потребностями и слабостями плотского человека. В разъяснение своих положений, святой отец указывает на лестницу, виденную Иаковом во сне, и образом этой лестницы намечает те пункты, на которых должен останавливаться своим вниманием каждый проповедник. Опираясь на камне, эта лестница оканчивалась у престола Божия, и по ней восходили и нисходили ангелы Божии. На верху этой лестницы Господь Саваоф, а внизу её лежит спящий человек, с душой, полной заглушенных желаний, и волнуем мечтами или сновидениями, со своими немощами и со своей беспомощностью, в виду опасностей, ему угрожающих. И истинные проповедники, смотря на этот образ, должны восходить созерцать главу церкви, т. е., Господа, должны уяснять учение о посредниках и пособниках нашего спасения, соединяющих мир земной, человеческий с миром небесным, божественным, но вместе с тем они не должны отвращать своего взора и от немощей человека: он у них всегда должен быть на виду, со своими желаниями, с своими потребностями, даже со своими мечтами и грёзами.

Говорим это к тому, чтобы показать и высоким авторитетом подтвердить, что не одни божественные возвышенные предметы могут и должны занимать мысль проповедника, но что просят его внимания и предметы земные, низменные, не составляющие прямой части божественного учения, даже такие, которые стоят в противоречии с истинным учением, излагаемым

в церкви, как заблуждения человеческие и отступления от закона правды. Господь Иисус Христос, стоящий образом, хотя и недостижимым для всех служителей церковного слова, проповедовал евангелие о царствии Божием, к которому все мы должны стремиться, чтобы получить в нем спасение и блага, уготованные нам благодатью Божией. Но Он, разъясняя свое благовествование, говорит о многих предметах житейского обихода, – о том, например, как нужно вести себя во время поста, об умощении главы и о умовении лица (Мф.6:16–17), – говорит о заботах наших об одежде и пище (Мф.6:25, 28, 31), – говорит о нечистом воззрении на жену (Мф.5:28) и т. д.

Лучшие христианские проповедники, руководя народ ко спасению и к устройению своей жизни в согласии с законом Христовым, нередко вызывались обстоятельствами к речи о предметах, относящихся к житейскому обиходу. Святой Иоанн Златоуст касался в своих проповедях такого низменного предмета, каким служит наша обувь, и проповедь его об этом предмете произвела такое действие на слушателей, что у многих вызвала слезы и рыдания. Всем известна проповедь и нашего великого учителя, – Филарета, митрополита московского, об одежде, – материи, не имеющей непосредственного отношения к учению о нашем спасении. Проповедей о подобных предметах мы много можем встречать и у других проповедников.

Но эти предметы внешнего житейского обихода могут и должны быть обсуждаемы с церковной кафедры не сами по себе, а по такому или иному отношению к домостроительству нашего спасения, и настолько может касаться их проповедник, насколько они или заботы о них служат препятствиями к достижению главной цели, нам указанной, или отвлекают нас от прямого пути, ведущего нас к нравственному совершенству.

Есть один средоточный пункт, которого никогда не должен опускать из внимания проповедник, и который должен направлять всей мыслью его, когда он беседует с народом христианским, ждущим от него слова назидания. Этот пункт Христос, за нас распятый, и своей смертью искупивший нас от греха и проклятия, тяготевшего над нами. Этот средоточный

пункт проповеди христианской указывает апостол Павел, когда характеризует сущность или главное содержание проповеди своей и других апостолов, проповедовавших евангелие Христово. *Мы проповедуем (говорит он) Христа распята.... всем званым иудеям же и еллинам Христа, Божию силу и Божию премудрость (1Кор.1:23–24)*. Говоря далее о том, что должна запечатлеть в сердцах слушателей апостольская проповедь, он замечает: *не судих бо ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и сего распята (1Кор.2:2)*. Из этого пункта исходят и к этому пункту возвращаются все частности учения о домостроительстве нашего спасения, и собственно это учение составляет прямой и непосредственный предмет христианской проповеди. Неуклонно держась точки зрения, указанной этим пунктом, проповедник может своею мыслью и своим назидательным словом простирается в разные сферы жизни человеческой, и давать руководящее направление течению явлений и деяний этой жизни. Тогда его слово будет словом святым, церковным и христианским, хотя бы он в этом слове призывал к суду закона Христова дела житейского обихода и изображал мелкие суетные помышления наши. Когда святой Иоанн Златоуст исторгал слезы у слушателей, говоря им о таком низком и малозначительном предмете, какова наша обувь, то, конечно, не этот низкий предмет сам по себе вызывал его внимание, а то неправильное предосудительное отношение к нему, какое он заметил у современных ему сограждан, те излишние заботы об украшении этой части нашей одежды, какие они предпочитали заботам об украшении души своей. То же самое руководило мыслью нашего проповедника Филарета, митрополита московского, когда он говорил сильное обличительное слово об одежде.

Но если человек станет говорить с церковной кафедры о предметах житейского обихода или будет раскрывать материи, относящиеся к благоустройению внешней жизни человека, порвав или потеряв связь своей речи со средоточным пунктом в учении о домостроительстве нашего спасения, – это не будет уже проповедью христианской, и местом для таких речей должна быть не церковная кафедра, а какая-либо светская

аудитория. Много хорошего и полезного может быть сказано об условиях, способствующих улучшению внешнего благосостояния человека. Но если в этой полезной речи не будет веяния духа Христова, который дается душе, занятой мыслью о нашем спасении, она не может быть проповедью церковной.

В последней половине XV⁴⁰;NI столетия, в так называемый век просвещения, многие протестантские проповедники в Германии отрывались от того корня, из которого должна вырастать и на котором должна утверждаться церковная проповедь, и заставляли ее служить не спасению людей, а счастью земному. Под влиянием философского эвдемонизма, они полагали, что для проповеди достаточно, если она будет освобождать людей от предрассудков, будет вести их к здоровью и внешнему благополучию и способствовать облагораживанию народа. О Христе, за нас распятом, они не упоминали, и их речи никакой связи не заявляли с этим средоточным пунктом учения о спасении. Говорили о сельско-хозяйственных предметах, на медицинские темы, касающиеся здоровья народа, – например, о привитии оспы, – о предметах, относящихся к простой гражданственности, – о любви к порядку, о более удобных взаимных отношениях людей, живущих в одной местности и т. п. Хотя речи о таких житейских предметах, имеющих в виду одну пользу и внешнее гражданское благо, говорились с церковной кафедры, но они не могут быть названы христианскими проповедями, и история, верно понимающая идею церковного красноречия и назначение христианской проповеди, в таком направлении проповеди, какая замечалась у протестантских проповедников в век просвещения, и к какому склоняются проповедники при господстве рационализма, указывают уклонение её от своего прямого пути и от выполнения лежащей на ней задачи и подвергает представителей такого направления проповеди полному порицанию. Восходят на церковную кафедру люди и говорят совершенно не то, что ожидается и требуется от служителей церковного слова.

Проповедник – посланный Богом или призванный церковью живой свидетель указывающий народу путь спасения, ведущий в царство небесное. Это дело, ему порученное, он должен совершать со всевозможным усердием, не уклоняясь ни на десно, ни на шую. Ему указан средоточный пункт в учении о домостроительстве нашего спасения – Иисус Христос, за нас распятый, которого он ни на минуту не должен упускать из внимания. От этого пункта, как радиусы от центра, должны расходиться до далекой окружности многообразные сочетания разных представлений, вызываемые нуждами слушателей и потребностями времени. Перед взором проповедника, внимательного к своему долгу, великая сокровищница. Бери из неё, что хочешь, и только надобно уметь выбирать то, что наиболее необходимо и полезно для того круга слушателей, к которому он обращается со своим словом. Ему не исчерпать всего богатого содержания, какое заключается в этой сокровищнице. Но все, что бы ни говорил проповедник, должно иметь большую или меньшую связь с словом крестным. Апостол Павел, в слове, крестном указывающий сущность христианской проповеди (1Кор.1:18), в другом послании (к Титу) так подробнее определяет предмет, которым должна заниматься проповедь, возлагаемая на служителей церкви: *явися благодать Божия, спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшися нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веке, ждуще блаженного упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже дал есть себе за ны, да избавит нас от всякаго беззакония и очистит себе люди избранны, ревнители добрым делом. Сия* (завещает он Титу, поставленному им правителем критской церкви) *глаголи, и моли, и обличай со всяким повелением, да никтоже тя преобидит* (Тит.2:11–15).

Указывая широкие грани, между которыми заключается, можно сказать, неисчерпаемое множество предметов и материй, стоящих перед взором проповедника, призванного возвещать народу слово спасения, мы выставлением средоточного существенного пункта христианской проповеди

наметили не только то, что нужно говорить и разъяснять народу, но вместе с тем и то, чего проповедь должна избегать, и что в ней является неуместным.

Мы уже говорили, что неуместны на церковной кафедре и совершенно не отвечают задаче проповеди речи, направленные единственно к улучшению внешнего быта состояния человека, касающиеся, например, лучшей обработки земли, ухода за садами и других хозяйственных условий, – сохранения здоровья и прочих предметов, входящих в область внешней культуры. И если иногда надобность, в целях духовного назидания паствы, касаться в проповеди предметов житейского обихода, то для речи о таких предметах от проповедника требуется особенное искусство, чтобы уметь дать своей речи церковное направление и дух истинно-христианский, что не легко достается проповедникам молодым, малоопытным, не воспитавшим в себе духа Христова. При этом не только излишне, но неуместно на церковной кафедре подробное изображение этих предметов. В них или в увлечении ими проповеднику дается только повод или побуждение умерять или подавлять излишние пристрастия к вещам малоценным и направлять мысль и волю слушателей от земных работ, поглощающих их внимание, к заботам о едином на потребу, – о благе духовном и спасении души. Примером для проповедников может быть в этом случае слово апостолов, и этому слову должны подражать они. Говорит св. апостол Петр об украшениях внешних, которыми часто много занимаются женщины, и смотрите, как сдержанно его слово, и куда он направляет мысль тех, к кому обращает его. *Женам (говорит он) да будет не внешняя, плетения влас и обложения злата, или одеяния риз лепота, но потаенный сердца человек в неистлении кроткого и молчаливого духа, еже есть пред Богом многоценно. Тако бо иногда и святые жены, уповающие на Бога, украшаху себе, повинующая своим мужем (1Пет.3:3–5).*

Совершенно такое же слово, также сдержанное в изображении предмета, и также всецело направленное к назиданию, мы читаем у другого апостола, – Павла в его

послании к Тимофею. *Жены во украшении лепотнем, со стыдением и целомудрием да украшают себе не в плетениих, ни златом, или бисерми, или ризами многоценными, но еже подобает женам, обещавающимся благочестию, дела благими* (1Тим.2:9–10).

В виду того, что проповедь церковная содержанием своим имеет учение о домостроительстве нашего спасения и разъяснение этого учения для устройства жизни нашей по духу Христову, сами собой выставляются ограничения, устраняющие от церковной кафедры предметы, не ведущие к цели назидания, которую должна преследовать проповедь церковная.

В силу этих ограничений неудобны для церковной кафедры и неуместны на ней какие-либо ученые исследования, разъясняющие вопросы знания, какими занимается школа. Было бы странно слышать с церковной кафедры рассуждения о материях философского или политического характера. Как бы они ни были умно составлены и развиты, и каким бы понятным языком не были изложены, они были бы совершенно неуместны там, откуда народ ждет слова о спасении и об условиях, способствующих достижению блаженства вечного. Слово о царствии Божиим Господь возвещал народу во время своего земного служения, и это же слово Он повелел проповедовать апостолам и их преемникам до скончания века. Что не входит в понятие царствия Божия и не уясняет пути, ведущего к этому царству, то предмет чуждый для церковной проповеди. Не место на церковной кафедре даже богословским трактатам, преследующим чистый интерес знания, без приложения к потребности духовного усовершенствования христиан. Кафедра проповедника не может быть отождествляема и смешиваема со школьной кафедрой профессора. На этой последней кафедре могут быть уместны утонченные отвлеченные умствования, исследования об источниках знаний, критические разборы суждений по тем или другим богословским вопросам: здесь учитель является во всеоружии учености. Главное дело ученого или профессора богословия уяснение предмета, исследование истины, причем мало принимаются во внимание потребности жизни. А у проповедника духовные нужды народа на первом

плане, и им он служит прежде всего. Его внимание должно быть направлено не на исследование истины, а на передачу, на сообщение её народу, в видах устройства его жизни. Ученый или профессор разрабатывает почву, а проповедник берет и передает то, что возрастает на этой почве. Ученый, если можно употребить для уяснения дела другое сравнение, углубляется в кладезь мудрости, а проповедник напояет народ тою водою, которая извлекается из этого кладезя.

Нужно ли напоминать далее, что на церковную кафедру не допустимо ничто сомнительное, апокрифическое, не имеющее характера твердой, непреложной истины? Именем Божиим говорит проповедник, и является посланником Господа Иисуса Христа. Ему поручено возвещать слово Божие или учение Господа Иисуса Христа. Он изменяет своему назначению, если к святому слову истины, облеченному божественным авторитетом, примешивает измышления человеческого ума, и, как откровение божественное, передает свои мечтания или сомнительные повествования других, которые в слушателях могут подорвать веру в возвещаемое им учение. В этом случае вместо золота он дает народу фольгу, вместо истинной монеты фальшивую, или чистое вино разводит водой. Против таких проповедников, которые вместо святого и непреложного слова Божия возвещают народу сомнительные измышления и сказания, неоднократно высказываются от лица Божия прещения и угрозы у пророка Иеремии. *Лживо пророцы прорицают во имя Мое* (говорит Господь), *не послах их, ни заповедах им... понеже видения лжива и гадания и волшебства и произвола сердца своего тии прорицают вам* (Иер.14:14). *Доколе будет в сердцах пророков, прорицающих лжу и пророчествующих льщения сердца своего?... Пророк, иже имать слово мое, да глаголет слово во истине. Что плевны ко пшенице? Тако слово мое, рече Господь.: Се Аз на пророки, глаголет Господь, износящая пророчества языком и дремлющая дремание свое. Се Аз на пророки, прорицающая соние лживо* (Иер.23:26–32).

Мы указали общие начала, определяющие широкий круг проповеднических материй и выставили центральный пункт в

этом круге, который никогда не должен упускать из вида проповедник, когда выполняет свое служение. Что когда брать и предлагать народу из широкого круга проповеднических материй, – это должно быть предоставлено такту и благоразумию проповедника. Пусть он знакомится с народом, который собирается вокруг его кафедры, пусть изучает его быт и нравы, и приобретает ясное представление о его религиозно-нравственном состоянии и духовных потребностях: тогда сама жизнь подскажет его уму и его заботливой любви, на что ему нужно обратить внимание, и что предлагать народу для его назидания. А отвлеченные указания и правила, как бы ни были подробны, какое обилие тем ни представляли бы, мало могут помочь делу; даже могут отвлечь проповедника от того пути, идя которым он скорее может быть полезен народу. Пожалуй, можно указать, какое содержание уместно предложить и развить в тот или другой праздник. Но это дается проповеднику и без особенного нарочитого указания: событие, воспоминаемое в тот или другой праздник, праздничное богослужение, уясняющее смысл церковного дня, чувства, возбуждаемые в христианах церковным торжеством, – все это, и без особых теоретических наставлений, определяет предмет проповеди на тот или другой праздничный день, хотя это не должно связывать проповедника. Св. Иоанн Златоуст, по требованию обстоятельств, в праздник воскресения говорит не только о воскресении, но и о пьянстве, и о последнем больше, чем о первом. И известное слово св. Василия Великого о пьянстве сказано тоже в один из дней пасхального праздника, по поводу тех бесчиний, каких он был свидетелем накануне.

Не претендуя на указание материи для каждой частной проповеди из широкого круга проповеднических предметов, наука может указывать источники, из которых проповедник может почерпнуть содержание для своих поучений, или исходные точки и руководительные начала, какими он может пользоваться, при выполнении своего проповеднического служения. От различия этих источников или исходных точек зависит, если не различие содержания проповедей, которое в существе неизменно должно быть одно и то же учение

Христово, то различие в построении проповеди и развитии и разъяснении проповеднической материи. От этого различия исходных точек при построении проповедей и зависящего от него разъяснения христианского учения происходят различные виды проповедей. Таких видов мы насчитываем четыре: 1) *омилия* или изъяснительная беседа, имеющая своим непосредственным источником и материалом священное писание, и ставящая своей задачей изъяснение его, 2) *слово*, берущее свое содержание из идеи церковного года, 3) *катихизическое поучение* излагающее элементарные уроки веры, нравоучения и богослужения и 4) *проповедь*, называемая ныне *публицистической*, отвечающей на вопросы современности, и исходной точкой для себя поставляющая воззрения современного поколения, весьма часто уклоняющиеся от истины, теоретические заблуждения и нравственные болезни века, которые она обсуждает и направляет по руководству слова Божия. Во французской проповеднической литературе, этой публицистической проповеди отвечают церковные беседы, отмечаемые именем „Conferences“, начало которым в начале истекшего столетия положено известным проповедником Фрейсину.

I. Омилия или изъяснительная беседа

Первый источник, из которого проповедь заимствует материал и берет исходную точку для назидания предлагаемого народу, есть слово Божие или священное писание, и первый вид проповеди церковной есть омилия или изъяснительная беседа. В древности, – в первые четыре века, – омилия была господствующим родом церковных поучений. Изъяснению священного писания, большей частью в порядке библейского текста той или другой книги, посвящали свое слово древние отцы проповедники, и толкуя текст богодухновенных книг, брали из него потребные наставления для назидания верующих.

Древние святые отцы – проповедники первым долгом своим считали в своих церковных беседах изъяснять священные библейские книги потому, что видели в Библии книгу первостепенной важности для христианина. Все, в ней написанное, написано по вдохновению Духа Святого, и в ней изложено все то, что Умом божественным признано необходимым сообщить человеку для его научения и руководства по пути спасения. Никакая другая книга решительно не может по своему значению идти в сравнение с божественной книгой, заключающей в себе писания боговдохновенных мужей, – пророков и апостолов, а тем более заменить ее. Что нам нужно знать о Боге и человеке, о законе богоугодной жизни, ведущей нас к совершенству и об условиях нашего спасения, – все это с возможной полнотой раскрыто в священных книгах. Откровение, записанное в библейских книгах, дано нам для того, чтобы мы истиной, в нем сообщенной, питали свои души, освещали свою мысль, разрешали могущие смущать нас недоумения и направляли свою волю к деланию добра и к снисканию обещанного нам блаженства. Цени такое значение книги Откровения, древние христиане стремились поучаться в законе Господнем со всевозможным усердием, и в святой книге искали для себя пищи духовной. В то время, при отсутствии книгопечатания, труднее было, чем ныне, доставать кодекс книг священных. Но

по свидетельству Златоуста, священные книги были в руках многих, и многие наперед прочитывали те отделы, которые имели быть изъясняемы проповедником.

Ныне у нас омилия или изъяснительная беседа вышла из употребления, и мы не видим дельных опытов изъяснения той или другой священной книги с церковной кафедры. И даже в наших руководствах по проповедничеству мало обращается внимания на священное Писание, как на источник и материал церковной проповеди. В гомилетике Амфитеатрова, при обширности трактата о материи церковного собеседования, разросшегося в целый том, только вскользь упоминается о библейских книгах, как материале для церковного собеседования. Изъяснению священного Писания у него не отведено особого места, при обозрении предметов церковного собеседования, и об нем говорится только при обозрении учения богослужебного. Здесь, после разъяснения суточного богослужения и обозрения церковно-богослужебной библиотеки (октоиха, минеи, триоди, требника и других) особый член (третий) посвящен обозрению церковно-учительской библиотеки, в ряду книг которой первое место дано книгам священного Писания, и о них говорится, как о материале для церковного собеседования, поскольку эти книги входят в церковно-богослужебное употребление⁵¹. Впрочем, Амфитеатров, сделав замечание о священном Писании, как материале для церковного собеседования, поскольку чтения из него предлагаются при богослужении, в конце трактата об этом, говорит о важности рядового изъяснения книг священного Писания: „Лучше всего было-бы (говорит он), если-бы проповедники... восстановили древний образ проповеди. Церковь положила читать слово Божие подряд, и для сего определила *рядовые зачала*. Следовательно, по её намерению, проповедник должен изъяснять слово Божие не по частям, не отрывками из того или другого священного писателя, а в ряд и цельно... Не так ли поступали древние учителя христианские? Св. Златоуст избирал для своих бесед не темы, не отдельные тексты из того или другого места Писания; нет, – он избирал целые книги библейские, и избранную дотоле не оставлял, пока

не разобрал всю ее перед своими слушателями. Только этой методой можно ввести слушателей в дух Писания, и только при этой методе можно сделать Писание учебной книгой для народа христианского“⁵².

Этому, совершенно верному, замечанию Амфитеатрова, занимающему не видное место в его системе, нужно бы дать более важное значение. В числе материалов для церковного собеседования, и ныне, как в древние времена, на первом месте совершенно прилично ставить слово Божие или книгу Откровения. Нельзя не пожалеть о том, что нынешние пастыри-проповедники не хотят следовать обычаю отцов-проповедников, в изъяснении священного Писания полагавших первую свою задачу. Книга Откровения и для нашего времени имеет то же значение, какое она имела для христиан первых веков: в ней сообщены нам и содержатся незаменимые глаголы живота вечного, какие угодно было даровать нам Господу и Спасителю нашему. Указывать и разъяснять то, что для нашего спасения изглаголяно Духом Божиим, – это первая задача христианского учителя, выше которой мы и представить не можем. Правда, нынешние христиане, хотя теоретически не могут не признавать высокого значения для нас священных книг, практически мало стараются знакомиться с ними и изучать их, и этому не помогает и то, что ныне гораздо легче можно приобрести библию или, по крайней мере книги нового завета, чем это было в первые века нашей эры, и библия ныне, благодаря печати, гораздо более распространена, чем во времена давно минувшие. Вместо библии для людей нашего века руководительной книгой служит книга светская, распутившаяся чрезвычайно широко, и ей посвящают гораздо больше внимания, чем книге божественной, священной: эта последняя, можно сказать, заслоняется книгой светской. Но христианский учитель, сознающий все великое значение для нас книги, содержащей божественное Откровение, должен не приспособливаться к настроению людей, привыкших искать для себя духовной пищи и просветительных начал в книге мирской, газете или журнале, и часто совершенно забывающих о священной книге, а напротив должен показывать перед всеми свое благоговение и перед нею, как Откровением,

данным от Бога, и тем более должен выражать это, чем более замечает невнимания к божественной книге. При том это невнимание к божественной книге весьма часто зависит от малого знакомства с этой книгой, от того, что люди не читали её, и не вникали в её содержание. Умелой рукой покажите таким все богатство содержания божественной книги, постарайтесь почерпать из неё ту живую воду, которая лучше всякой светской книги может утолить нашу духовную жажду, и щедро раздавайте из неё то драгоценное золото, в ней хранимое, которого не замечают люди мало внимательные, – и тогда рассеется предубеждение против библии, если есть оно у кого, и возбудится надлежащее внимание к ней.

Ссылающимся, в объяснение пренебрежения древней формой омилии, на то, что нас не будут слушать, если мы, подобно древним отцам, будем объяснять стих за стихом той или другой книги священного Писания, можно указать на пример сектантов. У них меньше понимания священного Писания, и менее искусства в его толковании, чем у наших пастырей – проповедников; иногда даже своим темным разумом они решительно не могут добраться до истины и грубо извращают смысл Писания. А между тем их слушают, и они берутся изъяснять трудные для понимания книги Писания, например, книгу пророка Иезекииля. Если они, люди темные и невежественные, умеют приковать внимание своих слушателей к изъяснению рядовых текстов той или другой книги Писания, находят здесь удобовосприимлемый материал для назидания народа, то не тем ли более могли бы сделать это учителя, хорошо наставленные в вере и с молодых лет, из школы, ознакомленные с Писанием и наученные правильному толкованию его, по примеру древних отцов Церкви?

При высоком значении для нас библии, как незаменимой книги божественного Откровения, кроме богатства назидания, в ней заключающегося, внимание к ней проповедников и забота о её правильном толковании должны быть возбуждаемы тем, что в ней много неясного и неудобовразумительного для людей, не получивших надлежащего церковного образования. При чтении многих мест, где, например, встречаются человекообразные

представления о Боге, или где передаются повествования о святых ветхозаветных мужах, по-видимому, не согласующиеся с нашим представлением о людях нравственного совершенства, благоугождающих Богу, у многих могут возникать сомнения и недоумения, требующие разъяснения. Далее, многие места Писания, ложно понятые, прямо могут вести и не одних темных людей к заблуждениям и превратным толкованиям истин веры. Еретики, отступавшие от церкви, старались защищать свои лжеучения словами Писания, придавая им не тот смысл, какой в них заключается. И наши нынешние сектанты тоже думают опираться на слово Божие, когда защищают свое лжеучение и когда стараются распространять его в народе, и увлекаемые ими не замечают и по своей умственной темноте даже не могут заметить, как они злоупотребляют Писанием, сами не понимая точного смысла библейских выражений. Будучи слепцами, ослепленные духом своеволия и гордыни, они принимают дерзновение по своему толковать слова божественной мудрости, и своим узким умом думают исчерпать весь кладезь учения, заключенный в библии. И сбывается слово Писания: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф.15:14). По слову святого отца (Григория Богослова) „не всякая книга (библейская) всякому с первого раза вразумительна, и заключающая в себе более глубокий смысл, может даже многим, по своему внешнему смыслу, обратиться в больший вред“⁵³. Поэтому святые отцы, и считали необходимым с церковной кафедры разъяснять народу точный смысл Писания, разъясняя недоумения и предохраняя от неправильного толкования его, могущего вести к заблуждениям и сопровождаться большим вредом. Это самое должно быть в виду и у нынешних учителей церкви.

Мы должны прибавить к этому, что и ныне, как прежде, воля церкви возлагает на пастырей долг разъяснения книг священного Писания. Эта воля выражена в церковном Уставе. Установив чтение некоторых книг священного Писания при богослужении в рядовых дневных зачалах, обнимающих всю полноту той или другой книги, св. церковь вменяет в обязанность своим служителям предлагать народу изъяснение

этих книг в те периоды года, к каким приурочено чтение зачал той или другой книги. В Уставе церковном указаны даже те толкования Писания, какими можно пользоваться, и какие можно и нужно предлагать народу. „Подобает ведати (говорится в церковном Уставе), яко во святую и великую неделю Пасхи начинается еже *от Иоанна Евангелие*, и читется до Пентикостиа. Толкования же того Евангелия *Златоустова* чтутся на утрнях в тые дни. От недели Пентикостиа до месяца сентембрия читется еже *от Матфея Евангелие*, а толкования на оное *Златоустова* чтутся на утрнях. От нового же лета, сиречь от недели по Воздвижении до недели сырныя читется *от Луки святаго Евангелие*. На утрнях же читется толкование *Феофилактово* и толкование посланий св. апостола Павла, еже *от Златоуста*, такожде и Маргарит *Златоустов*. От первыя же недели четьредесятницы, в субботах и неделях, читется еже *от Марка Евангелие*; на утрнях же *Шестодневник Златоустов*“⁵⁴. Но в церкви, при богослужении, читаются не одни Евангелия. По Уставу „от недели св. Пасхи до недели всех святых чтутся Деяния св. апостолов; в прочия же недели всего лета чтутся *седмь соборная послания апостольская и четьренадесять посланий св. апостола Павла и Откровение св. апостола Иоанна Богослова*“. Кроме книг нового Завета предлагаются чтения и из ветхого Завета. В период четьредесятницы полагается рядовое чтение книги Бытия, книги пророка Исаии, книги притчей и некоторых отделов из книги Иова. А в паремиях, на праздничные дни всего года, предлагаются отрывочные отделы из разных ветхозаветных книг. Таким распоряжением церкви наши пастыри-проповедники не вызываются ли к такому служению церковного слова, какое выполняли древние отцы, считавшие своим долгом изъяснять книги священного Писания, в целом их составе по порядку стихов текста? Нужды нет, что теперь забыто такое служение церковного слова. Добрый обычай, хотя и забытый, всегда можно восстановить, и силу восстановленного доброго обычая, хотя и не сразу, признают люди, ищущие истинного духовного назидания, если только с усердием и умением возьмутся за это дело служители церковного слова.

Из авторитетных писателей по теории церковного красноречия с особенной силой ратовал Фенелон (в своих *Разговорах о красноречии и церковном красноречии в частности*) за восстановление древнего обычая, по которому отцы-проповедники изъясняли книги священного Писания, по порядку стихов текста. Он, сожалея об утрате этого обычая, для большей действенности церковного слова, желает и с настойчивостью требует, чтобы проповедники, проникшись духом Писания, изъясняли начала и связь учений, изложенных в Писании, чтобы все беседы их служили к уяснению Писания и к возбуждению внимания к нему. „Какой авторитет (говорит он) имел бы проповедник, если бы он ничего не говорил от собственного измышления, а следовал мыслям и словам Божиим, и их изъяснял перед народом! И какая польза была бы для слушателей, если бы проповедник приучил их питать себя этим священным хлебом! Гораздо легче изображать и бичевать настроения, замечаемые в мире, чем основательно изъяснять существенное содержание христианской веры. Для первого достаточно легкого знакомства с миром; а для второго нужно серьезное и глубокое изучение священного Писания. – Большая часть проповедей, ныне являющихся, представляют из себя умствования философов. И в проповеди слышится тогда не слово Божие, а слово и измышление человеческое“⁵⁵.

Как вести дело изъяснения священного Писания, при желательном восстановлении древней омилии? Путь к этому указан и проложен древними отцами-проповедниками. Им нужно подражать, у них нужно учиться надлежащей плодотворной методе изъяснения священного Писания, при которой буква Писания являлась неиссякаемым источником назидания.

Изъяснение Писания в церковных беседах древних отцов отличалось от ученого комментария; цели, имевшиеся в виду и преследуемые проповедниками при изъяснении Писания с церковной кафедры, не были тождественными с теми задачами, какие старались выполнять толкователи Писания, писавшие комментарии. Ориген, много трудившийся над изъяснением Писания, и в своих беседах оставивший нам первые образцы

изъяснительных омилий, не раз указывает различие между ученым изъяснением Писания в комментариях и изъяснением его для народа с церковной кафедры. Здесь (на церковной кафедре), говорит он в одной беседе⁵⁶, мы несем *служение не изъяснения Писания, а назидания церкви*, хотя из того, что мы говорим, всякий благоразумный слушатель может найти ясные стези к уразумению. Из прочитанного мы, не имея возможности изъяснить всего, собираем нечто, могущее назидать слушателей, как бы некоторые цветки с полного поля, благословенного Господом. В другой беседе он замечает, что в беседе, говоримой в церкви, мы „не имеем столько времени, чтобы рассмотреть каждое слово Писания и предложить такое изъяснение его, чтобы ничто не осталось неисследованным, так как объяснение подобного рода скорее дело комментария, чем беседы“⁵⁷.

В чем же различие между комментарием и омилией? В комментарии экзегет сосредоточивает свое внимание всецело на тексте Писания и представляет полное, по возможности всестороннее исследование его, а в омии у экзегета главное внимание устремлено на потребности слушателей, и он не ставит своей задачей дать полное объяснение известного отдела Писания, а старается извлечь из него полезные уроки для слушателей. В комментарии уместны и часто требуются филологические исследования, подробные разборы текста, археологические и исторические замечания и справки, способствующие лучшему уразумению библейского слова; здесь каждый пункт должен быть обследован с возможной тщательностью. А для церковной беседы такой ученый спаряд был бы излишним грузом, и введенный в нее, он мог бы без нужды обременить внимание слушателей и затруднить достижение той цели назидания, какую должны преследовать проповедники. Правда, в беседах св. Иоанна Златоуста, который является лучшим образцом проповедника экзегета, при изъяснении ветхозаветных книг (например, в беседах на псалмы) приводятся разночтения в переводах текста библейских книг, но эти разночтения указываются им не с

ученой целью, а приводятся главным образом для того, чтобы извлечь из них более уроков для назидания народа.

Проповедник при изъяснении священного Писания на церковной кафедре (как справедливо замечает Ориген), не может останавливаться на каждом слове Писания и подробно разбирать каждый пункт текста: этого не позволяют ему ограниченные пределы беседы и времени, назначаемого для беседы. Да это и не требуется для целей назидания. Он должен схватывать и разъяснять главную суть отдела книги, подлежащего его толкованию, должен собирать и предлагать народу с великого поля наиболее удобоприемлемые и полезные цветки. Он может опускать в изъясняемой им книге целые отделы, если они мало дают материала для гомилетического назидания (например, в книге Бытия то место, где говорится о построении ковчега Ноева и показываются его измерения (Быт.6:14–16) или та глава (10), где перечисляются имена потомков Ноя).

В своих изъяснительных беседах, при помощи библейского текста, проповедник должен поставить своей задачей раскрытие перед слушателями истории божественного мироправления, учения о домостроительстве нашего спасения и данного нам закона святой жизни, нарушение которого навлекает на нас гнев Божий. Для выполнения этой задачи ему нет нужды пускаться в утонченные разыскания и подробности, а достаточно остановиться на главном и существенном. Он может выставлять на вид наиболее крупные и впечатлительные черты в библейских сказаниях, может останавливаться на тех местах, которые служат доказательством и подтверждением главных истин нашего вероучения или подвергаются неправильным толкованиям, – знакомить с поучительными историями о лицах и событиях, записанными в библии для нашего назидания, и из всего извлекать нравственные уроки, способствующие нашему утверждению на пути добродетели. Все, что ни говорит он, пусть говорит он для народа, для его назидания: все должно быть ясно, вразумительно для народа и не отяготительно для его понимания и вместе с тем всё должно быть направлено к утверждению его в вере и доброй жизни.

У древних практиковались две методы изъяснения священного Писания. Многие не довольствовались указанием простого смысла Писания, указываемого буквой его, но искали в каждом месте священного Писания иносказательного, аллегорического смысла, который не открывается простому читателю Писания, не видящему ничего далее буквы. Аллегория Писания особенно любима, была отцами александрийской школы. С особенной силой и настойчивостью выставлял необходимость и важность аллегорического толкования Писания Ориген. По его воззрению, в каждой самонаименованной части священного Писания, даже в каждой букве и иоте скрывается особый смысл, не видный для простого глаза или поверхностного понимания. Пристрастие к аллегории наследовали от него другие проповедники александрийского направления, и в проповедях многих отцов этого направления аллегория занимает слишком широкое место, и указание иносказательного смысла в том или другом месте Писания является как бы неременной обязанностью экзегета-проповедника. Типическое значение многих мест священного Писания ветхого завета и событий ветхозаветной истории, в прообразовательном смысле указывавших события новозаветные и служивших сенью грядущих благ, давало законное основание для аллегории, при толковании ветхозаветных библейских книг. Но александрийские экзегеты слишком расширяли применение аллегорической методы толкования Писания, и старались, с одной стороны, прилагать ее к самым бесплодным местам, из которых без натяжки нельзя извлечь никакого таинственного смысла, а с другой заслоняли и заменяли аллeгорией богатый и глубокий смысл, даваемый буквой Писания. При этом в букву Писания влагался такой смысл, какого не имели и не подозревали сами богодухновенные писатели.

В гомилетическом отношении аллегорическая метода толкования Писания не была особенно плодотворна и представляет значительные невыгоды. Правда, посредством аллегории можно и на сухом поле возвращать разнообразные цветы; посредством неё можно вложить смысл в мало

говорящую букву. Но увлеченные пристрастием к аллегории дозволяли себе слишком много произвола в извлечении из буквы Писания смысла, ей не указываемого прямо, хотели вести слушателей к глубоким созерцаниям, прибегая к самым смелым сближениям, и гонясь за этими смелыми созерцаниями, они удалялись от прямого пути, ведущего к назиданию, – удовлетворяли больше пытливости ума, чем требованиям сердца, нуждающегося в духовной назидательной пище. Считая одно простое толкование, привязанное к букве Писания, без пособия аллегории, недостаточным и неполным, они тем самым оказывали как бы неуважение или пренебрежение к букве Писания, и посредственно вели к такому же отношению к буквальному смыслу Писания и своих слушателей.

В гомилетическом отношении гораздо плодотворнее была другая метода толкования которой держались по преимуществу антиохийские проповедники. Держащиеся этой методы не чуждаясь совершенно аллегории и пользуясь ей в потребных случаях, главное внимание свое сосредоточивали на буквальном смысле текста библейской книги. Не делая никакого насилия тексту, какое дозволяли себе аллегористы, они умели черпать обильное назидание из самой буквы Писания, и в их устах библия в прямом, не иносказательном смысле, являлась великой книгой божественной мудрости и неиссякаемым источником нравственных наставлений. Руководясь ею, они, по вызову текста, иногда давали исправления и разъяснения веры и при этом входили в обличения заблуждающихся, а чаще всего направляли свое слово к нравственной области, – уясняли, более или менее подробно, закон святой жизни, представляли примеры добродетели, раскрывали побуждения к упражнению в добродетели, грозили гневом Божиим и казнями в сем и будущем веке за уклонение от правого пути жизни и за нарушение данного нам закона Божия, в доказательство этого ссылаясь на исторические события, записанные в священных книгах и т. под. В беседах отцов антиохийских главное преобладающее направление, которое делало особенно назидательным толкование Писания, – направление

нравственное. Особенно любил и умел извлекать из каждого места св. Писания богатые нравственные уроки великий Златоуст. Он, как экзегет-проповедник, – нравоучительный проповедник по преимуществу, и в этом отношении нет равного ему на всем протяжении христианской церковной истории. У него нужно учиться, ему нужно подражать, кому предстоит труд, или кто хочет с пользой для народа изъяснять книги священного Писания. Следуя его примеру, он найдет неисчерпаемые материалы для назидания народа в божественной книге, написанной святыми мужами, по вдохновению от Духа Божия.

Нужно заметить впрочем, что и аллегористы не пренебрегали нравственным смыслом Писания в своих церковных беседах. Напротив, они посредством аллегории старались извлекать из буквы не одни утонченные созерцания, но и нравственные наставления, и эти последние занимают широкое место в их изъяснениях. Ориген, слишком широко и свободно пользовавшийся аллегорией, когда говорил, что в священном Писании нет ни одной буквы, ни одного титла, без сокрытого в них глубокого смысла, то разумел главным образом нравственный смысл, какого нужно искать всюду. Он, как известно, принимал три смысла Писания: простой, нравственный и таинственный; но для церковных бесед, когда он изъяснял ту или другую мысль Писания, он считал наиболее пригодным смысл нравственный. Смысл простой, буквальный он считал слишком низким и малозначительным, чтобы на нем долго останавливаться и им назидать народ, а смысл таинственный слишком трудным и малодоступным для понимания большинства народа. И потому главное внимание его в проповедях сосредоточено на представлении смысла нравственного, который он считал наиболее полезным и наиболее доступным для массы народа. И вот аллегория являлась у него пригодным средством, при пособии которого он из всякого места Писания мог извлекать добрые нравоучения. Нравоучению он посвящает главную часть своего церковного проповедного слова, и нравственные наставления в изобилии рассеяны по всем страницам его бесед.

II. Слово, черпающее содержание из идеи церковного года

Если в древней церкви господствующей формой проповедничества была *омилия*, посвященная изъяснению священного Писания и раскрывающая смысл его, толкуя стих за стихом той или другой библейской книги, то в настоящее время господствующим видом церковной проповеди является *слово*, которое черпает свое содержание из идеи церковного года. Идея церковного года, после священного Писания, служит вторым источником материй, которые может разъяснять в назидание народу христианский проповедник.

Церковный год, заключающий в себе преемственное периодическое течение дней годового круга, сопряженных с известными воспоминаниями, представляет чрезвычайно важное учреждение, и в особенности благотворно его значение для проповедника. В идее церковного года заключено, можно сказать, все широкое и многообразное содержание христианского учения, содержимого в церкви. Святая домоправительница – церковь ввела мудрый порядок в возведение народу учения веры и спасения, распределив его по дням года. К каждому дню года она приурочила определенную часть из необъятной области святых истин. В преемственном ряде дней церковного года воспоминается и раскрывается вся история домостроительства нашего спасения, по частям предлагается евангельское учение, и прославляются подвиги святых Божиих, служащих ходатаями за нас перед Богом и подающих нам пример богоугодной жизни, в лице которых церковь земная, воинствующая входит в непосредственное соотношение с церковью небесной, торжествующей.

Во многих иностранных гомилетиках, в трактате о содержании проповедей, подробно разъясняется идея церковного года, во всей её широте, как богатый источник гомилетического материала. В наших русских гомилетиках нет нарочитого самостоятельного трактата, посвященного

разъяснению идеи церковного года, как источника проповеднического материала. Но в гомилетике Амфитеатрова, отличающейся полнотой изложения материи церковного собеседования, не опущен из внимания этот источник проповеднических материй: относящееся к этому предмету у него изложено в трактате об учении богослужебном. В его книге подробно раскрывается смысл служб церковных, и указывается, какое в них заключается обилие гомилетического материала. Разбирая церковно-богослужебную библиотеку (во втором члене отдела об учении богослужебном), он проходит разъясняющим словом все периодическое течение в особенности знаменательных дней года, указывая, какое учение ими предлагается проповеднику в службе того или другого дня, находящейся в октоихе или минее, и с особенной внимательностью останавливаясь на службах постной и цветной триоди.

Церковный год, не без основания, по характеру служб церковных, разделяют на две половины. Одна половина праздничная, когда воспоминаются по преимуществу события, относящиеся к истории домостроительства нашего спасения или к истории искупления рода человеческого, совершенного Господом Иисусом Христом, а другая простая, не праздничная, когда главным образом воспоминается жизнь церкви в лице избранных и прославленных членов её, после совершения дела искупления Спасителем и дарования ей силы для совершения дела освящения и спасения верующих.

Первая, праздничная, половина может быть разделена на три стадии, и службы каждой стадии резко отличаются по своему характеру и содержанию от службы других стадий, соответственно характеру воспоминаемых в них событий.

Первая стадия праздничной половины ведет свое начало от дней или недель, подготовляющих к празднику Рождества Христова, когда воспоминается явление на земле Исккупителя мира. Средоточными пунктами в этой стадии служат праздники Рождества Христова и Богоявления Господня или крещения Господа Иисуса Христа от Иоанна в Иордане, после которого Он выступил на общественное служение. Воспоминаемые в эти

праздничные дни великие события в историческом явлении своем отделены одно от другого тремя десятилетиями. Но в круге церковного года они сближены между собой, так как оба эти события одинаково служат предначинательными явлениями в истории искупления, совершенного воплотившимся Сыном Божиим. Родившийся от Девы Марии Господь Иисус Христос до времени крещения своего пребывал в неизвестности, и Евангелие, повествуя о Его земной жизни и служении, после изображения первых дней Его явления на земле, прямо переходит к повествованию о Его пришествии к Иоанну на Иордан, для принятия от него крещения, когда открылось для верующего ума, в чрезвычайных знамениях, Его божественное достоинство, как Сына Божия. Во внимание к такому значению событий, воспоминаемых в праздник Рождества Христова и Богоявления, как явлений, открывающих историю искупления, совершенного Иисусом Христом, в древней церкви оба эти праздника объединялись и торжествовались в один день. Указанные нами пункты главные в этой первой стадии праздничной половины; но они дополняются другими, стоящими в соприкосновении с ними. Восполняемые другими воспоминаниями, церковные службы этой стадии дают широкое и разнообразное содержание, какое могут получать из них внимательные к урокам, преподаваемым церковью. На эту стадию, между прочим, падает память многих ветхозаветных пророков и святых праотцов или ветхозаветных праведников, спасавшихся верой в грядущего Мессию – избавителя мира.

Вторую стадию праздничной половины церковного года составляет период святой четыредесятницы с пригласительными к ней неделями. В этой стадии главный пункт составляют дни воспоминания страдания и крестной смерти Господа Иисуса Христа, заключающие собою этот период. Так как страдания Господа были искупительной жертвой за грешный род человеческий, то естественно воспоминание о них располагает верующих к покаянным чувствам, и церковные службы этого периода, заканчивающегося днями страстей Христовых, возбуждают и воспитывают в нас чувства скорби и покаяния. На этой стадии церковного года с особенной

внимательностью останавливается Амфитеатров в своей гомилетике и в 18 параграфах (от 125 до 143) подробно разъясняет учение, содержащееся в службах постной триоды, называя ее одной из боголепнейших церковных книг. „Она (говорит он) собрание возвышенных песней умиления, покаяния, горьких слез о глубине падения и о нечистоте падшего духа человеческого... Грешно проповеднику, если он не хочет проникаться духом триоды (в те дни), и в проповедях своих удаляется от её содержания и тона“⁵⁸. Еще задолго, за несколько недель до наступления святой четырёхдесятницы, церковь готовится верующих к дням поста и покаяния, в подготовительных недельных службах показывая примеры покаяния в лице мытаря и блудного сына, представляя картину страшного суда (в неделю мясопустную) и вспоминая (в неделю сыропустную) падение Адамово, служащее главной причиной того сетования, которым преисполняется душа человека, воспоминающая о потере первобытного блаженства. Мы не будем передавать всего глубоко назидательного и чрезвычайно богатого содержания церковных служб этой стадии года. Скажем только, что все эти службы, премудро устроенные, проникнуты одной идеей и неизменно выдерживают один тон и характер, хотя основная идея, развиваясь в течение дней святой четырёхдесятницы, находит много разных форм выражения, и, переливаясь из дня в день, является видоизменяющейся, причем каждому дню дается новый оттенок, особое содержание. Этот период скорбных воспоминаний и покаянных чувств освещается двумя великими праздниками, из которых один (Вход Господень в Иерусалим) стоит в ряду воспоминаний о последних днях жизни Господа Иисуса, а другой (Благовещение пресвятой Богородицы) как бы случайно попадает в этот период из другой серии. Внося новую светлую струю в течение скорбных покаянных дней, эти праздники дают отраду сердцу христиан и исполняют их святыми чувствами благодарения Богу, вызывая их в один праздник славить Господа, а в другой вместе с этим величать пресвятую Богоматерь, послужившую делу нашего спасения. Но прославляя чудесное событие, положившее начало делу

искупления рода человеческого вочеловечением Сына Божия (вспоминаемое в праздник Благовещения) церковь и в этот праздник не прерывает выражения скорбных и покаянных чувств, если этот праздник падает на будний день, а не на воскресенье или субботу, когда и в течение святой сорокадесятницы изменяется или ослабляется обычный тон великопостных служб церковных.

Третья стадия праздничной половины церковного года самая торжественная. Она начинается светлым праздником Пасхи и заканчивается праздником Пятидесятницы. Церковь в эту стадию воспоминает и торжествует воскресение Христово, – этот праздников праздник. Он является высочайшим и радостным потому, что воскресение Христово, необычайное по своей чудесности, было завершением дела искупления и печатью, утвердившей исполнение всех обетований. В нем мы воспеваем славу воскресшего Икупителя и торжествуем победу Его над смертью, после которой упразднился этот последний враг наш. Хотя временно мы и платим дань этому врагу нашему, но он не страшен для нас в надежде на будущее воскресение наше. Трудно представить что-нибудь величественнее и отраднее той службы церковной, которая совершается в дни святой Пасхи. Высокорадостное и святое чувство, которым проникнуты церковные воспоминания светлого воскресения Христова, не ограничивается днями пасхальной недели. Все последующие дни, до праздника Пятидесятницы включительно, суть как бы один не прерывающийся праздник, в который, при воспоминаниях о Воскресшем, воспеваются торжественные песни в прославление Его, и дела, Им совершенного. После прекращения песней воскресения, через сорок дней после первого дня Пасхи в память сорокадневного пребывания на земле воскресшего Господа, новый светлый праздник – Вознесение Господне, в который церковь воспоминает, как воскресший Спаситель с пречистой плотью восходит от земли на небо и при ликованиях ангелов восседает на престоле славы, одесную Бога Отца. Затем завершением светлого периода служит праздник Пятидесятницы, когда воспоминается сошествие Святого Духа на

апостолов во огненных языках и дарование им благодатных сил для устроения церкви Божией, созданной Господом. Событие, воспоминаемое в этот праздник, служит завершением истории домостроительства нашего спасения и так как в нем проявило свою силу и действие Третье лицо Пресвятой Троицы, то святая Церковь этот день посвящает прославлению Пресвятой Троицы, исповедуя свою веру в Троиединого Бога, создавшего нас, промышляющего о нас и нас спасающего. Это исповедание главного и полного глубокой тайны догмата нашей веры и прославление единосущной Троицы служит прекрасным заключением всех воспоминаний, в каких церковь воспроизводит по частям главнейшие из событий, записанных в священной истории нашего искупления. Сладостная по воспоминаниям, эта стадия праздничной половины года тем радостнее для нас, что с ней совпадает весеннее оживление природы, когда и неодушевленная природа как будто принимает участие в радости верующих, живущих надеждой на обновление в царстве славы. К этой стадии праздничной половины года приурочено чтение на литургиях Евангелия св. Иоанна Богослова и Деяний апостольских, и на воскресные дни назначены особенно знаменательные и глубоко содержательные зачала из этого возвышеннейшего Евангелия, а Деяния Апостольские читаются в этот период, как объясняет святой Иоанн Златоуст, потому, что события, в них описанные, служат разительнейшим доказательством истинности воскресения Христова.

Вторая, не праздничная, половина церковного года главным образом представляет жизнь церкви, основанной Господом после совершения дела искупления, и наделенной благодатными силами к освящению верующих. Здесь преимущественное внимание обращено на памяти святых Божиих, спасавшихся в церкви и благоугодивших Богу, а вместе с тем и на разъяснение учения, принесенного на землю Господом Иисусом Христом и раскрытого апостолами и святыми отцами. Там, в праздничной половине года факт, история главным образом, а здесь основанное на факте и истории учение. Впрочем, строгого разграничения в этом случае делать

невозможно. Характеристика, нами указанная, только приблизительно отвечает действительности, и точной в полном смысле быть не может.

Непраздничная половина церковного года открывается неделей всех святых, первой по Пятидесятнице, когда воспоминается церковью все великое сонмище воспользовавшихся плодами искупления, и своей жизнью по вере Христа благоугодивших Богу. Эти святые служат посредниками, связующими церковь земную, воинствующую, с церковью небесной, торжествующей. Таким образом вся полнота церкви обнимается мыслью в службе недели всех святых. *Подобаше* (говорится в синаксаре этой недели) *всех святых во един собрати день, да явится, яко о едином Христе подвизашася, и вси тожде добродетели текоша поприще, и тако вси, яко единого Бога раби, – достойно венчани бывше, церковь сию составиша, горний мир вознаполняюще.* Воспоминая всех святых, церковь, с одной стороны, прославляет силу благодати Божией, нас спасающей, и приведшей ко Христу великий сонм людей благочестия, в наполнение отпавшего чина ангельского, а с другой, предлагает нам высокие образцы для подражания и следования тем путем, идя которым они заслужили венец славы и блаженную жизнь на небе. При великом разнообразии подвигов святых благоугождавших Богу на разных поприщах жизни, в разных положениях и званиях, в памяти о них предлагаются уроки назидания для всех, живущих в церкви, стремящихся к почести высшего звания; но особенно церковь чествует мучеников, кровью запечатлевших свою преданность вере и Господу, и нам подающих пример неуклонного исповедания имени Христова.

Чествуя всех святых в первую неделю по Пятидесятнице, от которой мы ведем начало непраздничной половины года, церковь предлагает в этом своим членам в общем виде всю совокупность славных памятей, которые хранятся в ней и могут служить для нас и утешением и назиданием. Это как бы общее вступление к раздельному чествованию святых угодников Божиих. Из этой общей основы церковь берет частные воспоминания и распределяет их по всему кругу церковного

года, посвящая особый день памяти каждого из известных святых, и при этом из ряда обыкновенных будничных дней выделяются дни, посвящаемые памяти святых, особенно чтимых и прославляемых за высокие подвиги и великие заслуги для утверждения и распространения веры Христовой. Дни эти, к которым приурочено чествование великих и славных деятелей церкви, являются как бы яркими цветами на широком и длинном поле годичного круга; доставляя духовное услаждение верующим, они вместе с тем служат к возбуждению и оживлению молитвенного духа в них.

И в эту половину года, хотя мы называли ее не праздничной, по сравнению с первой половиной, праздничной по преимуществу, торжествуются некоторые отдельные великие праздники, – Преображение Господне, Воздвижение Честного и Животворящего креста, Успение и Рождество пресвятой Богородицы, и праздники средние, когда воспоминаются явления милости Божией через мощное ходатайство пресвятой Богоматери, каков, например, праздник Покрова пресвятой Богородицы. В преемственном ряду будничных дней эти праздники стоят, как высокие столбы на дороге, останавливающие на себе внимание странников, или как украшенные здания, в которых труждающийся путник может найти отдохновение и получить потребное для него услаждение. Представляя мысли и сердцу верующих напоминание о силе креста Христова, о страдании за нас Исккупителя (в праздник Воздвижения), о его божественной славе (в праздник Преображения), или (в богородичные праздники) о событиях из жизни пресвятой Богоматери и о её мощном ходатайстве за нас перед Богом, дни эти, выдающиеся из ряда обыкновенных дней, служат к возбуждению, поддержанию и возвышению в чадах церкви религиозного чувства, и, радуя христианское сердце, питают его духовной святой пищей в изобильной мере. И в этом нельзя не видеть мудрой распорядительности святой церкви.

При воспоминаниях о священных событиях и святых людях, в церковном году установлены нарочитые дни для поминовения усопших, умерших в надежде воскресения в жизнь вечную. В западном церковном календаре поминовение усопших отнесено

к окончанию церковного года, и следует непосредственно за праздником всех святых, который совершается там первого ноября. В нашей православной церкви, которая всегда молится об усопших в вере и покаянии, установлены три нарочитые дня для особенного поминовения всех скончавшихся, и особенной молитвы о них. Во-первых, по обычаю церковному, поминовение усопших совершается вслед за пасхальной неделей, когда, после недели антипасхи, верующие идут на могилы помолиться за усопших родных, в надежде воскресения, дарованного нам Господом, победившим державу смерти. Во-вторых, днем поминовения усопших служит канун Пятидесятницы, перед воспоминанием нисхождения благодати Духа, оживляющей церковь и нас спасающей, и в самый вечер праздника церковь возносит умиленные молитвы к Богу об оставлении грехов и упокоении усопших отцов и братьев наших. Третий день особенного нарочитого поминовения усопших – суббота перед неделей мясопустной, в которую читается евангелие о страшном суде.

Что же выбирать проповеднику из материй, заключающихся в идее церковного года? Прежде всего проповеднику нужно уловить существенно важное в идее того или другого церковного дня, и то представлять в уясненном виде народу. Существенный смысл учения, приуроченного к тому или другому церковному дню, прежде всего заключается в дневных евангельских и апостольских чтениях, и к ним переее всего проповедник должен прикиать своим вниманием. „Из всех возможных источников церковного собеседования (говорит Амфитеатров) библейские зачала составляют самый первый, самый необходимый и важный источник, из родов древних и донине служащий первым и главнейшим указателем проповеднических материй“⁵⁹. Этим источником, – библейскими зачалами, – пользовались в древней ветхозаветной церкви, и сам Господь Иисус Христос освятил этот обычай своим примером, когда в синагоге Назаретской, в день субботний, прочитал место из книги пророка Исаии, и потом на основании прочитанного места из пророческой книги предложил народу свое наставление, вызвавшее у всех слышавших удивление о

словесех благодати, исходящих из уст Его (Лк.4:16–22). Апостол Петр свидетельствует об этом обычае, соблюдаемом у евреев, когда в речи своей говорит: *Моисей от родов древних ко всем градом проповедающая его имать, в сонмищах по вся субботы чтимый (Деян.15:21).* И проповедь апостолов, когда они являлись в богослужебных собраниях иудеев, примыкала к прочитанным в собрании библейским отделам и следовала за ними, служа как бы продолжением и изъяснением их. Так, когда апостол Павел и бывшие с ним в день субботний пришли в сонмище в Антиохии Писидийской, то после чтения закона и пророков начальники сонмища или синагоги послали сказать им: *мужие братие, аще есть слово в вас утешении к людям, глаголите,* и после этого приглашения апостол произнес наставительную речь к народу (Деян.13:14–16).

Из библейских зачал, предлагаемых для чтения в церкви, первое место по значению принадлежит евангельским чтениям, и к ним наиболее должно склоняться и склоняется внимание проповедников слова Божия. Придерживаясь этого источника, проповедник может пройти и раскрыть все евангельское учение. Наиболее назидательные части евангельских сказаний или чтений приурочены к воскресным и праздничным дням, и этим указывается проповеднику, на что в тот или другой воскресный день должно обратить внимание, какую мысль или какое учение из сокровищницы христианских истин предложить народу. Проповедник может раскрыть все содержание того или другого отдела, предложенного народу, из евангелия. Но весьма часто прочитанное зачало богато содержанием и в одном поучении трудно подробно разъяснить его. Поэтому редко передают сполна все содержание евангельского чтения, и берут из него одну мысль, ставят во главе проповеди один небольшой текст, и из него выводят тему или назидательный урок, какой считают полезным сообщить народу. Нельзя ограничивать проповедника в выборе предмета для проповеди из евангельского чтения какими-либо предписаниями. Цели назидания одинаково может достигать проповедь при методе цельного толкования всего евангельского зачала, и при извлечении из него какого-либо отдельного текста, хотя намерению церкви, расположившей по

дням года чтение Евангелия, более отвечает уяснение всего евангельского чтения. Такт проповедника, по соображению обстоятельств времени, нужды и потребностей его слушателей, может быть при этом определяющей силой, направляющей его на наиболее удобный путь. Учительное Евангелие Иоанна Ксифилина, составленное в XI столетии, имевшее в византийский период большую известность, известное у нас больше под именем Учительного Евангелия Никифора Каллиста или Филофея, и неоднократно переводимое на русский язык, а из русских произведений Учительное Евангелие Кирилла Транквиллиона в истории проповеднической литературы является замечательным памятником поучений на дневные евангельские чтения.

Вторым источником материй для проповедника в идее церковного года служит апостольское чтение. Апостольское дневное чтение или зачало не так резко выставляет и оттеняет идею того или другого церковного дня, как евангельское чтение. Апостольские послания, разъясняющие учение Христово, заключающееся в Евангелии, написаны в форме догматико-теоретических и нравственных наставлений, и в них для простого ума неуловима сразу главная мысль, или она представлена в ряде суждений, связь которых не имеет наглядной очевидности для неискушенной мысли. Это служит причиной того, что проповедники уклоняются от изъяснения апостольских чтений или от выбора из них текста и темы для своей беседы, находя это, не без основания, более затруднительным, чем изложение учения, заключающегося в Евангелии. Но, с одной стороны, богатство содержания в апостольских чтениях и их значение для уяснения нашей веры, с другой меньшая вразумительность его для простых умов налагают на проповедника обязанность не упускать из внимания этого источника, и по мере надобности прибегать к нему для назидания народа. Прекрасным источником и руководством, при изъяснении апостольских чтений, могут быть творения святого Иоанна Златоуста, который в своих беседах изъяснял Деяния Апостольские и все послания святого апостола Павла.

Третий источник для проповедей по кругу церковного года – исторические события, воспоминаемые церковью. К такому источнику естественно обращаться проповеднику в дни праздников, учрежденных церковью в воспоминание тех или других событий из жизни Господа Иисуса Христа, и из жизни пресвятой Богоматери. За исключением праздников в честь Богоматери, почти, все воспоминаемые церковью события рассказаны в евангельских праздничных чтениях. В богородичные праздники, кроме праздника Благовещения, евангельские чтения не имеют непосредственного отношения к воспоминаемым событиям. Потому в богородичные праздники евангельские чтения не дают прямой темы, соответственной духу и характеру праздника, и если берется иногда из них исходная точка, то проповедь выходит общей, не имеющей определенного цвета, не приспособленной к церковному дню. Прямой предмет проповедей в богородичные праздники – события из жизни Богоматери, разъясняемые в применении к нравственным потребностям слушателей, или воспоминания о благодеяниях, оказываемых роду человеческому пресвятой Богоматерью. По-видимому, составление хорошей проповеди на какой-либо праздник дело легкое. Ясно, какие события прославляются в тот или другой праздник, каков дух праздника, и какие чувства и настроения нужно возбуждать и поддерживать в такие дни. Но далеко не всегда удается выражение всего этого в проповедях, и весьма часто праздничные проповеди являются бесцветными, малооригинальными: большей частью в них слышится повторение сказанного другими, и мало заметно личного элемента проповедника, который бы свидетельствовал, что из уст его выходит слово, вынесенное из глубины его духа. Не всегда легко найти потребное количество частных представлений для развития главного положения, подсказываемого духом и характером праздника, и дать целому своеобразную и оригинальную одежду. По суждению талантливых проповедников, много потрудившихся в служении церковного слова, особенно трудно составлять хорошие проповеди на праздники Божией Матери. Мало конкретных исторических черт из её жизни записано в книге Откровения, и

проповеднику угрожает опасность пуститься в область произвольных или апокрифических построений. Массильон, после нескольких неудачных опытов, отчаивался в возможности написать похвальную речь в собственном смысле в честь пресвятой Девы. „Работа этого рода (писал он в последние годы своей жизни одному священнику оратории) легка только для проповедников без таланта, от которых никто не ожидает чего-либо особенного, которые всем довольны, ни о чем, выходящем из круга их зрения, не имеют ни малейшего представления, и воображают себе, что они составили похвальную речь, если привели некоторое число исторических черт, без всякого значения, и разбавили их множеством ничего не говорящих общих мест“⁶⁰.

Амфитеатров главными предметами поучений на великие праздники ставит 1) *учение историческое*; так как всякий праздник есть живое представление того или другого происшествия из жизни Искупителя..., 2) *учение догматическое*: всякий праздник в основании своем содержит и в службе отражает такой или другой догмат церковный. Проповедник не должен обходить этого догмата, а обязан изъяснять его, 3) *учение нравственное*: оно есть следствие догмата, а потому проповедник, изъяснив догмат, должен открывать практические стороны его“⁶¹.

Четвертый источник материй для поучений по кругу церковного года – памяти святых, прославляемых церковью. К каждому дню церковного года приурочена память того или другого святого, а часто и нескольких святых. Каждому святому есть особая служба, содержащаяся в месячной минее, и память каждого святого изложена в житии, которое может быть предлагаемо вместо поучения. Эти жития содержатся в прологе и так называемых четьих-минеех. Народ наш любит сказания о святых и их подвигах; для него книга эта наиболее понятная и впечатлительная; в ней дается ему наглядное разъяснение в примерах того пути, который ведет человека ко спасению или царствию небесному. И в прежние, древние времена народ собирался в церковь „еже утешиться и на ревность подвизаться пропитанием житий святых и ради похвалы их подвигов“. И

нынешним христианам, в особенности из простого народа, книга житий святых дает и утешение и возбуждение к подвигам благочестия и богоугодной жизни. Между святыми, чествуемыми церковью, есть имена, память которых окружена особенной славой, и к которым верующие относятся с особенным почитанием и благоговением. Таковы имена апостолов Петра и Павла, Иоанна Богослова, Андрея Первозванного, святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Николая Мирликийского чудотворца, и многих, местно чтимых в той или другой области. Дни, когда церковь празднует память особенно чтимых святых, отличаются от простых будничных дней и переходят в разряд праздников, и в такие дни народ в большем числе приходит в храм Божий. Во внимание к этому, проповеднику естественно предложить слово назидания народу, взяв в основание его материю из сказаний о святом. Можно в этом случае восстановить в памяти народа жизнь святого, ознаменованную подвигами веры и благочестия, и говорить похвальную речь. По Амфитеатрову, можно и даже должно по временам прочитывать повествования народу так, как они есть, и изложены в повествовательных книгах, не изменяя в существенном самого языка повествований, который драгоценен для нас, обладая силой, богатством, звучностью и плавностью древнего церковного языка, но можно и обновлять язык их, где нужно, или употреблять свой рассказ, довольствуясь иногда одним этим рассказом вместо целого слова!⁶² Но еще лучше с рассказом о святых и похвалою их подвигам соединять увещание и наставление народу. В жизни того или другого святого всегда есть несколько черт или фактов, которые могут быть выставлены, как образцы для подражания. Проповеднику можно воспользоваться этими чертами или фактами, чтобы побудить своих слушателей жить и действовать так, как жили и действовали чествуемые святые, благоугождая Богу. По совету Феофана Прокоповича, „в праздники святых то наипаче из истории жития их избирати, и в похвалу произносить, из чего мощно учить народ подражанию их вере, терпению, милосердию, смиренномудрию, правильному умерщвлению плоти, богомыслию и молитве, страху Божию, любви к Богу и

ближнему, и прочая“⁶³. Мы можем присоединить к этому совету Прокоповича, что лучшие иностранные римско-католические гомилеты (Жибер и Юнгманн), хотя не изгоняют панегирика, прославляющего память святых с церковной кафедры, но дают решительное предпочтение перед простым панегириком проповеди увещательной, пользующейся памятью о святом для назидания народа. По словам Жибера⁶⁴, целью церковного панегирика не должно быть одно хвалебное изображение заслуг и добродетелей святого. В церковной проповеди это только средство, а целью должно быть нравственное воздействие на слушателей, в видах их исправления или улучшения их жизни. Вез этого панегирик обращается в тщетную и бесцельную декламацию. Все похвалы, какие сплетает проповедник в честь того или другого святого, должны быть направлены к тому, чтобы побудить слушателей больше подражать славимому святому, чем удивляться ему. Юнгманн, высказывая подобное суждение, в подтверждение его ссылается на свидетельство и пример знаменитых французских проповедников, – Бурдалу и Боссюэта. Бурдалу в проповеди на святого апостола Павла высказывает, какой методы он держится, когда говорить в честь святого. „Не смотрите на настоящую мою проповедь, как на простую похвальную речь, которая бы единственной целью имела дать вам высокое понятие о святом Павле, я уже сказал: я буду говорить вам проповедь; я буду давать руководство для жизни и выставлю перед вашими глазами пример или образец, на который ныне нам Бог указывает, дабы вы сделали из него применение к себе“. Боссюэт равным образом говорит в одной проповеди (на Франциска Ассизского). „Чтобы вы более пользы извлекли отсюда, мы светским ораторам предоставляем блеск и пышность панегирического стиля... Мы хотим питать ваши души истинами, имеющими высокое достоинство и всем понятными“⁶⁵.

Трудно, впрочем, начертать конспект, какого должно держаться проповеднику, следующему в служении слова руководству церковного года. Практическая гомилетика, ставящая своей задачей указание тем и планов проповедей на каждый день года, по руководству главным образом

евангельского и апостольского чтения, какова гомилетика протоиерея Толмачева, в свое время увенчанная половиной Макариевской премией, и недавно вторично изданная редакцией Странника, сколько может помогать проповеднику, облегчая его работу, столько, с другой стороны, может и отвлекать его от избрания и предложения наиболее потребного урока для того или другого из слушателей, при известных обстоятельствах. Она может ослаблять его самостоятельность, если он в ней будет искать указания того, о чем и что ему нужно говорить. Слово проповедника должно быть словом живым, возникающим из глубины его духа и религиозного сознания, а не даваться ему извне. Пусть он выносит на кафедру для слушателей то, чем сам проникнут; а без этого его слово будет сухо, вяло и отвлеченно.

Как ни богато содержание церковного года, нельзя ограничиваться проповеднику одним этим источником, при совершении порученного ему служения и передаче народу учения веры и доброй нравственной жизни. Христа проповедовать и христианское учение разъяснять можно и иначе, не прибегая непременно к указанному нами обильному источнику проповеднических материй, заключающихся в идее церковного года. По временным и местным обстоятельствам даже нужно бывает, помимо материй, указываемых церковным днем, прибегать к другим источникам.

Против исключительной привязанности проповедников к идее церковного года говорит, во-первых, практика древней церкви. Отцы древней церкви, в своих беседах, изо дня в день, проходили толкованием целые книги священного Писания, иногда прерывая это рядовое толкование в некоторые нарочитые праздники, а иногда и в эти нарочитые дни предлагая изъяснение следующего по ряду места раз начатой толкованием книги. Ориген в великую пятницу говорил беседу, посвященную изъяснению шестой главы книги пророка Исаии, не имеющей никакого отношения к воспоминаемому в тот день событию, – говорил при большом стечении народа, и никто не находил в этом ничего, отступающего от установленного порядка вещей.

Далее, от материй, предлагаемых идеей церковного года, могут отвлекать проповедника временные обстоятельства, требующие от него особого слова назидания, каковы случайные бедствия, постигающие народ или общество, какие-либо резкие проявления страстей или острые нравственные болезни, опасные лжеучения, распространяемые в народе и соблазняющие легковверных и т. под. В виду подобных обстоятельств проповедник не только может, но иногда прямо и настоятельно вызывается говорить не то, что указывается ему идеей церковного дня, а то, чего требуют запросы времени и нужды общества, мимо которых нельзя проходить спокойно и равнодушно. В века еретических волнений святые отцы считали своей обязанностью посвящать свое слово защите православного понимания догмата, подвергавшегося искажению и лжетолкованию у еретиков, и опровержению их лжеучений, и это делали в дни праздников, когда видели перед собой большое собрание народа. Увлекаемые ревностью по правой вере, они считали своим неперенным долгом выступать стражами её, и в защиту её с церковной кафедры возвышали свой голос, разъяснение спорных вопросов считая первым предметом своей проповеди. Равным образом какие-либо нравственные безобразия, замеченные в обществе и возмущившие дух их, вызывали у них строгое обличение и наставление, и они обращались с ним к своим слушателям и в такие дни, которые располагали их, по своему церковному характеру, к беседам другого рода. Св. Иоанн Златоуст и в дни святой Пасхи находил себя вынужденным иногда возвышать слово против пьянства и соединенных с ним бесчинств. Св. Григорий Нисский в воскресный день говорил слово *против немогущих сносить никаких упреков*, по поводу беспорядков, случившихся в церкви в субботу. К таким же словам, вызванным временными обстоятельствами, относится слово св. Григория Богослова, сказанное в присутствии отца, который безмолствовал от скорби, после того, как град опустошил поля, и другое слово, сказанное встревоженным жителям Назианза и прогневанному градоначальнику, и многие другие.

Против исключительной привязанности в проповедях, при выборе материй, к идее церковного года можно выставить еще то обстоятельство, что церковный год, в своих дневных службах, назидателен сам по себе, и без проповеди. Это назидание дают те песнопения, молитвы и чтения, какие церковь предлагает в тот или другой день. Хорошо, если проповедник, для большего внедрения в умах и сердцах своих слушателей назидания, предлагаемого идеей церковного дня, сосредоточивает на нем свое и их внимание и подробно разъясняет его, или останавливается на каком-либо выдающемся пункте, в ней заключающемся, и имеющим особенно близкое приложение к окружающей его среде. Но если он, по своим соображениям, по вызову обстоятельств, или в виду насущных потребностей своих слушателей, предложит учение, не вытекающее из идеи церковного дня, и не имеющего к ней близкого отношения, он тем не сделает ничего, противного намерению церкви. Церковный день, своими воспоминаниями, службами и чтениями, дает одно назидание, а проповедь может прибавлять к нему другое.

III. Катехизическое поучение

Третий источник, из которого проповедник может брать исходную точку для своих поучений, и третий ряд предметов, которые он может и должен раскрывать народу, – принятые церковью сокращенные изложения веры, нравоучения и молитвы. Эти предметы составляют содержание катехизиса, и в нем обыкновенно подвергаются разъяснению, и тот вид церковных поучений, в которых разъясняются эти предметы, известен под именем катехизических поучений. В них излагаются и преподаются элементарные уроки веры и жизни христианской, сообщающие христианину самое необходимое для него учение.

Все существенное, относящееся к вере христианской, заключено и выражено словами Писания в символе веры, составленном отцами первого и второго вселенского собора, и никео-цареградский символ или его изъяснение – первый и главный предмет катехизических научений.

Нравоучение, обнимающее совокупность обязанностей, какие христиане должны выполнять, изложено в десятословии, данном людям от Бога через Моисея. Это второй предмет катехизических поучений. Данное в ветхом завете, это, сокращенное по букве, но полное по содержанию, нравоучение подверглось разъяснению в нагорной проповеди Спасителя, которая дает нам более духовное и более широкое понимание заповедей десятословия. Эта нагорная проповедь поэтому не должна быть упускаема из внимания, при изъяснении нравоучения, заключающегося в десятословии.

Далее в катехизических поучениях должно разъясняться учение о молитве; с которой мы обращаемся к Богу, Подателю всех благ и нашему Спасителю. Первое, что здесь представляется вниманию проповедника, – это молитва Господня, которую Господь Иисус Христос дал апостолам, когда они просили Его научить их молиться (Лк.11:1–4), и разъяснение которой составляет особый отдел катехизиса. Но разъяснением одной молитвы Господней проповедник не может

ограничиваться, при сообщении учения о молитве. С этим вместе должно соединяться разъяснение других общеупотребительных молитв и объяснение чина богослужения, в особенности состава и значения важнейшей из служб церковных, – божественной литургии.

Дополнением к этим трем предметам катехизического учения должна служить священная история. Катехизическое поучение, сообщаящее священные исторические сведения, минуя подробности и частности, должно останавливаться на важнейших событиях, отмеченных в истории домостроительства нашего спасения, и на более выдающихся лицах, память о которых записана в священной истории, каков наш общий праотец Адам, созданный по образу Божию, Авраам, отец всех верующих, и великий законодатель Моисей. А главным образом предметом внимания катехизита-проповедника, в священной истории, должно быть божественное лицо Господа Иисуса Христа, Сына Божия, воплотившегося от Девы Марии, – его жизнь, страдания, смерть и воскресение, что составляет средоточный пункт в истории домостроительства нашего спасения. Большее или меньшее расширение этого предмета может быть допускаемо проповедником, по его усмотрению, и по мере восприимчивости слушателей, если то позволяет время, находящееся в его распоряжении.

Круг указанных нами предметов составляет, можно сказать, азбуку или элементарную книгу, заключающую в себе первоначальные существенные пункты христианского учения. Знание и разумение этих предметов необходимо для каждого, вступившего в церковь Христову, и носящего имя христианина. Передача этого элементарного религиозного знания входит в прямую обязанность пастыря, учителя вверенного его руководительству народа христианского. Большинство нынешних христиан представляют из себя младенцев по вере, которые требуют молока, а не твердой пищи: для таких сообщение элементарных катехизических уроков полезнее и необходимее изъяснения библии или раскрытия высоких истин, не входящих в круг элементарного знания и требующих для своего усвоения большей или меньшей зрелости духовной. В

священном Писании заключена полнота спасительных истин, но эту полноту нельзя сразу обнять и передать, и человеку мало развитому трудно усвоить ее, тем более, что она выражена в Писании не в строгой системе. Обилие и разнообразие предметов, о которых говорит Писание, так же поражает мысль человека, стремящегося к постижению их, как поражают взор наблюдателя обилие и разнообразие цветов на необозримом поле. И вот церковь извлекла из Писания главные пункты веры, и представила их в кратком и связном виде, и в этом виде передает их новоприходящим членам своим с тем, чтобы они легче усвоили себе то, что необходимо знать им для своего спасения и для оправдания носимого ими звания христиан.

Для уяснения содержания катехизических поучений, и объема катехизического учения мы считаем не излишней историческую справку. Она может служить для нас указанием того, на что, по воле церкви, следует обращать внимание, при введении христиан в разумение веры.

В древней церкви элементарное катехизическое учение, обнимающее существенные пункты христианской веры, сообщалось христианам прежде принятия их в чисто полноправных членов церкви через крещение. Христиане, еще не принявшие крещения, назывались оглашенными, и оглашение состояло в ознакомлении их с главными пунктами веры. Оглашенных было несколько классов, и иные из них, очень долго пребывали в состоянии оглашенных, откладывая крещение на последние годы, одни по небрежности, а другие в надежде на то, что воды крещения омоют все грехи, наделанные ими до крещения. Церковь неблагоприятно смотрела на такое замедление в принятии крещения оглашенными, и св. Григорий Нисский говорил особое слово против откладывающих крещение. Церковь ежегодно, и не раз, обращалась к оглашенным с приглашением их готовиться к принятию крещения. Крещение большей частью преуточивалось к празднику Пасхи, и задолго до Пасхи, именно со дня Богоявления, возвещалось оглашенным, чтобы желающие из них принять крещение перед праздником Пасхи объявляли об этом, и имена таковых вносились в особую запись⁶⁶. Эта запись

продолжалась до второй недели великого поста, и после этого должна была прекращаться, как свидетельствует об этом 45 правило Лаодикийского собора, по которому *„по двух седмицах четыредесятницы не должно принимати к крещению“*. По этому правилу, кто до начала четыредесятницы или по крайней мере в течение первых двух недель её не изъявлял решительного желания принять крещение перед праздником Пасхи, тем уже не дозволялось готовиться к крещению в сию четыредесятницу, и приготовление их к принятию таинств откладывалось на дальнейшее время, до заявления ими большего усердия к восприятию залога веры.

Оглашенные, внесенные в список лиц, желающих принять крещение в ближайший светлый праздник Пасхи, составляли особый класс, включенные в который назывались просвещаемые (φωτισμένοι, – иже ко просвещению). Просвещаемым вменялось в неперемнную обязанность изучать веру, и в знании её они до крещения должны были давать отчеты перед церковью или её представителями. 78-е правило 6-го вселенского собора, а равно и 46 правило Лаодикийского собора говорят: *„готовящимся ко крещению надлежит обучатися вере, и в пятый день седмицы давати ответы епископу или пресвитерам“*. След этого в нашей богослужебной практике остался в эктении *„о иже ко просвещению“*, которая возглашается на литургии преждеосвященных даров, во второй половине великого поста, вслед за эктенией об оглашенных.

Первое, что обычаем или установившейся практикой и правилами соборными требовалось от просвещаемых, готовящихся ко крещению в предстоящий праздник, – изучение символа веры, а потом молитвы Господней. Это изучение символа веры и молитвы Господней наизусть производилось не по книге или тетради, а посредством устной передачи символа и молитвы Господней живым словом. Передатчиками символа и молитвы Господней, по поручению церкви, были большей частью для мужчин диаконы⁶⁷, а для женщин диакониссы. Помогая готовящимся ко крещению изучить наизусть символ веры и молитву Господню, они несколько раз должны были повторять их перед ними, и это делали до тех пор, пока те не

усвоят его вполне и не запечатлеют в своем сердце. „Воспринимите, чада (говорит блаженный Августин в речи к оглашенным, сказанной им перед началом обучения их вере, согласно правилам церковным)⁶⁸, правило веры, которое называется символом, и когда воспримете его, напишите в сердце, и каждый день говорите у себя... Символа никто не пишет, чтобы можно было читать, но для сохранения его, чтобы как-нибудь забвение не изгладило, что предало прилежание, пусть для вас кодексом будет ваша память. Что услышите, тому веруйте, а во что уверуете, то передайте еще языком. Этот символ вы будете изучать, а потом будете сдавать его“. И далее блаженный Августин, еще не переходя к изложению содержания символа, делает общую характеристику его. „Самые слова, какие вы услышите, почерпнуты из священного Писания; отсюда они собраны и соединены в едино, чтобы не затруднять памяти людей, не обладающих быстрой способностью восприятия, чтобы всякий человек мог удержать или высказать то, чему верить“.

Перед вручением символа веры, т. е., перед началом изучения его со слов диакона или диакониссы, говорились предстоятелем церкви более или менее краткие речи, в которых передавалось содержание символа, и разъяснялся смысл, в нем заключающийся, как нам показывает речь блаженного Августина к оглашенным, начало которой приведено нами выше.

По изучении символа готовящиеся ко крещению должны были сдавать его, то есть публично произносить его, в виду верующего народа, перед епископом или пресвитерами. Для этого назначался пятый день шестой седмицы великого поста, когда оглашенные, стоя на возвышенном месте, каждый отдельно, произносили символ перед церковью. Но этот день не был единственным днем, в который оглашенные, могли и должны были сдавать (*tradere*) символ, то есть, произносить его наизусть перед всею церковью во свидетельство того, что они хорошо изучили его и усвоили себе то, во что должны веровать. Кто не успел изучить его, или при сдаче символа обнаружил недостаточное знание его, те могли сдавать символ и в вербное

воскресение, и в дни страстной седмицы, и даже в великую субботу, перед самым совершением крещения. При сдаче символа или при произнесении его, в виду верующих, оглашенными, изучившими его, тоже говорились речи предстоятелями церкви, как и при первоначальном вручении. Между творениями блаж. Августина помещены четыре речи о символе, сказанные оглашенным, из которых, впрочем, три считаются сомнительными, но они служат к уяснению порядка, какой соблюдался в церкви, при приготовлении оглашенных к крещению. Первая речь, считающаяся подлинной, сказана перед началом изучения символа, а другие при сдаче его, то есть, когда оглашенные, изучившие символ, являлись в церковь, чтобы произнести перед нею усвоенный ими символ, и тем засвидетельствовать, что они хорошо знают то, во что нужно веровать приходящему к Богу, т. е., вступающему в число членов церкви. И вот при этом давалось им наставление, которое, поясняя те или другие пункты веры, должно было утвердить их в знании учения христианского. Так, одна речь о символе к оглашенным, помещенная между творениями блаж. Августина, и содержащая краткое изъяснение символа, начинается такими словами: „знайте, что таинство символа, которое вы восприняли и должны держать в памяти для своего спасения, – есть основание веры кафолической, над которым воздвигнуто здание церкви, построенное руками апостолов и пророков“⁶⁹. От Петра Хрисолога, епископа равенского V века, дошло до нас семь проповедей о символе, и они сказаны были оглашенным, когда те сдавали символ или произносили его перед церковью. Небольшие по объему, они не входят в подробное объяснение символа, а сопровождают произнесение его ищущими крещения краткими наставлениями, поясняющими веру, преданную оглашенным. Семь проповедей Петра Хрисолога не составляют связного ряда поучений, последовательно разъясняющих члены символа веры; а каждая из них имеет самостоятельное значение. В одной проповеди говорится о вере сердечной, а в других кратко передается и разъясняется содержание всего символа веры. Они сказаны разным партиям оглашенных, по произнесении ими символа

веры; в этих партиях были некоторые и из придворных и высоких гражданских сановников. Хрисолог, выслушав от них символ веры, считал нужным преподать им наставление, для утверждения их в вере, ими усвоенной. Это краткое наставление служило печатаю, скрепляющей залог веры, врученный готовящимся к крещению.

После символа веры готовящиеся ко крещению со слов диакона или диакониссы изучали молитву Господню, и по изучении её сдавали ее, то есть, произносили наизусть перед церковью, в присутствии епископа или пресвитеров. Сдача молитвы Господней происходила после публичного засвидетельствования о знании символа веры, частью перед самым крещением. Когда просвещаемые в слух церкви произносили изученную ими молитву Господню, – предстоятель церкви после прочтения её, так же, как по сдаче символа веры, нередко говорил им поучение, служащее к уяснению значения и содержания молитвы Господней, и к большему утверждению её смысла в уме и памяти просвещаемых. От Петра Хрисолога дошло шесть таких поучений о молитве Господней, сказанных в разное время и перед разными классами слушателей.

Но одним изучением символа веры и молитвы Господней и кратким поучением перед началом изучения или (что было чаще) по изучении, при произнесении изученных символа и молитвы Господней перед лицом церкви, дело приготовления просвещаемых к крещению не ограничивалось. В период приготовления оглашенных к крещению, падающий большей частью на дни святой четырёхдесятницы, говорились им особые огласительные поучения, в которых, по поручению епископа, пресвитер, а иногда даже низший член клира, подробно объяснял им все существенное, относящееся к вере христианской.

Из древней церкви до нас дошел один памятник такого подробного огласительного учения в огласительных и тайноводственных поучениях св. Кирилла иерусалимского. Огласительные и тайноводственные поучения этого святого отца представляют нам главные данные, по которым мы можем судить о характере и объеме катехизического учения в древние

времена. Мы, впрочем, не можем думать, чтобы в этом отношении было в разных местных церквях полное однообразие, и везде дело велось так, как это учение вел и предлагал святой Кирилл иерусалимский.

Оглашения св. Кирилла иерусалимского начинаются увещанием к нравственному обновлению, и в первых пяти поучениях раскрывают предметы общего нравственно-религиозного характера, а потом с шестого поучения они изъясняют догматы веры, следуя порядку членов символа веры. Разъяснение догматического христианского учения, по руководству символа веры, составляет главную и существенную часть оглашений святого Кирилла иерусалимского. Разъясняя и доказывая положения, выраженные в символе веры, местами священного Писания, святой отец выступает с опровержениями тех лжеучений, какие в то время существовали и могли смущать верующих.

Но раскрытие и разъяснение догматического учения, заключенного в символе веры, составляя ядро катехизических наставлений, не обнимало всей полноты учения, знание которого требовалось от вступающих в церковь, и которое сообщалось им до крещения, а дополнялось другими сведениями из области религиозных истин.

Первым дополнением к догматическому учению в оглашениях было нравоучение. У св. Кирилла иерусалимского нет такого подробного раскрытия нравоучения, какое он дает догматам веры. Но после общего увещания о нравственном обновлении в первых поучениях, он в 18-м последнем огласительном поучении обещает оглашенным, что он в заключении будет учить их о том, как они должны жить достойно полученной благодати⁷⁰. До нас не дошли эти обещанные поучения; но можно думать, что он не оставил своего обещания без исполнения, и не без основания считают потерянными поучения его, раскрывающие закон нравственной жизни, достойной христианина. Нужно полагать даже, что оглашение во многих местах начиналось с нравоучения, как предмета более доступного для понимания простых людей, и вместе с тем так существенно важного для указания истинного пути, ведущего к

богоугодной жизни, какую должны отличаться все последователи Христовы. Основанием нравоучения было десятословие, закон, данный Богом через Моисея, в котором кратко выражены все требования или заповеди, исполнение которых необходимо для всякого, желающего угодить Богу. Это сокращение нравоучения (*verbum consummans et brevians*) выучивалось наизусть, и разъяснялось подобно тому, как разъяснялся символ веры.

Далее, в состав огласительного учения входила священная история. Исторические повествования более удобоприемлемы для простого ума, чем теоретическое учение, и блаженный Августин в книге об оглашении простых людей (*De catechizandis rudibus*) рекомендует историческим путем вести оглашенных к у разумению тайн домостроительства нашего спасения и к водворению в них любви от чистого сердца, доброй совести и нелицемерной веры. По его совету, к рассказу должно быть присоединяемо основание и изъяснение, то есть, теоретическое учение, – как золото, служащее к оправе бриллианта⁷¹.

По совету блаженного Августина, история должна быть началом катехизации, и он рекомендует излагать оглашенным историю полную, начиная ее с первых слов книги Бытия, – с истории творения и вести ее до настоящих времен церкви, но излагать ее так, чтобы причины и значение отдельных событий и деяний направлялись к показанию любви Божией к нам и к возбуждению в нас любви к Богу⁷².

Рекомендуя излагать оглашенным полную священную историю, от начала её до последних времен, блаж. Августин делает ограничение этой полноты. Не то это значит (говорит он после указания потребности для оглашенных изложения полной истории), что мы должны буквально прочитывать все Пятокнижие, и все книги Судей и Царств и Ездры, и все Евангелие и Деяния Апостольские, или своими словами рассказывать и изъяснять все, что содержится в этих книгах; для этого не станет времени, да это и не требуется. Но все нужно передавать в кратких и общих чертах (*summatim generatimque*), избирая более удивительное, что с большим удовольствием (*svavius*) выслушивается.. И то, что мы хотим

наиболее рекомендовать, должно быть наиболее выпукло представляемо нами, и тогда без утомления воспринимают то, что мы хотим возбудить повествованием, и не отягощается память того, кого мы хотим наставить учением“⁷³.

Ветхозаветные писания, по указанию блаж. Августина, должны быть раскрываемы оглашенным; но при изложении и изъяснении их все должно быть направлено к одному главному пункту. Этот главный пункт – пришествие Христово, и дело искупления, совершенное воплотившимся Сыном Божиим. Все, написанное в священном Писании прежде пришествия Христова, указывает на это великое и чрезвычайное событие и предызображает будущие судьбы церкви. Все ветхозаветные святые верили в пришествие Христа-Избавителя, и этой верою спасались. Господь Иисус Христос прежде, чем явился во плоти, был посредником между Богом и людьми, *сый над всеми Бог, благословен во веки (Рим.9:5)*. В святых патриархах и пророках, которые предупредили Его по времени рождения, Он предпослал как некую часть своего тела, будучи сам главою тела церкви (*Кол.1:18*), и все они верою в Того, кого предвозвещали, соединены с тем телом, которого Он глава⁷⁴.

Оглашение не заканчивалось с принятием крещения. В дни пасхальной недели новокрещенные ходили в церковь, и их вводили в разумение чина богослужения и важнейших таинств, как показывают тайноводственные поучения св. Кирилла иерусалимского. В пяти тайноводственных поучениях св. Кирилл раскрывает новопросвещенным смысл и значение важнейших таинств церковных, – крещения, миропомазания и евхаристии, и тех обрядов, с какими соединено было преподавание или совершение этих таинств. Пример святого Кирилла иерусалимского дает основание заключать, что и другие катехиты входили в объяснение тех предметов, какие раскрыты в его тайноводственных поучениях. Можно думать, что в беседах с оглашенными усерднейшие из катехитов не только объясняли значение и чины важнейших таинств, о каких говорил святой Кирилл, но касались других соприкосновенных предметов богослужебного характера.

Итак историческая справка указывает такой круг предметов, знание которых необходимо для каждого, вступающего в церковь или живущего в ней: 1) учение догматическое, содержащееся в символе веры, 2) учение деятельное, основывающееся на десятословии, 3) молитва Господня, 4) чин богослужения и обряды таинств и 5) священная история в её главных лицах и событиях. По сообщении этой элементарной азбуки христианской оглашенным до крещения, или в самые первые дни по крещении, древние проповедники уже освобождали себя от повторения того, знание чего сообщено было их слушателям при первоначальном принятии их в число верующих. Предполагая знание элементарных истин христианских известным каждому из верных, они в своих проповедях вели их к уразумению более глубоких истин веры, и вот мы видим, что они в своих поучениях, говоримых с церковной кафедры, или разъясняют книги священного Писания, по порядку стихов текста, извлекая из них уроки и наставления, укрепляющие их в вере, расширяющие их религиозное сознание и возбуждающие их к добродетельной жизни, или в виду лжеучений представляли основательный разбор высоких истин веры, подвергавшихся лжетолкованиям, или восхваляли добродетели и подвиги достойнейших деятелей церкви, для возбуждения подражания им в своих слушателях и т. под.

Ныне, за весьма редкими исключениями, нет между нами оглашенных. В наше время крещение обыкновенно совершается над младенцами, еще до раскрытия их сознания, и поручителями за них, за их веру являются восприемники. Потому нужно ли ныне такое огласительное учение, какое преподаваемо было в древности, когда к крещению приступали люди взрослые?

Ответ на этот вопрос может быть только положительный. Наши восприемники, дающие перед церковью поручительство за веру воспринимаемых ими от купели крещения, обыкновенно, после совершения крещения, и не думают о лежащей на них важной обязанности воспитать в духе веры своих духовных детей, – часто не обращают никакого внимания на них и не

следят за тем, сообщает ли им кто-либо нужное для познания веры, преподававшееся в древности оглашенным. – Семья и школа должны выполнять эту обязанность, и к ним справедливо обращаться с требованиями о том, чтобы они живых членов церкви, воспринятых в состав её еще до раскрытия сознания, заботливо вводили в разумение тех истин, без знания которых нельзя достойно носить имя христианина. Но кто станет оспаривать, что наши семьи в большинстве мало способны дать детям достаточное разумение закона веры и благочестия, состоя из людей большей частью темных, как они сами себя называют? В них, при добром направлении, научаются дети молиться Богу и произносить краткие молитвы, а что касается более существенного в вере, то не дается им или дается очень мало.

На школу больше можно возлагать надежд в этом отношении, и ныне, при заботливости нашего церковного и светского правительства, а также и общества, увеличивается число школ церковно-приходских, правительственных, городских и земских. При постоянно возрастающем количестве школ добрая половина детей имеет возможность получать школьное образование. В народной школе сообщаются и разъясняются начатки христианского учения, входящие в состав огласительного учения, и вышедшие из школы уже не являются невеждами в религиозном отношении, не имеющими ясного представления о главных истинах веры нашей. В народной школе главным предметом стоит закон Божий, и в разумение его вводит членов подрастающего поколения большей частью пастырь церкви, который здесь выполняет то, что лежит на обязанности катехизатора. Но и при этом катехизация для взрослого поколения в настоящее время является не только не излишней, а часто и необходимой. Как ни увеличивается у нас число народных школ, но далеко не все подрастающее поколение имеет возможность получать образование в школе. Многим из детей не удастся попасть в школу, или по отдаленности её от их местожительства, или по недостатку помещений в школе для всех, желающих поступить в нее. А родители других не заботятся о том, чтобы дети их учились в

школе, а с малых лет заставляют их выполнять такие или другие работы, необходимые в домашнем обиходе. И при нынешнем большом количестве школ все-таки остается много неграмотных, не бывших в школе, чуть ли даже не половина деревенского населения. Далее, и для вышедших из школы далеко не излишне катехизическое учение. У многих из них тускнеют и забываются те понятия, какие им сообщали в школе, и если в числе вышедших из школы являются нередко люди, потерявшие знание грамоты, то тем более может утратиться у иных учение о вере, им сообщенное, – учение более летучее и менее корней пускающее в душе, чем знание простой грамоты. У нас высказываются желания или мечтания о том, чтобы школьное учение сделать общеобязательным, так чтобы в народе не осталось ни одного человека неграмотного. Конечно, желание доброе; но немало тяжелых, трудноодолимых, препятствий к выполнению этого желания, и едва ли в скором времени можно надеяться на практическое осуществление желания об общеобязательном обучении. Во всяком случае, при настоящих обстоятельствах, нельзя устранять из обязанностей пастыря церкви, духовного учителя своего народа, сообщение ему необходимого катехизического учения с церковной кафедры.

В истекшем девятнадцатом столетии на катехизицию обращено было внимание нашего церковного правительства большее, чем ныне; это было тогда особенно необходимо, при малом числе народных школ, в которых получала образование малая часть подрастающего поколения. В городах избирались особые священники – катехизаторы, которые обязаны были в последовательном порядке излагать катехизическое учение с церковной кафедры. В шестидесятых годах истекшего столетия Святейший Синод, в своей заботливости о религиозном просвещении народа учреждением трех значительных премий вызывал опытных проповедников представить для печати и для руководственного употребления другими образцы общепонятных поучений, в которых бы в последовательном порядке 1) изложено было православное учение догматическое и нравственное, 2) объяснено было обрядовое богослужение

нашей православной церкви и 3) изложена была краткая священная история ветхого и нового завета. Премии Святейшего Синода удостоено было (в половинном размере) „Собрание церковных поучений для простого народа“ священника Новодеревенской Благовещенской церкви (петербургской епархии) Константина Стратилатова, вышедшее в печати в 1872 году, и ныне, в 1903 году, изданное Тузовым третьим изданием.

Собрание церковных поучений Стратилатова состоит из двух частей. В первой части содержатся поучения (75) на символ веры, молитву Господню, блаженства евангельские и на десять заповедей Божиих, а во второй – поучения (60) об обрядовом богослужении православной церкви, с присовокуплением поучений на общеупотребительные христианские молитвы. О. Стратилатовым задача, указанная Св. Синодом для катехизатора, исполнена в двух главных частях. Осталась невыполненной только третья часть задачи, в которой предложено было изложить краткую священную историю ветхого и нового завета. Могут быть рекомендованы, как источник и руководство, для катехизических поучений „Почтения о православной вере“, предложенные по порядку пространного катехизиса православной церкви, Евсевия, архиепископа могилевского, вышедшие в трех книгах в 1863 году, отличающиеся подробностью и обстоятельностью изъяснения предметов, входящих в состав катехизического учения. Наибольшая часть поучений Евсевия посвящена изъяснению символа веры (62 поучения в первой книге, и 79 поучений во второй, а в третьей книге излагается учение о христианской надежде (25 поучений) и христианской любви (51 поучение); в отделе о христианской надежде помещены поучения о молитве и молитве Господней в частности, и о блаженствах евангельских; а в отделе о христианской любви, после общих поучений о любви к Богу и ближнему, разъясняются заповеди закона Божия, изложенные в десятословии. В свое время пользовались известностью и были довольно распространены *„Катехизические поучения“* киевского

протоиерея Иоанна Скворцова, имевшие два издания (1855) и его же „*Краткие поучения о божественной литургии*“ (1862 г.).

Могут возразить против систематического ведения катехизического учения с церковной кафедры, что для этого нет достаточно времени в распоряжении священника, и что от него при богослужении настоятельно требуется проповедь другого рода. Катехизическое учение млеко, нужное для начинающих христианскую жизнь, а здесь, при богослужебных собраниях, должна предлагаться более твердая пища. Нельзя не признать доли правды за этим возражением. Но весьма возможен и легкий выход из затруднительного положения. Если нет достаточно времени для сообщения катехизического учения при богослужении, то для этого могут быть избраны и назначены другие часы. Ныне во многих местах вводятся внебогослужебные беседы и чтения. Большей частью они бывают в воскресные дни после вечернего богослужения. Вот самое удобное время для катехизических поучений, и тогда можно вести их в связном последовательном порядке, и если дело катехизации будет поведено с усердием и умением, то может образоваться круг слушателей, которые, сознавая необходимость уяснения для себя существенных пунктов веры, неопустительно будут являться перед кафедрой катехизатора-учителя. Тем более это (т. е. сообщение катехизического учения в внебогослужебных беседах и чтениях) уместно и может быть желательно, что в древнее время катехизические поучения отличались от проповедей, говоримых при богослужении; для сообщения катехизического учения назначались особые, внебогослужебные часы, и для выслушания и восприятия его оглашенные собирались не в самых храмах, а в устроенных при них крещальнях. И обязанность катехизатора, долженствовавшего учить готовящихся ко крещению вере, нередко возлагалась на людей, принадлежавших к составу низших членов клира, которые, по своему положению в церкви, не имели права восходить на церковную кафедру в качестве проповедника.

IV. Проповедь на современные темы (публицистическая)

Кроме омилии, дающей изъяснение священного Писания, – слова, черпающего свое содержание из идеи церковного года, или из библейских зачал и исторических воспоминаний, приуроченных к известному дню года, и катехизических поучений, изъясняющих сокращенные изложения вероучения, нравоучения и молитвы, или элементарную азбуку христианскую, есть еще вид проповеди, имеющий исходной точкой, заросы современности, называемый ныне, хотя не точно, проповедью публицистической. Такая проповедь является и развивается если не рядом с указанными тремя видами церковных поучений, то параллельно им, и служит восполнением их. Между видами проповеди, – омилией, словом и катехизическим поучением, – при видимом различии исходных точек, в существе дела неразрывная родственная связь. Во всех них коренным источником и исходной точкой служит слово Божие, и вера церкви, на нем основывающаяся; так как в круге церковного года и в сокращенных основах катехизического учения содержится и представляется в известном порядке та же истина божественного Откровения, которая дана нам в книгах Священного Писания. Во всех них проповедники руководствуются указаниями, данными сверху, и из готовой, твердо определенной и неизменной, сокровищницы берут материал, излагая его для назидания народа. А в публицистической проповеди исходная точка берется снизу: проповедник обращает внимание на настроения, замечаемые в современной жизни, на недостатки, заблуждения и нравственные болезни, заражающие поколение, ему современное, и против них направляет свое учительное слово.

Законность и необходимость такой проповеди очевидна сама собою. Она служит восполнением проповеди, изъясняющей слово Божие и учение церкви, и оттуда берущей свою исходную точку, и часто настоятельно вызывается обстоятельствами времени. Если проповедник, при выборе

материи для своих поучений, следует только указанию текста Писания или идее церковного года, он может опустить из внимания жизненные явления, требующие от него освещения и исправления, и в его слове, при всем богатстве и разнообразии учений, черпаемых из божественного источника, может чувствоваться заметный пробел. Мало или не все исполняет проповедь, если она верно излагает божественную и церковную истину, данную для веры. Начала веры неизменны; но жизнь течет и видоизменяется: это – постоянно волнуемое море, где нет твердой устойчивости. Каждое время выдвигает на вид такие, а не другие вопросы, и в поколениях, сменяющих одно другое, заметны разные направления. Ныне одни запросы волнуют общество, а после они остаются в тени, и вместо них получают интерес другие. Равным образом не одинаково содержание и направление духовно-религиозной жизни в разных местностях. Вера, проповедуемая в церкви, всегда одна и та же, одна и та же и природа человеческая, над усовершенствованием которой трудится проповедник, и которую ведет ко спасению; но меняются средства, употребляемые врагами нашего спасения для обольщения детей Адама, меняются и соблазны, какими мир увлекает людей с пути спасения на путь погибельный. Этим создается и предначертывается проповеднику особый временный разряд материй, требующих от него разъяснения, так сказать, не в очередь. Правда, и проповедники, берущие исходную точку в неизменных источниках христианского учения, при раскрытии этого учения, не остаются безучастными к запросам времени: они более или менее направляют свое учительное слово к потребностям стоящих перед ними слушателей и должны ставить его таким образом. Но в этом случае отношение проповеди к современности случайное или посредственное: она, исходя из источника, указанного свыше, настолько касается современной жизни, насколько ведет к тому ассоциация представлений, вытекающих из темы общего характера. При этом могут остаться незатронутыми главные больные места современности, могут не найти отклика, ответа и исправления насущные, животрепещущие вопросы, волнующие и

соблазняющие современное поколение или круг людей известной местности. Бывают иногда, и довольно часто, такие обстоятельства, порождаемые текущим временем, – такие явления и в умственной и в нравственной сфере, которые настойчиво вызывают ревностного служителя церкви направлять слово вразумления или обличения уклоняющимся ли то от истины веры и соблазняющим своих собратий, или позволяющим себе грубые нарушения церковного порядка жизни. В виду вопиющих болезненных явлений в современном обществе проповедник и может и должен восставать против них, оставляя в стороне или откладывая другие предметы, входящие в круг обычных его наставлений, то есть, может и должен брать темы и вопросы для разъяснения, не держась того порядка, какой указывается ему идеей церковного года или преемственным рядом истин, почерпнутых из слова Божия и учения церкви, и совершенно независимо от них.

В особенности в больших городах, служащих центрами просвещения, чувствуется потребность проповеди, отвечающей на запросы современности. Здесь возникают и утверждаются настроения и направления мысли, часто несогласные с желаниями и указаниями церкви, а иногда прямо враждебные им. Защищаемые и распространяемые людьми, обладающими талантом, бойким словом и борзым пером, они приобретают сочувствие в обществе, и им подчиняются люди, близ них живущие и числящиеся членами церкви. И вот в церкви, или рядом с нею, образуется класс общества, теряющий праотеческую веру, и увлекающийся новыми модными учителями, не желающими знать церкви или не ценящими её слова. Не тайна ныне, что в значительной части образованного общества основами мировоззрения служат вовсе не христианские начала и церковные предания, а идеи, навеянные ложной философией, мудрствующей по стихиям мира, а не по Христу, и жизнь в нем строится не по уставам церкви, а часто в прямое нарушение их. И вот, в виду распространения ложных учений, противных истинной вере, которыми могут соблазняться нетвердые духом, готовые колебаться от всякого ветра учения, носящегося в воздухе, или в виду утверждения обычаев,

противных порядку, установленному и поддерживаемому церковью, проповедник сознанием своего долга и ревностью о духовном благе своих собратий вызывается говорить о том, чем болят окружающее его общество, и нести кому обличение, кому предостережение, кому исправление. Явления, в умственной ли то области, или нравственно-практической, возмущающие чистую христианскую совесть, укореняющиеся в жизни современного поколения, – то же, что сорные и вредные терния на поле, возделываемом земледельцем, заглушающие пшеницу и не дающие ей простора для произрастания. Земледелец при этом непременно обязанностью своей считает исторгать эти терния, предохраняя и освобождая от них возделываемую почву, для того, чтобы на ней чище и свободнее росло доброе семя. Так точно должен поступать и проповедник, этот духовный сеятель доброго семени. Как скоро он видит, что на духовной почве, на которую он сеет семя слова Божия, возрастают вредные плевелы, грозящие заглушить доброе семя, – это прямой долг спешить очищать возделываемую им почву от вредных плевел. Это имея в виду, апостол Павел, в лице Тимофея, заповедует всем проповедникам слова Божия: *согрешающих пред всеми обличай, да и прочии страх имут* (1Тим.5:20), и в другом месте усиливает это свое увещание, говоря: *проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением*, и чтобы показать необходимость настойчивой, благовременной и безвременной, обличительной проповеди, он прибавляет: *будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителя, чешем слухом, и от истины слух отвратят* (2Тим.4:2–3). Значит, когда обнаруживаются признаки появления такого времени, проповедник, согласно наставлению святого апостола, должен выступать во всеоружии против людей, уклоняющихся от здраваго учения и идущих во след учителей ложных.

Святые отцы, оставившие нам достойный пример в своей, проповеднической деятельности, обнаруживали особенную чуткость к запросам времени. Считая главной своей

обязанностью изъяснение слова Божия, они прерывали рядовое изъяснение его текста, когда обстоятельства выдвигали перед ним вопиющие нужды времени, и посвящали свое слово разъяснению вопросов, волновавших современное им поколение, с целью предостережения верующих от увлечения еретическим заблуждением, или в видах восстановления нарушенного порядка жизни. Так, когда Арий и его последователи взволновали христианский мир своим нечестивым учением, отцы церкви в своих проповедях выступали горячими ратоборцами против него: в праздники, при большом стечении народа в храме, они брали исходной точкой своих поучений те лжетолкования святых изречений Писания, какие распространяли ариане, и на опровержении их и разъяснении и утверждении истинного учения христианского, ими искажаемого, сосредоточивали свое внимание и внимание своих слушателей. Так было и после, когда возникали и распространялись другие ереси. Например, в век Нестория его последователи унижали богоматернее достоинство пресвятой Девы Марии, и в виду этой ереси все отцы того времени, от которых дошли до нас памятники проповедничества, считали своим долгом свое проповедное слово посвящать прославлению пресвятой Богоматери, и проповеди в честь Богоматери, вызванные современными им еретическими толками, составляют самую видную часть в гомилетической литературе, оставленной последующим векам отцами, жившими в период несторианских волнений. И не одни ереси и теоретические заблуждения вызывали обличительное и исправительное слово у проповедников, стоящих на страже охранения веры и благочестия, но и нравственно-практические беспорядки, грубые нарушения закона, охраняемого церковью, побуждали их, оставив на время проповедь чистого учения, хранимого в церкви и указываемого Писанием, выступать с напорчатым словом против беспорядков, возмущающих мир и строй церковной жизни. Св. Иоанн Златоуст и св. Василий Великий видели себя вынужденными и в светлые пасхальные дни говорить резкое слово против пьянства, по поводу бесчинств, учиненных некоторыми в эти святые дни. Так же, по

временным побуждениям, в пасху же, св. Иоанн Златоуст говорил сильное слово против увлечения театральными зрелищами, возмущенный тем, что константинопольцы в страстную пятницу в большом количестве были на конском растилище, а в великую субботу в театре. И слова св. Василия Великого о любостяжании и к обогащающимся сказаны были во время голода и засухи, и вызваны были этим бедствием, постигшим его сограждан: видя великую нужду и страдания бедных, святой отец старался смягчить жестокосердых богачей и побудить их придти на помощь бедствующим и облегчить их страдания.

Кто, каждый ли пастырь-проповедник должен вести проповеди, отвечающие на запросы времени, означаемые ныне неточным именем проповедей публицистических? Конечно, на всех, приставленных к охранению святой веры и благочестия в народе, лежит обязанность быть внимательным к нуждам и запросам времени, проявляющимся в круге, близком к проповеднику. И в деревне, в сельском уединении, может потребоваться проповедь, в удовлетворение какой-либо временной нужды. И там могут являться и являются сектанты, которые соблазняют верующий народ; и там могут встретиться какие-либо чрезвычайные обстоятельства, которых не может обходить вниманием заботливый пастырь, – положим, пожар, уничтоживший имущество жителей деревни, и повергший их в уныние и нищету, или град, истребивший возделанную жатву, или какое-либо грубое нарушение порядка церковно-нравственной жизни, например, неприличное праздничное гульбище. В таких случаях жизнь дает пастырю-проповеднику материю или вопрос, на который он вызывается дать ответ, служащий предостережением от увлечения, или утешением и успокоением опечаленных при постигшем бедствии, или возбуждением избегших гнева Божия к посильной благотворительности нуждающимся.

Но сравнительно, в тех местах, где тихо течет жизнь, меньше поводов к проповедям, отмеченным печатью современности, и исходной точкой берущим запросы, предлагаемые волнующимся и беспокойным временем.

Собственно говоря, место для публицистических проповедей на кафедрах больших городов, в которых сосредоточиваются умственные силы поколения, и где часто, резко и громко, разглашаются учения, мало имеющие общего с верою церкви. Здесь обыкновенно и пастыри обладают большим образованием, и более способны вести борьбу с заблуждением, пользующимся оружием науки, или с укореняющимися обычаями жизни, несогласными с требованиями закона Божия. Но часто и для них является непосильной такая борьба, и их слово, при всем их усердии, не производит должного впечатления на тех, к кому оно направляется. Чтобы с успехом вести защиту церковного учения перед образованным обществом, заражающимся ядом неверия, и показывать перед ним несостоятельность новых идей и направлений, проводимых людьми, владеющими немалой научной силой, от проповедника требуется много таланта, много знания, знания не только богословского, но и хорошего знакомства с теми учениями, против которых он выступать должен, – много силы и энергии слова, и при этом глубокого убеждения и горячей ревности к защите святой истины. Не всякий к этому способен; не всякий обладает такими высокими талантами, какие требуются от защитника слова Божия, его веры и уставов, чтобы победоносно отражать нападения на веру и церковь со стороны людей, кичащихся образованием, и производить впечатление на образованных слушателей, сочувствующих ложным учениям. Потому желательно, чтобы там, где настает надобность защищать веру от нападений неверия или лжеверия, и охранять народ от заразы заблуждением, ходячим под личиной истины, была учреждена или восстановлена особая должность проповедника, и чтобы на эту должность избирались люди, обладающие талантом, знанием и сильным красноречивым словом. Такие проповедники могли бы привлекать к своей кафедре толпы народа, не простого только, но и образованного, и, снискав авторитет, могли бы производить благотворное действие на современное поколение, увлекающееся или соблазняемое чуждыми идеями. Избрание и постановление особых проповедников для утверждения в народе, в

особенности в образованном обществе, преданности вере и церкви, и для отражения соблазнительных учений, носящихся в воздухе эпохи, не было бы в нашей церкви нововведением. В XVII столетии в южной и западной России в кафедральных церквях и значительных монастырях были избираемы и поставляемы в проповедники люди, которых считали более сильными в слове и учении, и им поручалось неустанное, возможно частое, проповедование слова Божия. Вызвано было это учреждение особой должности проповедника опасностью, угрожавшей целости православия со стороны иноверной пропаганды, производимой иезуитами, и поддерживаемой польским правительством. В виду этой опасности получившие от церковных властей благословенную грамоту на проповедание слова Божия, между которыми были и учителя школ, не имевшие священного сана, должны были выступать на защиту правоотеческой веры, на удержание в ней членов православного общества и на отражение тех соблазнов и нападений, каким подвергался народ русский, воспитанный в православии, и они с усердием и успехом исполняли возлагаемый на них долг, и их заслуга отмечена в истории. Ныне не менее ощутима потребность в защите целости веры и в предохранении верующих от соблазнов и увлечений ложными учениями, чем в XVII столетии, когда против православия с фанатической ревностью восставали представители римского католичества. Слишком усиливается и дерзко заявляет себя враг чистой веры, вооруженный знанием, ссылающийся на последнее слово науки и разными способами распространяющий свои воззрения, направленные к подрыву учения христианского, и на глазах наших если не явно, то тайно, отпадает от церкви значительная часть общества, причисляющая себя к интеллигенции.

Особые проповедники-иерокирикссы – были и есть и ныне в единоверной нам Греции. Они назначаются на целый округ, и обяываются проповедовать слово Божие в церквях этого округа, и они исполняют возложенное на них дело, не развлекаемые обязанностями другого рода.

В римско-католических странах на церковную кафедру проповедника, в центральных, наиболее посещаемых, храмах приглашаются избранные ораторы, от которых ожидают, что они могут быть надежными руководителями образованного общества, и могут действовать на его убеждения. Таких ораторов-проповедников собираются слушать толпы народа, особенно в проповеднические периоды, какими служат пост *Adventus Domini*, соответствующий нашему рождественскому посту, и пост святой четырёхдесятницы. В соборной парижской церкви Богоматери (*Notre Dame*) на дело проповедничества выискиваются и приглашаются люди, отличающиеся особенными ораторскими талантами. Являясь на церковной кафедре главного храма города, эти избранные ораторы-проповедники своим сильным и блестящим словом производят глубокое впечатление и собирают перед своей кафедрой толпы народа разных слоев и направлений, относящегося к ним с большим вниманием. Своими проповедями они обыкновенно стараются отвечать на запросы времени, направляя свое слово против тех нравственных недугов, какими страдает современное поколение, и в особенности образованная часть его, будя в нем заглушенные святые желания. Проповеди такого рода отмечены особым именем „*Conferences*“ и эти *Conferences* могут быть видным образцом публицистических проповедей. Это название усвоено церковным речам в защиту религиозных истин в виду заблуждений и ложных стремлений времени. Первый представитель такого рода проповедей Фрейсину († 1834), открывший *речи о религии* в 1803 году, остановленный в 1809 году Наполеоном, и потом снова продолжавший их с 1814 года по 1822 г. Дело, начатое Фрейсину, с большим успехом продолжал доминиканец Лакордер, проповедовавший десять лет, иезуит Равиньян, проповедовавший семь лет, иезуит Феликс, приглашенный в Париж из профессоров провинциальной семинарии, проповедовавший четырнадцать лет (1856–1870), далее, наконец, Оливье и Монсабре. Если бы нечто подобное было у нас, то есть, если бы у нас в столицах и больших городах, служащих центрами просвещения, при кафедральных церквях были особые проповедники, сильные

словом и знающие одно это дело, то от этого можно было бы ожидать и возвышения проповеди и большего влияния его на общество. Это было бы более целесообразно, чем нынешний порядок, по которому в собор для проповеди слова Божия приглашаются священники из других церквей города и даже уезда. Эти случайные проповедники, являясь в собор для произнесения заказной проповеди раз или два в году, имеют перед собою слушателей, которых не знают или мало знают, и которые их не знают, и нужды и направление которых им не вполне известны. Отсюда неудивительно, что часто в таких вынужденных случайных проповедях не слышится живого и меткого слова, и общество не дарит вниманием малознаемых проповедников. Более практическое слово они могут предлагать своей пастве, которая вверена их попечению, и духовно-нравственное состояние которой им более или менее известно. Зачем отвлекать их от своей паствы и заставлять говорить назидание чужим людям?

Как же вести проповедь публицистического характера, исходной точкой своей поставляющую недостатки и заблуждения, замечаемые в современном поколении? Так же, как и при раскрытии слова Божия, твердо держась начал веры. Исходная точка здесь другая; но это только вопрос, требующий решения, а ответ на него должен быть дан на основании слова Божия. Приспособление здесь в выборе материи, а разъяснение её почерпается из неизменной сокровищницы христианских истин. Нельзя допускать ни малейшего изменения начал веры Христовой; нельзя делать никакой уступки в виду ходячих заблуждений времени, никакого послабления строгих требований евангельского закона, в виду понизившейся нравственности и нежелания подчиняться им со стороны расслабленной воли. Напротив, чем больше замечается отступлений от чистой веры в направлении современной мысли, чем больше невнимания к строгим требованиям святого закона, тем больше надобность проповеднику во всей силе выставлять святые начала, пренебрежение к которым заметно у современников, тем громче следует возвышать голос, в обличение несостоятельности распространяющегося ложного

направления мысли, или грубых нарушений порядка, установленного церковью. Задача проповеди не принижать высоких требований божественного закона до уровня понизившейся жизни, в видах привлечения последней к примирению с идеалом, хотя в половинной мере, но возводить понизившуюся жизнь до той высоты, на какой она должна стоять, по требованию слова Божия и указанию церкви. Сбившихся с прямого пути нужно вести на тот путь, который они утратили, а не оставлять их на полдороге.

Но легко проповеднику, обсуждающему вопросы и явления современности, по расчетам, кажущимся добрыми, низойти с той высоты, на какой ставит его церковь, желающая видеть в нем провозвестника святых и неизменных начал веры. Идея примирения христианства с современностью одна из заманчивых идей, способная увлекать пылкие умы, следящие за течением событий времени. Видя, что современная жизнь слишком отвердела в своих началах и не показывает ни малейшей склонности подчиняться высоким требованиям христианского идеала, иные из проповедников, как показывает история, готовы делать уступки понизившейся жизни. Они воздерживаются от того, чтобы представлять христианский идеал во всей его чистоте и строгости, боясь этой строгостью устрашить ослабленную волю и тем удалить ее от себя или от церкви, и с угодливостью ищут точек соприкосновения между божественными началами, какие выставляет церковь, и теми представлениями, какими живет уклоняющееся от церкви общество. Они умалчивают о том высоком и святом в божественном законе, что кажется жестким и неудобоприемлемым для плотского, поникшего долу, человека, хотя это высокое и святое составляет коренную суть святой истины, и проповедуют, если и христианство, то христианство разжиженное и расслабленное. В их устах слышится истина, но истина, на которой не видно печати божественного авторитета, но которая составляет плод естественного разума, и которую находят удобоприемлемой для себя и люди, живущие вне церкви Христовой. Могут приобретать славу и авторитет подобные проповедники у людей, тяготящихся высокими

требованиями христианского идеала, какие составляют большинство нашей, так называемой, интеллигенции. Им могут рукоплескать, могут толпами собираться слушать их и говорить про них: вот какие проповедники должны быть, и каких мы хотим слушать! Едва-ли может сопровождаться добрыми результатами такая проповедь; скорее от неё будет прямой вред, когда она вместо того, чтобы поднять на высоту понизившуюся жизнь, старается, в видах примирения с нею, к ней приноровлять святое учение, беря из него угодное и удобоприемлемое для плотской мысли. Такими речами не привлекают в церковь уклоняющихся от неё, а, убаюкивая их, утверждают их в том направлении, которое требует исправления, и заслуживает осуждения перед строгим судом Божиим. К таким проповедникам могут быть приложимы строгие прещения на лживых пророков, какие мы читаем у пророка Иеремии. Они говорят: *мир! мир! когда нет мира. Они возглашают: откровение!* То есть, они, по-видимому, проповедуют то, что повелено Господом. А между тем они проповедуют *ложь и обман своего сердца. Господь Саваоф говорит о таких пророках: не слушайте слов их: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних. Я не посылал пророков сих, а они пророчествовали сами от себя. Их слово так же отличается от истинной проповеди, как мякина от чистого зерна, и никакой пользы не приносят они народу своему (Иер.23:16–32).*

Весьма естественно, что проповедники, говорящие не от уст Господних, а рассказывающие мечты своего сердца, или излагающие идеи и представления, подсказываемые им их мыслью, старающейся приноровляться к требованиям и желаниям среды, их окружающей, встречают широкое сочувствие у людей маловерующих или неправоверующих, находящихся тяжелыми и неудобоприемлемыми для себя высокие требования христианского идеала. Они рады видеть, что проповедники, являясь на церковной кафедре, именем божественного авторитета утверждают те начала, какими руководствуются в жизни эти расслабленные христиане, и об ином христианском идеале, более соответствующем чистому и

высокому учению Христову, они не захотят ни говорить, ни думать. Будут ли они искать новых высших благ, ощущать потребность новой высшей истины, еще не достигнутой ими, когда поблажающие им проповедники и вторящие их настроению будут давать им чувствовать, что они богаты, идут надлежащим путем и ничего больше не требуют для себя? А между тем, если в ином месте, или рядом с такой поблажающей проповедью будет раздаваться другого рода слово – чистое, высокое, воспроизводящее во всей силе требования христианской веры, и зовущее слушателей к евангельскому совершенству, убаюкиваемые примирительной проповедью отвернутся от проповедника, говорящего от уст Господних и желающего возвести слушателей на те высоты, какие указаны Евангелием. Может быть, такое чистое и высокое слово коснулось бы слуха некоторых из маловерующих и возбудило бы их внимание, если бы такого слова не заслоняла поблажающая проповедь неосторожных примирителей начал веры с современными воззрениями, далеко не отвечающими высоким требованиям христианского идеала.

В настоящее время у нас являются самозванные учителя, которые, не изучив науки веры, говорят самоуверенным тоном о предметах высшего богословского ведения, и проповедуют новое христианство, отличное от того, какое в течение девятнадцати веков неизменно исповедовали истинные последователи Господа Иисуса Христа. Они нашли и указывают исповедникам Христова учения *новый путь*, какого не замечали прежние учителя веры, и требуют, чтобы провозвестники слова Божия вступили на этот новый путь. Тогда-де их будут слушать, и они принесут именно то, чего ждет и жаждет душа, ищущая примирения с церковью. И находятся, к глубокому прискорбию верных чад церкви, и в среде духовных лиц единицы, с сочувствием внимающие толкам новопутейцев, и готовые отвечать их зову, то есть, возвещать не слово Божие, а слово человеческое с его естественной нравственностью и земными идеалами. При внешних достоинствах такая новая проповедь пользуется большим успехом среди нашей интеллигенции, хромающей на оба колена в деле веры и порывающей связи с

церковью, и таких новых проповедников она окружает почетом и славой. А благочестивая часть слушателей, преданная церкви, не без скорби чувствует в этой новой проповеди принижение высоких начал богопреданной веры, на которых зиждется достоинство проповеди, и которых она должна держаться, и как бы красиво ни излагалась проповедь в духе новопутейцев, как бы громко ни раздавалась, она не дает удовлетворения людям, воспитанным на началах святой отеческой веры, и они при ней будут чувствовать пустоту в сердце или глад слышания слова Божия. А интеллигенция, отшатнувшаяся от церкви, с восторгом слушающая проповедников, им угождающих, то есть, говорящих в их тоне и духе, вместо того, чтобы самой сблизиться с церковью, от такой проповеди, скорее увлечет за собою тех, кто желает быть угодными ей руководителями.

Что собственно не нравится интеллигенции, ищущей нового пути для проповедников слова Божия, в прежних проповедниках и учителях Церкви? Не нравится то, что служители церкви влекут людей к небу, а забывают о земле, – говорят о спасении души и вечном блаженстве, а не думают устраивать земное благополучие, водворять царство Божие на земле, – царство Божие, понимаемое ими своеобразно. Представители нового пути узаконивают культ плоти и признают нормальными требования закона, сущего во удах наших, противоявляющего закону ума нашего, который Апостол противопоставляет закону Божию, и прямо называет законом греховным (Рим.7:22–23), и потому требуют, чтобы не стесняли названных стремлений нашей природы, а давали им полный простор и удовлетворение. И только тогда они готовы войти в единение с церковью и жить её жизнью. Никакой проповедник, сознающий свое призвание, не может отозваться сочувствием на такой странный зов. Для него начертан неизменный чистый идеал в Евангелии, и он ни на одну иоту не может отступить от него, и что-либо изменить или ослабить в нем. Выдумывать какое-либо новое христианство, менее строгое, более угодливое нашей плоти, – дело еретиков и отступников. У христианского проповедника прежде всего в виду должны быть духовные вековечные интересы, и они не могут быть принесены в жертву

интересам временным, земным, скоропреходящим, служащим часто к удовлетворению нашей похоти. О земном благополучии, об устройении и усовершенствовании внешнего быта человека, о лучших способах удовлетворения потребностей низменных, житейских говорить – дело мирских учителей, которых много, гораздо больше, чем учителей церковных. Зачем требовать этого, и именно этого по преимуществу, от служителей церкви, в которой люди ищут спасения души, а не угодливости плоти? Можно, конечно, говорить и с церковной кафедры о предметах, относящихся к устройению внешнего, житейского благополучия человека или общества, и часто слышался прежде, и ныне слышится голос пастырей церкви, убеждающий верующих к взаимной любви, согласию, милосердию к бедствующим, преданности и повиновению предержащим властям, и т. под., что, полагаем, не без значения для возвышения и утверждения того благополучия, которого ищет человек на земле. Церковь небезучастна к внешнему земному благу нашему. Она, как всем известно, неусыпно молится о благорастворении воздушных, изобилии плодов земных и временах мирных, молится об избавлении нас от всякия скорби, гнева и нужды, от глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествия иноплемеников, междоусобной брани, и смертоносных язв, а когда постигают тот или другой край какие-либо тяжкие бедствия, например, засуха и бездождие, угрожающие голодом, губительная болезнь, война, она усиливает свои моления, и к своим ежедневным молитвам присоединяет новые моления, прося у Бога избавления от бед, нас постигших. Молитвам церкви отвечает проповеднический голос её пастырей. Можно ли отсюда обвинять церковь и её представителей в пренебрежении к внешнему благу нашему? По её возбуждению и под её покровом возникали и существуют многие благотворительные учреждения, устрояемые для удовлетворения потребностей людей, нуждающихся в чужой помощи, – нищих, больных, странников, и для облегчения страданий лиц, застигнутых какою-либо бедой. У ней издавна привыкли искать помощи и ныне ищут калеки, убогие, слепые, не способные прокормить себя своими трудами, и где вы

больше видите таких просителей подаяния на насущный хлеб, если не у папертей церковных? Обвинение церкви и её представителей в пренебрежении земным благополучием человека основано, можно сказать, на недомыслии или непонимании истинного духа христианства. Дело в том, что церковь, верная заветам Христа, имеет в виду внутреннего человека, а не внешнего, душу хочет обновить и спасти, а не угождать телу; цель, к какой ведет она нас, – наше спасение, и сюда направлена и здесь сосредоточена её заботливая любовь о нас. Но, ведя нас ко спасению, воспитывая для царства Божия и желая направить всех на путь добродетели, церковь чрез то самое способствует улучшению нашего внешнего благосостояния. Она в жизни людской кладет и утверждает нравственные основы, от крепости которых больше зависит счастье человека, чем от средств материального свойства, рекомендуемых и распространяемых заботой и мудростью людей мира. Пусть эти делают свое дело, и чем успешнее будет их делание, тем лучше; но вместе с тем пусть не возлагают на ремена представителей церкви своего собственного дела, и пусть с благодарностью, а не укоризнами принимают то содействие утверждению внешнего благополучия человека, какое оказывает церковь, укореняя в душах начала нравственного закона Христова, оказывающее такое благотворное влияние на личный, семейный и общественный быт людей, ему следующих. Забота о нашем спасении всегда была и всегда пусть будет главным передаточным пунктом церковной проповеди, которого она никогда не должна упускать из вида, и к которому должна направлять свои помыслы. Это вверено и поручено ей Господом. Он не запрещает нам прилагать попечение к лучшему устройению нашего внешнего быта, но в то же время наставляет нас не сосредотачивать своего внимания на удовлетворении наших потребностей житейских (Мф.5:26–34). *Ищите прежде царствия Божия и правды его* (говорит Он), *и сия вся то есть, внешние блага приложатся вам* (Мф.5:33). *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретет, душу же свою отщетит? Или что даст человек измену за душу свою* (Мф.16:26)? Видите, куда

направляет внимание христиан, а в особенности внимание проповедников наш Господь и Спаситель, в котором все учителя христианские должны видеть своего руководителя. Отодвигая на задний план заботы о внешнем благоустройстве нашей жизни, Он указывает на то, чтобы мы прежде всего старались воспитывать внутреннего человека для царства Божия, которое во всей силе откроется не в здешней жизни. Смотрите далее, как наполняют свой учительский долг первые провозвестники слова Божия, наставляемые Духом Святым. Возвещая свидетельство Божие, они устрояют не внешний быт призываемых ко спасению, а проповедуют Христа, за нас распятого, и это слово о Христе, за нас распятом, является у них главным и существенным содержанием проповеди. *Не судих* (говорит апостол Павел коринфянам) *ведети что в вас, точию Иисуса Христа, и сего распята* (1Кор.1:23; 1Кор.2:1–2). В другом месте он говорит: *все я почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа нашего. Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа* (Флп.3:8). Св. Иоанн Златоуст, характеризуя проповедь св. Апостолов, первых верных провозвестников слова Христова, говорит о них так: „Оставив землю, они говорят все о небесном, предлагая нам другую жизнь, и иной образ жизни, иное богатство и иную будущность, иную свободу и иное рабство, иной живот и иную смерть, другой мир и другое общество, – все инаковое“⁷⁵.

Публицистическая проповедь, обсуждающая явления современности и направления мысли человеческой, часто расходящейся с учением Христовым, – по преимуществу проповедь апологетическая: она главным образом имеет в виду людей, уклоняющихся от водительства верой, и полагающихся на одни начала разума. Как быть проповеднику, в виду таких возможных слушателей? Оставить ли ему доказательства, почерпнутые из веры и Откровения, и представлять одни рассудочные соображения? Или твердо стоять на той высоте, на которой он пользуется авторитетом божественного посланника и говорит от имени Божия? В века оскудения веры и перед кругом слушателей, в котором много вольномыслящих, многие, и

авторитетные, проповедники не только говорят от разума, но даже, предпочитают говорить от разума, а не от веры, думая, что проповедь рационального характера больше понравится слушателям, и вернее и сильнее может подействовать на них, чем проповедь, утверждающаяся на началах веры и Откровения. Но такое направление, – по справедливому замечанию Мосгейма, в свое время знаменитого лютеранского проповедника и гомилета-богослова, – при котором проповедники, пренебрегая учением веры, хотят питать души слушателей мудрованием человеческим, – направление опасное. Оно может проистекать и из доброго чувства, когда проповедник замечает неуважение к библейским и церковным свидетельствам в окружающем его обществе; но приспособление к слушателям и их настроению должно быть крайне осторожное, и не должно выходить из границ, предписываемых благоговением к Откровению и вере, на нем основываемой. Иначе, незаметно для самого проповедника, им овладеет дух, чуждый церкви. Он будет говорить не как слуга Божий и человек веры, а как слуга разума: в его учение могут вторгаться мнения, уклоняющиеся от строгих и чистых начал веры, и он привыкает подчинять законам ума все, содержащееся в откровенном учении церкви⁷⁶. Стоит раз выпустить из рук те твердые начала, которыми сильно слово христианского проповедника, – начала, запечатленные божественным авторитетом, как проповедник лишает себя надежной точки опоры и создает для себя положение, полное нескончаемых колебаний; стоит раз отшатнуться от твердого берега и увлечься волнами человеческих мнений, чтобы потом надолго не иметь устойчивости и потерять из виду безопасную пристань. И наш гомилет – Амфитеатров – предостерегает проповедников от такого направления, следуя которому иные из проповедующих слово Божие и учение веры, вместо того, чтобы пользоваться доказательствами библейскими, слишком широкое место дают рассудочному элементу, и думают все примирять и объяснять по началам разума, и мудрованием человеческим хотят решать важнейшие вопросы о предметах веры и церкви. Проповедники, слишком далеко заходящие в этом направлении,

сравниваются, по его словам, с корчемниками, которые ради скверного прибытка мешают вино с водою, и это сравнение он берет у блаж. Феодорита и Феофилакта, из их толкований на второе послание к коринфянам (11, 17), где говорится о людях, не чисто проповедающих слово Божие⁷⁷.

Мы предвидим возражения по поводу таких предостережений проповедникам, заимствованных нами у авторитетных представителей науки о проповедничестве. Ужели (могут сказать нам) в церковной проповеди, особенно в проповеди, обращенной к людям рационалистического направления, не должно быть места для доказательств от разума? Нет, нельзя так понимать предостережения, обращенные к проповедникам людьми строго-христианского образа мыслей: они отнюдь не запрещают пользоваться рассудочными доказательствами в проповедях и предостерегают только от излишнего доверия разуму и пользования им одним, в ущерб вере, в надежде привести в единение с собою людей, уклоняющихся от учения церкви. Разум не только может, но и должен быть призван к служению вере и к достижению целей назидания. Вера наша, выступающая на борьбу с заблуждением, должна быть не только твердой, но и разумной, и чем больше в ней видно разума, тем сильнее она может действовать. Между верой, опирающейся на сверхъестественное откровение, и разумом, руководящимся естественными началами и пособиями, стоящими в его распоряжении, не должно быть противоречия. Естественное откровение, которым руководился разум, дано нам тем же Творцом, который сообщил нам и сверхъестественное Откровение. Но их нельзя равнять по сиде света истины. Разум, в настоящем нашем поврежденном состоянии, тускло видит истину, и вследствие этого часто заблуждается и принимает ложное направление; многое для него из области высших, небесных истин мало понятно. Сверхъестественное Откровение и дано человеку в помощь разуму, утратившему свою зоркость, и оно главным образом простирается на такие предметы, какие недостижимы для разума, умеющего хорошо рассматривать всегда видимый,

земной образ бытия. Пользуйтесь разумом, при изъяснении религиозных истин; только знайте, что он не главный решитель в круге тех предметов, которые постигаются верой, и разъясняются для нас Откровением. Проповедник говорит во имя Божие: этого он никогда не должен упускать из вида. Его слово теряет свою силу и свое значение, когда он, раскрывая истину, оставит в тени авторитет божественный, и захочет утверждать свое учение одними естественными соображениями.

Тем менее может быть вызвано и оправдано и практическими соображениями пользование в церковной проповеди одними естественными, рассудочными доказательствами, при изложении истин религии, в угоду людям неверующим, не дающим цены доказательствам библейским, что люди неверующие не являются, или являются весьма редко перед церковной кафедрой. Зачем же, в угоду им, изменять тем началам, какими укрепляется церковное проповедническое слово? Слово проповедника, возвещаемое с церковной кафедры, перед людьми верующими, имеет своей задачей не столько нападение на заблуждающихся и неверующих, сколько предостережение верующих от увлечения заблуждением. Проповедь должна назидать, а не ниспровергать, давать руководство для христианской веры и жизни людям, нуждающимся в этом руководстве и требующим его, а не входить в препирательства с искажающими чистую истину.

Дидактические уроки и чтения, в которых, при пособии естественного разума, обсуждаются и разбираются положения религиозной философии и этики, и опровергаются заблуждения и ложные идеи, распространяемые светской литературой и увлекающие современников, могут иметь значение и могут производить благотворное влияние, особенно если они предлагаются в увлекательной форме. Но их место, по словам Юнгманна, одного из лучших гомилетов последней половины истекшего столетия, „не в храме, а в салоне или в светской аудитории, куда допускается избранная публика по билетам, и где они могут быть предложены и выслушаны при газовом или электрическом освещении. Это не слово Божие, какое обязан возвещать христианский проповедник.

Христианский проповедник без нужды не должен прибегать к таким чисто естественным средствам для утверждения и распространения между людьми царствия Божия; иначе его могут упрекнуть в том, что он упраздняет крест Христов (1Кор.1:17); ибо в этом случае, вопреки примеру и наставлению Апостола, он проповедует *не в явлении духа и силы, но в препретьельных человеческия премудрости словесех* (1Кор.2:4)⁷⁸.

О характере проповедей

После вопроса о том, о чем нужно проповедовать, другой важный вопрос в гомилетике: как нужно проповедовать? После указания материи или содержания проповедей, сам собою возникает вопрос о том, как эта материя должна быть раскрываема и излагаема в церковной проповеди.

В немецких гомилетиках часть, имеющая своей задачей разъяснение этого вопроса, называется формальной гомилетикой, и ей придается не меньшее значение, чем гомилетике материальной, посвящаемой уяснению предмета или содержания проповедей. Эта формальная гомилетика обнимает и раскрывает те предметы, которые в древних риториках озаглавливались „de dispositione, de elocutione et de actione“. Гомилетика Швейцера, отличающаяся наиболее стройной систематичностью изложения, в формальной гомилетике раскрывает учение: 1) о плане и расположении проповеди, или распределении материала, входящего в содержание проповеди (что у него называется диатактикой), 2) о стилической обработке проповеди, и 3) о произношении изготовленной проповеди.

В первом отделе формальной гомилетики (диатактике) обыкновенно очень много распространяются о частях проповеди и их построении, – приступе, теме, разделении, исследовании и заключении. У Швейцера раскрытию этих предметов посвящено 36 параграфов (§§ 164–200). Но мы считаем эти трактаты не особенно важными и нужными для гомилетики. В них обыкновенно, с некоторыми изменениями, повторяется то, что излагается в риториках, подробно излагающих учение о логическом построении или расположении всякой речи. Повторение риторического учения о частях речи для гомилетики существенного значения не имеет. И трактат о произношении и проповедническом действовании (de actione) только с некоторой натяжкой может быть включаем в часть гомилетики, разъясняющую учение о формах проповеди. Здесь мыслится и представляется нечто такое, что не обнимается термином

формы проповеди. Предмет, означаемый словами: „произношение и действие проповедническое“, требует самостоятельного исследования, отдельного от трактата или учения о форме проповеди. В нашей русской гомилетике Амфитеатрова нет трактата о частях проповеди. Но о произношении или (как у него говорится) „о сообщении церковного собеседования“ он говорит в той части, которая посвящена определению и развитию характера церковного собеседования. Здесь он говорит в одном отделе о внутреннем характере церковного собеседования, в другом о внешнем характере церковного собеседования, а в третьем о сообщении церковного собеседования; в прибавлении третьего отдела к двум первым мы не видим строгого логического деления.

В речи о характере проповедей должны быть показаны те существенные свойства, какие принадлежат проповеди, как специальному роду словесных произведений, и которыми она отличается от других родов словесных произведений. Если бы мы, определяя то, как нужно проповедовать, стали перечислять логические и эстетические свойства, какие должны быть в каждом порядочном сочинении, как то: точность и определенность мысли и выражения, ясность и правильность речи и т. под., то этим нимало бы не определили характера проповеди, и трактация об этом была бы лишним балластом в гомилетике, хотя подобные общие указания свойств хорошей проповеди встречаются в гомилетических руководствах.

Что же собственно составляет отличительный характер проповеди? Каким требованиям она должна удовлетворять, каким законам должна подчиняться в своем строе, чтобы отвечать прямому своему назначению?

У Амфитеатрова мы встречаем чрезвычайно обильный анализ тех свойств, какие должны быть соблюдаемы в характере церковного собеседования. Определяя внутренний характер церковного собеседования, он указывает три главные качества, какими оно должно обладать: 1) *назидательность* для ума, 2) *убеждение* для воли и 3) *помазание* для сердца. Каждое из этих трех свойств у него подробно раскрывается, разделяясь на другие частнейшие свойства. Разъясняя понятие

назидательности, он указывает три главные черты, необходимые для неё, чтобы проповедь была назидательной, – религиозность или дух библейский, православие и народность. Говоря о помазании, он перечисляет множество частных черт слова помазанного, – *евангельскую благодать* или приятность, животворность и питательность, трогательность, *строгость пророческую*, возвышенность взора и быстроту, достоинство и глубину мысли, *власть и силу слова апостольскую*, *кротость отеческую*, простоту, искренность, обилие и разнообразие слова помазанного. Как ни подробен и ни обилен этот трактат в гомилетике Амфитеатрова, он не дает нам полного удовлетворения. В нем не указаны с отдельной ясностью существенные черты характера проповеди, и даже самое обилие подразделений главного понятия служит у него не столько к уяснению, сколько к затемнению дела. Например, слово „помазание“ является обычным термином в гомилетическом языке; но когда говорят о нем, с ним не соединяют ясного и определенного представления. Эта неясность, и неопределенность термина была видна и у Амфитеатрова, и он хотел уяснить его, приведши множество частных черт, какими должно отличаться слово помазанное. Но сделался ли через это яснее гомилетический термин „помазание“, так туго поддающийся точному определению? Самое главное разделение существенных свойств церковного собеседования, которыми служат назидательность, убедительность и помазание, у него выведено не из природы, не из существа проповеди, а заимствованы основы деления отвне: он обращает внимание на трехчастный состав душевных, сил, и опираясь на психологические категории, говорит, что проповедь должна доставлять назидание уму, убеждать волю и действовать на сердце. Этим определяются не столько свойства проповеди, сколько указывается цель, к какой она должна быть направлена. Далее, раскрывая понятие назидательности, наш гомилет указывает три частные черты, которыми определяется это понятие, – религиозность, или дух библейский, православие и народность. Все это, пожалуй, верно; указанные черты должны быть соблюдаемы в проповеди;

церковное собеседование должно быть непременно религиозно, должно быть и верно православию или церковному учению и вместе с тем приспособлено к духу и характеру народа, к которому обращается. Но строго логического соподчинения нет между указанными понятиями. Религиозность и православие сливаются между собою, и не отличаются строго одно от другого; а народность стоит рядом с ними, как новое, совершенно отдельное от них начало. Из понятия назидательности выведены эти три свойства, или к нему приложены, не без искусственной махинации мысли.

Основные черты, определяющие характер проповеди, мы находим естественным вывести из самого существа или понятия проповеди. Проповедь есть сообщение слова Божия народу или живое свидетельство об истине нашего спасения, обращенное к народу, ищущему пути спасения, или по крайней мере долженствующему искать такого пути. Из этого понятия вытекают два требования: во-первых, проповедь, служащая сообщению и разъяснению божественного святого учения, хранимого в церкви, должна отличаться характером церковно-библейским, во-вторых, проповедь, обращенная к народу, направляющая его на путь спасения, по своему характеру должна быть близка и родственна народу, то есть, приспособлена более или менее к его духу и пониманию. Гомилетика может выставить два закона, соблюдение которых необходимо для проповедника, желающего достойным образом выполнять свое служение: проповедь должна соблюдать церковно-библейский характер, и с другой стороны должна быть популярна.

I. Церковно-библейский дух или характер проповеди

Первая основная черта, которая строго должна быть соблюдаема в проповеди, – *церковно-библейский дух* или характер. Им должен быть проникнут и внутренний склад мысли и её внешнее выражение.

Требование церковно-библейского характера самое естественное и необходимое требование. Проповедь вырастает из библии, как из своего зерна. Она, по существу своему и своей задаче, есть раскрытие библии и её толкование, и применение её учения к нравственным потребностям слушателей, и в этом смысле как бы продолжение её. Здесь в библии лучшие проповедники получали для себя вдохновение, с библией сообразовали свое слово. Проповедь, далее, говорится обыкновенно в церкви, за некоторыми редкими исключениями, и проповедник является уполномоченным провозвестником учения, хранимого в церкви. Проповедь есть священнодействие благовествования, и говорится во время богослужения, если и не составляет непосредственной части богослужения. Дух, веющий в храме Божиим, находящий выражение для себя в богослужебных чтениях, песнях и молитвах, должен проникать ее собой, чтобы она не была, чем-то чуждым среди действий, совершаемых в храме Божиим при богослужении, и не нарушала собой впечатления, выносимого из церкви.

Говорят и утверждают, что форма, в какую облекается слово проповедника, не есть что-либо самостоятельное по отношению к содержанию. Материя сама себе творит форму, и форма вырастает из неё и неразрывно связывается с ней, как душа с телом. В церкви говорится о божественных предметах, и этим содержанием уже намечается особенный, божественный характер проповедного слова. Амфитеатров, когда хочет определить, что требуется для соблюдения церковно-библейского духа в проповеди, сводит эти требования к тому, чтобы проповедник излагал в своих поучениях только святое,

истинное и спасительное учение; так как Писание, которое для него должно быть первообразом, учит нас, во-первых, тому, что „*свято* само в себе“ и священо для человека, во-вторых, тому, что *истинно* само в себе и веруется в правду со стороны человека, и, в-третьих, тому, что благо само в себе и *спасительно* для человека⁷⁹. Но этим не обнимаются требования церковно-библейского духа в проповеди. Есть здесь нечто, что не дается одним содержанием проповеди. Можно проповедовать святое, истинное и спасительное учение Христово, и в то же время проповедь может не иметь церковно-библейского духа. Учение, предлагаемое в церковной проповеди, облекается в форму не само по себе, а через дух и ум человека, преподающего это учение народу. Сообщающий это учение, при передаче его, кладет на него или на его внешнюю форму свою личную печать, и в его слове отпечатлевается его личное настроение. Отсюда одно и то же учение у одного проповедника принимает такую форму, у другого другую. Характер изложения библейского и церковного учения у разных проповедников не может быть одинаков, если только слово этих проповедников живое слово. Лицо проповедника не простой канал, через который церковно-библейское учение переходит к другим. Истина, им возвещаемая, проходит через горнило его ума и перерабатывается в лаборатории его сердца, и отсюда она получает тот характерный облик, в каком является в устах проповедника перед народом. Здесь форма или характер проповеди определяется не одной объективной, неизменной, истиной, но еще и даже более, субъективным настроением проповедника.

Главное условие, от которого зависит соблюдение церковно-библейского характера в проповеди, – чувство проповедника, исполненное христианского духа и находящее для себя выражение в слове. Не на содержание здесь нужно обращать внимание, при обсуждении характера проповеди, по крайней мере не на одно содержание, а на тот тон, в каком ведется раскрытие этого содержания, и какой проникает все слово. Требуемые в проповеди чувство и тон, дающие ей

церковно-библейский характер, могут быть не только тогда, когда проповедник говорит о высоких тайнах веры, но и тогда, когда, по вызову обстоятельств, он ниспускается к потребностям плотского человека, к предметам внешнего материального быта, говорят о пище, одежде и т. д., или когда он борется с современными заблуждениями. Напротив, чистого церковного духа может не быть и в речи о предметах высоко-догматических. Нечистое воображение и в библии находит засаленные страницы, и по поводу их допускает речи, чуждые всякого благоговения и церковного приличия. В средневековых схоластических проповедях, и при изложении чистого христианского учения, встречаются шутки, забавные и остроумные анекдоты, иногда циничные выражения, грубо нарушающие святость тех требований, с какими благочестивое чувство относится к церковно-проповедному слову. А иногда раскрывают истину христианскую языком школы, проникнутой рационализмом, или языком светской литературы, индифферентной к христианству, чтобы не сказать чего-либо больше; между тем в содержании проповеди вы не находите ничего, несогласного с христианским учением.

Благочестивым слухом тотчас же ощущается присутствие или отсутствие церковно-библейского духа в слове, ему предлагаемом. Но логически выяснить отличительные черты его – вещь чрезвычайно трудная. Дух невидим и не осязаем; глас его, как голос ветра, мы слышим, но уловить, наглядно представить его не можем. Церковно-библейский дух, желательный и требуемый в проповеди, видим в слове того, кто весь проникнут благочестием, питает благоговение к слову Божию и учению церкви, и кто воплотил в себе дух Евангелия. Частнее, в духе библейском может говорить и говорит тот, кто всегда носит в уме и сердце своем основные истины христианские, – о Христе, Сыне Божием, воплотившемся ради нашего спасения и за нас распятом, и о беспомощной бедности человека-грешника, предоставленного самому себе. У кого в душе занимают широкое место эти истины и составляют основные камни его мировоззрения и настроения, тот не станет говорить тоном, чуждым Евангелию и церкви, у того само собой,

без усилий, выльется слово, в котором будет чувствоваться особенный, не мирской характер. Будет ли он говорить о высоких тайнах веры, – в его слове будет слышаться чувство благоговения перед этими тайнами, и смиренное подчинение своего разума разуму Божию, благоволившему открыть нам сокровенное от нас. Будет ли он вспоминать о великих благодеяниях Божиих роду человеческому, – речь его не будет сухим, холодным словом, но чувство умиления и благодарения Богу, нашему Благодателю и Спасителю, наполняющее сердце проповеднику, даст ей теплоту и сердечность: Будет ли речь его касаться нашего греховного состояния, наших земных пристрастий, влекущих нас долу и удаляющих нас от путей спасения, – в ней будет тон сокрушения сердечного, сильного потрясти слушателей. Будет ли он возбуждать свою паству к любви и милосердию, его слово не будет бездушным голосом, подобным звуку меди звенящей или кимвала бряцающего, а будет согрета пламенем, износимым из его сердца и одушевлено дыханием его любящей души. Вообще, о чем бы ни говорил такой проповедник, сила религиозного чувства, в нем живущая и его одушевляющая, непременно проявит себя в его слове, и даст ему такой отпечаток, который ясно будет свидетельствовать, что говорящий руководится *не духом мира сего, но духом, иже от Бога (1Кор.2:12.)*. Следы такого духа будут проявляться не в общем только складе речи, но и в частностях её. Человек такого духа не может допустить никакого выражения неблагоговейного. Он не скажет: „Христос или Иисус“, а скажет: „Господь Иисус Христос“, не скажет: „Мария“, а „пресвятая Дева Мария или пресвятая Богородица“, не скажет: „Павел, Василий, Григорий“, но скажет: „святый апостол Павел, святый Василий Великий, святый Гыригорий Богослов“ и т. д.

Видимым проявлением церковно-библейского духа в проповеди служит частое обращение к священному Писанию, и благоговение перед словом библии, как словом Божиим, служащим для нашего разума незаменимым руководством, и дающим нам ясное и неопровержимое указание для решения всех вопросов, занимающих религиозное сознание человека. Кто проповедует с библией в руках, или у кого всегда готовы

свидетельства, черпаемые из священного Писания, в подтверждение или разъяснение той или другой истины, для того легко исполнение требования церковно-библейского духа, при сообщении христианского учения народу. Для нас в этом отношении образцом, к которому мы должны приближаться, и которым должны поверять себя, служить должен Господь Иисус Христос, единый истинный (идеальный) Учитель. Заповедь новую или новое учение давал Он людям, к которым обращался со своим словом, но при изложении своего учения Он весьма часто приводил свидетельства из Писания, и ими разъяснял и подтверждал свои наставления, с какими обращался к ученикам или народу. При первом открытии своего учения в нагорной беседе, Он говорит перед народом о высоком нерушимом значении закона Божия или богооткровенного слова, данного через пророков иудеями. *Аминь глаголю вам (говорит Он): дондеже преидет небо и земля, иота едина или едина черта не преидет от закона (Мф.5:18).* Далее, исходной точкой для своих частных наставлений в этой беседе Он ставит слово закона или ветхозаветного Писания, только одухотворяя и расширяя смысл, в них заключающийся. Несколько раз повторяет Он, переходя от одного наставления к другому: *слышасте, яко речено бысть дреением (Мф.5:21, 27, 31, 33, 38, 43).* Шесть выражений привел Он из древнего божественного закона, и признавая обязательное значение требований, в них заключающихся, ведет своих слушателей к более высокому и совершенному пониманию их. На слове Писания, так сказать, строится его назидаящая речь. На закон и пророков Он часто ссылается, указывая здесь ту силу, к которой должно обращаться наше разумение, ищущее истины (Мф.7:12; 22:40). Спрашивает Его один законник: *учителю, что сотворив, живот вечный наследую? (Лк.10:25).* Он отвечал ему, отсылая Его к Писанию: *в законе что писано есть? Како чтеши? (Лк.10:26)* и словами закона наставляет его. Другой раз приступили к нему саддукеи, не верующие в воскресение мертвых, и предложили Ему вопрос, который, по их мнению, должен был поставить Его в затруднение. Было у нас, говорят они, семь братьев, и

первый, женившись, умер, не имея детей, а жену оставил брату своему, который, по закону Моисееву, должен был восстановить семя брата своего, и этот умер бездетным, и так далее до седьмого. Которого же из семи братьев будет женою жившая с ними в брачном сожитии? Вразумляя искушающих Его саддукеев, Господь говорит им: *прельщаетесь, не ведуще Писания, ни силы Божия...? О воскресении мертвых несте ли чли реченнаго вам Богом, глаголющим: Аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль: несть Бог Бог мертвых, но Бог живых (Мф.22:29, 31–32).* Еще фарисеи обратились к Нему с укоризною, по поводу того, что ученики Его, идя в субботу через засеянное поле, срывали колосья и ели: этого-де нельзя делать в субботу. И фарисеев Писанием вразумляет и обличает Господь, как обличал и вразумлял саддукеев: *Несте ли чли (говорит Он им), что сотвори Давид, егда взалка сам и сущии с ним? Како вниде в храм Божий и хлебы предложения снеде, их же недостойно бе ему ясти, ни сущим с ним, токмо иереем единым? Или несте чли в законе, яко священники в субботы в церкви субботу скверняют (нарушают) и не повинни суть (Мф.12:3–5)?* Видя, что фарисеи, а под их влиянием большинство народа иудейского, полагают все благочестие в исполнении внешних обрядов и предписаний закона и оставляют главное, существенное в законе, он, желая исправить такое одностороннее понимание требований закона, неоднократно приводил, к вразумлению народа, известное изречение пророка Осии: *милости хочу, а не жертвы (Мф.9:13; Мф.12:7, Пс.6:6).* Далее, заметив бесчиние в храме, Господь, для вразумления продающих и покупающих в церкви, опять обращается к Писанию: *несть ли писано, яко храм мой храм молитвы наречется всем языком? Вы же сотвористе его вертеп разбойником (Мк.11:17; Мф.21:13; Лк.19:48; Ис.56:7. Иер.7:11).* Приступили к Нему фарисеи, и спрашивают Его: можно-ли по всякой вине разводиться человеку со своей женой? Он в ответ говорит им: *несте ли чли, яко сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть?... (Мф.19:4).* К Писанию обращается Господь, когда хочет дать понятие фарисеям о Христе Мессии, которого фарисеи называли сыном

Давидовым (Мф.22:43–45). Предложив притчу иудеям о делателях в винограднике, убивших посланных к ним рабов, а затем и сына владельца виноградника, Он, желая довести их до уразумения смысла притчи, говорит им: *несте ли чли николиже в писаниих: камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла? От Господа бысть сей, и есть дивно во очию вашею* (Мф.26:46. Пс.117:22–23. Ис.28:16). И в беседах с учениками Господь часто приводит слова Писания (Мф.26:24); явившись по воскресении двум ученикам, шедшим в Еммаус Он укоряет их в том, что они мало внимательны к тому, что сказано в Писании: *О несмысленная и косная сердцем, еже веровати о всех, яже глаголоша пророцы* (говорит Он им)! *Не сия ли подобаше пострадати Христу и вниити в славу свою? И начен от Моисея и от всех пророк, сказаше има от всех писаний, яже о Нем* (Лк.24:25–27). Явившись в другой раз всем ученикам, Он напоминает им то, что говорил им, когда еще был с ними, *что подобает скончаться всем написанным в законе Моисеове и пророцех и псалмех о Мне* (Лк.24:44).

Но не одно частое обращение к Писанию в речах Господа Иисуса Христа, долженствующих служить для нас руководительными образцами, при разъяснении вопросов веры и жизни христианской, должно обращать на себя наше внимание. Пользуясь буквой Писания, Господь не довольствовался одним внешним указанием её. Он в то же самое время вводил своих слушателей или учеников в дух Писания,ставляя существенное в нем и доводил тех, к кому обращался, до уразумения более глубокого смысла, заключающегося в том или другом месте Писания. Были в его время буквалисты-схоластики, почивавшие на законе, хвалившиеся знанием того, сколько раз в библии или какой-либо книге Писания повторяется та или другая буква, злоупотреблявшие буквой Писания и подтверждавшие ей разные наслоения преданий, вводимых ими в круг заповедей Божиих. Господь обличал таких учителей, хотя почивавших на законе, на не разумевших духа его, и прямо называл их *неведущими Писания, ни силы Божией* (Мф.22:29). Уже в первой Его нагорной беседе Его слово всецело направлено к

тому, чтобы ввести слушателей через букву Писания к более глубокому пониманию его и к уразумению духа его, возвышая и расширяя те требования, какие даны буквой закона. Не раз Он, далее, в нескольких словах, для вразумления слушателей, указывал сущность закона и пророков, то есть, всего священного Писания (Мф.22:37–40; Мф.7:12). *В сию обою заповедю (о любви к Богу и ближнему) весь закон и пророцы вият. Вся, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им: се бо есть закон и пророцы.* Указывая существенное в законе и пророках, Господь через это возжигал свет в простом разумении, приступающем к слову Божию с ясным желанием назидания. После такого руководственного указания яснее становилось людям все то, что они встречают на страницах библии или слышат из уст разных учителей. После уразумения сущности дробные частности более или менее будут понятны для них.

Замечательны и знаменательны те обороты речи, в каких Господь приводил слова Писания. Желая дать разъяснение вопроса или подтверждение того или другого положения, Он; часто пользуется такой формой: *несте ли чли в законе или писаниях?* (Мф.21:46; Мф.19:4; Мф.12:3–5; Мф.22:31). *В законе что написано есть? Како чтеши?* (Лк.10:26). Такое обращение прежде всего свидетельствует о том, что Господь предполагал известным народу иудейскому все, что дано ему и написано в Откровении Божиим, что и должно быть в силу важности слова Божия. Такое же знакомство должно бы быть и у христианского народа, которому дано Евангелие, и для которого должно быть в высшей степени ценно все, что Богу угодно было сообщить людям, для их просвещения и нравственного исправления. Далее, такое обращение указывает на то, что Господь видел и других научал видеть в слове Божиим высшее решение всех вопросов и недоумений, какие могут занимать и беспокоить душу нашу, и к нему Он отсылал всех, ищущих для себя света истины и не ложного руководства в знании и практической жизни, – и это должно быть внушительным уроком для всех нас, в особенности для тех, кто, по званию служителей церкви,

обязан вести пасомых путем спасения и направлять к достижению высшего блага.

Нашими руководителями в способе проповедничества могут быть святые отцы – проповедники. У них мы должны учиться тому, как нам проповедовать, и какой характер давать своему проповедному слову. В своих проповедях святые отцы первее всего являются истолкователями священного Писания, и дух Евангелия, дух божественного Писания проникает и оживляет их слово. Когда они говорят и не на тексты Писания, перед их взором стоит авторитет откровенного слова Божия, высший всякого другого авторитета, и к нему обращаются они всякий раз, когда хотят утвердить и укрепить свое рассуждение, и дать ему силу убеждения. Читая их проповеди, вы видите и чувствуете, что не дух *мира* руководит ими и движет их мысль и сердце, а дух, *уже от Бога* (1Кор.2:12). И если мы, изъясняя и сообщая народу учение веры, часто обращаемся к святым отцам, и свидетельствами, заимствуемыми из их Писаний, уснащаем свое слово, мы тем самым как бы уловляем черты, какие должны быть выдерживаемы в характере церковного слова; потому что, кроме библейских писателей, святые отцы наиболее других исполнены духа Божия, и слово их дышит святыней веры и благочестия, чем они сильно действовали на сердца своих слушателей. Впрочем, не от внешних заимствований из отеческих писаний зависит соблюдение в проповеди отеческого, церковно-библейского духа, хотя и они могут иметь в этом случае некоторое значение. Гораздо важнее внутреннее сродство духа проповедника с тем духом, каким проникнуты писания святых отцов. А это сродство приобретается, когда проповедник питает себя их творениями, и в них ищет руководственных указаний для себя. Чем более знакомится он с ними, тем более может усвоиться им тот характер и тон, каким отличаются они, и какой желателен в церковной проповеди.

В иных проповедях, претендующих на современность, весьма редко встречаются библейские выражения, и проповедники, желающие принаравливаться ко вкусу и настроению современной интеллигенции, обращаются к библии

как бы нехотя. Они как будто боятся проронить текст, опасаясь, как бы этот текст не уронил достоинства их проповеди и их резонерства, в глазах людей, потерявших дух церковный, и привыкших в своей мысли руководиться не верой, а светской мудростью, почерпаной из журналов, не имеющих ничего родственного с христианством. Претит благочестивому слуху такое нарушение церковного приличия. Конечно, и при этом *такая* речь может заключать и раскрывать доброе, христианское учение, может найти в ней выражение сильная мысль, желающая доставить назидание слушателям, и преступления не совершает тот, кто говорит с церковной кафедры, вводя в свою речь элементы рациональный, светский и заслоняя им элемент священно-церковный. Преступления не совершает такой; но соблюдает ли он при этом то, что требуется от него церковным приличием, – святостью места и немирской, божественной силой того слова и учения, которое поручено ему передавать и сообщать народу? В священной одежде выходит на кафедру проповедник: хорошо-ли, прилично-ли ему в этой одежде говорить так, как говорит какой-либо светский писатель в журнальной статье?

Иные из проповедников свое редкое обращение к библии думают оправдать ссылкой на то, что библия в глазах наших современников, принадлежащих к так называемой интеллигенции, не имеет того авторитета, каким пользовалась прежде, и что доказательства из библии неубедительны для людей нашего просвещения, разошедшегося с верой. – В мире христианском, где должна быть твердая вера в Откровение, и в церкви, где читается для назидания верующих слово Божие, не должно бы быть подобных отговорок. А если они и имеют некоторую долю фактической правды, то и тогда не могут быть извинением для проповедника, пренебрегающего библейскими доказательствами. Для него самого библия должна иметь значение первостепенной важности, и он должен выше всего ценить эту книгу книг, с которой не может идти в сравнение ничто, написанное рукою человеческой, под воздействием естественного разума. Если есть и замечается неуважение или только недостаточное уважение к библии, проповеднику не

приспособляться нужно к этому неуважению, а напротив следует со всей силой показывать свое благоговение перед этой святою книгой, от Бога нам данной, и своим примером внушать другим признание её высокого достоинства. Притом неуважение к библейскому слову происходит больше от малого знакомства с ним: раскройте эту божественную книгу перед людьми, которые, может быть, ни разу не раскрывали её, представляйте из неё умелой рукой сокровища знания и божественной мудрости, и побеждено будет ничем не оправдываемое невнимание к ней. Нам припоминается давно когда-то читанный поучительный рассказ, заимствованный из французской литературы. Один невер, никогда не раскрывавший библии, во время путешествия должен был остановиться в провинциальной глуши на одном постоялом дворе или в бедной хижине простолюдина. Коротая время в невзрачной хижине, он увидел на столе маленькую замасленную книгу, и перелистывая ее, заинтересовался ею, и познакомившись с её содержанием, захотел непременно приобрести ее. Он просил хозяина хижины уступить ему эту книгу, и предложил ему за нее ценную золотую монету, сказав при этом, что он много книг читал, а такой хорошей не встречал. А эта книга была Евангелие. Случайно раскрыл эту книгу невер, и она сразу поразила его высотой и достоинством своего содержания, и он готов был дать за нее какую угодно цену.

В речи о характере проповедей, когда первой отличительной чертой его мы выставляем библеизм и церковность, сам собой возникает вопрос о том, *как, в каком тексте*, – *русском или церковно-славянском* нужно приводить слова Господа и вообще изречения, заимствуемые из священного Писания. Современная проповедническая практика настоятельно ставит на очередь этот вопрос людям, интересующимся делом проповедничества, и нам следует на нем остановиться. Многие, и уважаемые и высоко-авторитетные люди, в последнее время русский текст предпочитают церковно-славянскому, и им пользуются, приводя тексты священного Писания, и это не только тогда, когда место из священного Писания является не вполне вразумительным для

немудрого слушателя, но и тогда, когда это не вызывается нуждой, когда церковно-славянский текст совершенно ясен, без переложения его на русское наречие. А иные даже считают это совершенно необходимым, и стараются доказывать, что употребление в проповеди церковно-славянского языка, при приведении библейских мест, совершенно неуместно, противно самому понятию проповеди, как народной и современной формы слова Божия. Мы встретили в одной книге, посвященной уяснению некоторых вопросов гомилетики, такое выражение: „Говорить в проповеди русскому народу на славянском языке и даже приводить на этом языке хотя бы только изречения священного Писания – это значит давать слушателям камень вместо хлеба (едва-ли уместно приведенное здесь библейское сравнение) и вносить мрак в то, что есть средство религиозного просвещения, для многих русских единственное. Русский народ (будто) славянского языка не понимает“⁸⁰.

Мы держимся совершенно противоположного мнения, и считаем употребление церковно-славянского языка в проповеди, при приведении текстов священного Писания, не только уместным, и не только предпочитаем употребление его в проповеди при текстах священного Писания употреблению русского перевода, но даже считаем церковно-славянский текст в этом случае наиболее приличным и даже необходимым. Этого требует то благоговейное уважение, какое мы должны всегда иметь и питать к слову Божию. Божественное слово нужно отличать и внешним образом от нашего обычного слова или говора. Церковно-богослужебный язык для него то же самое, что священное облачение для служителя церкви, совершающего то или другое священнодействие. Было бы странно и послужило бы явным нарушением церковного приличия, если бы кто-либо дерзнул совершать богослужение в простом, не церковном костюме. Не то же ли нарушение церковного приличия происходит тогда, когда с библейского слова в церковной проповеди мы снимаем священное облачение церковно-богослужебного языка и передаем его в том наречии, каким ведем свои домашние беседы? Когда божественное, библейское слово мы передаем обычным

говором или тем языком, каким выражаем свои мысли, мы через это как бы равняем его со своими собственными умствованиями, и слушателю нашему не сразу можно отличить, что наше, а что Божие. Но вы приведете текст в священном облачении церковно-богослужебного языка, тотчас же всем будет видно, что это не простое наше слово, а слово, отмеченное высшим божественным характером. Мы же обыкновенно отличаем в своих рукописных сочинениях библейские тексты от наших речей и рассуждений, подчеркивая их, а в печати употребляя для них особый курсивный шрифт. Церковно-славянское облачение для библейского текста, служа к отличению его от нашего простого рассуждения и к возвышению его над нашим обыденным словом, вместе с тем служит выражением нашего благоговения к нему, какое подобает иметь к божественному слову пастырям церкви и проповедникам. И народ наш, привыкший слушать слово Божие при богослужении на церковно-славянском языке, питает особенное благоговение к нему именно в этом священном облачении, и мы полагаем, что лучшая, благочестивая часть его, преданная церкви, если не оскорбится прямо, когда будет слушать в церкви библейские тексты в обыкновенной русской речи, то несомненно почувствует нечто режущее его слух, от простого, бесцеремонного отношения к чтимой святыне. И не даст ли это нашим раскольникам, держащимся старых преданий, повода обвинять нашу церковь в уклонении её на такой путь, который ведет к омирщению духа, каким руководятся её члены? И нам приходилось слышать подобные нарекания; – и опасения, нами высказываемые, – не наша выдумка. В особенности мало мирится благочестивый слух, когда приводят не на церковно-богослужебном языке, а на русском наречии, слова Господа Иисуса Христа. Простому невзыскательному разумению христианина понятно, как приличнее сказать: *жено, что плачешу? кого ищешу* (Ин.20:15) или: женщина, что ты плачешь? кого ищешь? А между тем, по приведенному нами мнению, приведший эти слова Господа по церковно-славянски подает народу камень, а передавший их по-русски подает хлеб. Говорят, что народ наш не понимает

славянского языка, и потому ему необходимо передавать библейские тексты в русском наречии, Мы не можем принимать этого положения во всей его силе. Наш народ, напротив, любит церковно-славянский язык и понимает его. К нему он привыкает в церкви, постоянно слыша на нем молитвы и песнопения, и в прежнее время со славянской грамоты начиналось его учение, и первыми книгами, какие наиболее были в его употреблении, служили часослов и псалтирь, и ныне он с охотой слушает жития святых на славянском языке из Четых-Миней святого Димитрия ростовского. Мы обращаемся к главной священной книге – Евангелию, и нам кажется, в ней нет ничего, что в славянском тексте было бы непонятно не только для мало-мальски образованного человека, но и для всякого и неученого, малограмотного христианина. Не спорим: есть места в священном Писании неудобовразумительные в славянском тексте. Для таких неудобовразумительных мест, конечно, по требованию нужды, для облегчения их понимания, можно допускать русский текст. Но таких мест сравнительно не так много. И в этом случае для соблюдения церковного приличия, можно бы сначала привести славянский текст, а потом уяснить его, переложив его на русское наречие, и это последнее переложение будет иметь значение перифраза или толкования, вызываемого неясностью славянского текста. Встречаются неудобовразумительные места в священном Писании, на каком бы языке ни приводить их, как свидетельствует св. апостол Петр, который говорит, что в посланиях апостола Павла *суть неудобь разумна некая* (2Пет.3:16). Когда проповеднику приходится приводить такие места, его неременный долг дать им надлежащее объяснение. Пусть таким же объяснением сопровождается и славянский текст того или другого библейского места, когда, по разумению проповедника, смысл его для многих может показаться темным.

Церковно-славянский текст, по выражению автора книги: „По вопросам гомилетики“, камень, который предлагают народу, вместо хлеба, проповедники, приводящие на нем библейские места, а русский текст – это хлеб, который должен быть предлагаем народу, и который один может быть удобоприемлем

и понятен для него. Чтобы быть последовательным, автор, пожалуй, станет требовать замены русским языком церковно-славянского языка и при совершении богослужения. Ведь руководствуясь его логикой, мы должны сказать, что церковь, предлагая при богослужении молитвы и песнопения на славянском языке, подает народу камень вместо хлеба; так как, по его мнению, славянский язык не понятен для народа, – не понятен как в проповеди, так равно и в богослужебных молитвах и песнопениях. Но если бы кем-либо предпринято было изменение церковно-богослужебного языка и предписано было совершение богослужения на русском языке, на который переложены бы были наши богослужебные книги, – то от этого произошло бы в том народе, для которого бы это делалось, большее смущение, чем какое было во времена Никона, при исправлении церковно-богослужебных книг. Нет, повторим мы, наш православный народ любит церковно-славянский язык, и вы будете говорить и действовать не в его духе, когда будете предлагать ему божественное слово обыденным языком, а не в облачении церковно-богослужебного текста.

В подтверждение нашего мнения мы можем привести исторические справки. Есть свидетельства, записанные в истории, из которых видно, что текст Писания, освященный церковным употреблением, всегда пользовался особенным уважением у народа, и что благочестивый слух многих оскорблялся, когда священные слова, взятые из библии, произносились перед народом с церковной кафедры не в той форме и не в той оболочке, в какой они привыкли слышать его в церкви. Раз епископ Трифиллий осмелился изменить в тексте Евангелия: *возьми одр свой* слово τὴν κλίνην и заместить его другим словом, которое казалось ему благозвучнее. Спиридон, епископ кипрский, в присутствии многих епископов и в виду всего народа с сильным укором обратился к Трифиллию за такое самоволие. „Ужели ты, сказал Спиридон, лучше того, кто сказал: τὴν κλίνην, когда стыдишься пользоваться его словами“⁸¹? И блаж. Августин сообщает в письме к Иерониму об одном епископе в Африке, что, когда он прочитал место из пророка Ионы не так, как оно читалось в тексте, тогда

употреблявшемся в церкви, то подвергался опасности от негодования возбужденного народа, оскорбленного изменением текста, и едва не прогнан был с кафедры, и был бы прогнан, если бы не обещал впредь быть осторожнее и не позволять себе отступлений от принятого в церкви текста священных книг⁸².

Против нас или против нашего мнения выставляют современные авторитеты, которыми защищают новый обычай приводить тексты в проповедях на русском языке. Но мы, со своей стороны, этим современным авторитетам можем противопоставить другие авторитеты более значительные, которые неодобрительно относятся к этому обычаю. Покойный митрополит московский Филарет более других содействовал переводу священного Писания на русский язык, но не смотря на это, он для церковной проповеди считал неудобным и неприличным употребление этого русского перевода, при приведении библейских текстов. „В церковных поучениях (говорит он) тексты священного Писания должны быть приводимы по существующему славенскому переводу. Такое приведение может сопровождаться изложением текста на русском наречии, если то нужно по свойству текста, или по степени образования слушателей“⁸³.

Заслуживает еще внимания мнение о значении церковно-славянского и русского текста нового Завета и вообще библии Ильминского, известного деятеля по образованию инородцев, заботившегося о переводе священного Писания на инородческий язык. Славянский текст библии он решительно предпочитает русскому, и по свидетельству Листовского⁸⁴, в письме к К. П. Победоносцеву, выражал глубокое сожаление о том, что „у нас в духовенство всосалось пренебрежение к славянщине; готовы все по боку. Поэтому-то мне еще сильнее и настоятельнее желательно напечатать редакцию Четвероевангелия (на древне-славянском языке); авось хоть этой искрой затлеется угасающее чувство родного славянского и православного нашего дела“. Он указывал на одну статью журнала „Вера и разум“, где приведено рассуждение протестанта, лучше многих из нас понимающего значение

церковности для России. „Самая опасная для русской церкви сила – это новый Завет на русском языке (представляет тот протестант). С того времени, как дозволено распространение этой книги, борьба церкви против разлагающего движения делается с каждым годом тяжелее, и если ей не удастся это, то всякое внешнее давление на отдельных личностей и их религиозные отправления останутся напрасными“... Из вышеприведенной выписки (делает замечание Ильминский) становится понятным: почему иностранные миссионеры с такой настойчивостью распространяют русский перевод библии и нового Завета; трудно-де понять, с какой стати мы, русские, так усердно содействуем их видам. Если православные миряне, пленяясь, благодаря ясному русскому изложению, содержанием Евангелии и вообще библии, принимают русский перевод и бросают текст славянский, то они порвали уже связь с православной церковностью“⁸⁵.

После всех наших указаний, мы выставляем такое общее правило касательно того, на каком языке нужно приводить тексты священного Писания в проповедях, предписываемое церковным приличием: слова Господа Иисуса Христа и все заглавные тексты, ставимые в начале проповеди, непременно и обязательно нужно приводить на языке церковно-богослужебном. Если не обязательно, то в высшей степени желательно, для соблюдения церковного приличия, чтобы и прочие места Писания, к каким проповедник обращается при развитии темы своей проповеди, тоже приводимы были на языке церковно-славянском. Исключение может быть допускаемо только тогда, когда место Писания в славянском переводе может показаться мало вразумительным для слушателей. Но и в этом случае лучше привести церковно-славянский текст, а потом, как наставляет московский митрополит Филарет, сопроводить его, для уяснения его, приведением его на русском наречии.

Особые требования, в силу церковно-библейского характера, какой должен быть соблюдаем в проповеди, должны быть предъявлены по отношению к внешнему изложению проповеди вообще. Конечно, проповедник должен говорить

чистым и правильным языком, которым говорят и пишут в современном образованном обществе. Здесь мы не должны допускать нарушения обще-литературной чистоты речи. Но это далеко не все, выполнения чего требуется от проповедника. Язык проповеднический должен иметь свои специфические особенности, которые оттеняют и отличают его от того языка, каким пишутся светские сочинения и журнальные статьи. Не наша только гомилетика, но и иностранные, язык церковной кафедры отличают от обще-литературного языка, и отличительной чертой языка церковной кафедры считают библеизм или священную важность речи. Этого требует, во-первых, свойство тех предметов, о которых говорит проповедник. Эти предметы – предметы высокие, заимствуемые из божественного учения, внушающие к себе у верующего благоговение. Можно ли говорить о них таким хлестким, развязным языком, каким пишутся газетные фельетоны! Уместны ли здесь какие-либо шутки, побасенки, анекдоты сомнительного качества, нечистоплотные сравнения? Допустима ли на церковной кафедре такая распушенность речи, какой, нисколько не стесняясь, рассыпается иной светский писатель? Строгости, особенной выдержанности и священной важности языка требует от проповедника, во-вторых, высота цели, какую он должен преследовать, далее святость того места, именно храма Божия, в котором он выступает со словом назидания и, наконец, самое служение его, как посланника Господа Иисуса Христа, повелевшего апостолам, а в лице их всем преемникам их служения – пастырям церкви учить народы блюсти все, что заповедал Он. Проповедник должен всегда чувствовать и сознавать, что он не мирской, не светский учитель, а учитель церковный, возвещающий не свое учение, не свои умствования, а веру, данную свыше и хранимую в церкви, и выступающий со словом назидания, во имя Божие, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, как обыкновенно говорится ныне перед началом каждой проповеди. Как же проповедовать во имя Божие, и в то же время позволять себе несдержанную вольность и распушенность языка, ставящую проповедь в ряд с какой-либо неопрятной журнальной статьей? Жибер, один из

лучших гомилетов французских, для церковной кафедры находит наиболее приличным стиль возвышенный и советует проповедникам ставить образцом для себя пророков. Пророки (говорит он), при всем различии, какое замечается между ними, все равно возвышены; потому что все говорят от имени Божия, все возвещают великие истины, и все имеют в виду устрашить, тронуть, обратить. В их писаниях должно учиться тому истинному стилю, который наиболее отвечает требованиям церковной кафедры и характеру проповедника⁸⁶.

Когда мы говорим, что проповеди наиболее приличен стиль возвышенный, могут подумать, что мы рекомендуем проповедникам стиль напыщенный, уклоняющийся от простоты речи, и могут заметить нам, что наиболее нужна для проповеди удобопонятность речи, чему наиболее содействует простота и ясность выражения. Но истинная высота стиля не нуждается в каких-либо искусственных прикрасах: она вполне может быть соединяема с простотой речи, только чуждой всякой тривиальности, и даже требует такой простоты речи, чистой и ясной. Поучительным образцом для нас в этом отношении должны служить речи Господа Иисуса Христа, записанные в Евангелии. „Обратите внимание (говорит Фенелон) на речи Господа Иисуса Христа: в них Он и прост, и вместе возвышен. Трудно, даже прямо невозможно, указать какого-либо проповедника, который бы в своих речах, изготовленных со всевозможной тщательностью, мог говорить так просто и возвышенно, как Господь Иисус Христос“⁸⁷. И слово апостолов отличается простотой, но с этой простотой сохраняется благородство и особая возвышенность речи. Все у них просто, и вместе живо и трогательно. Не внешняя оболочка дает возвышенный характер речи, а то настроение, благоговейное и святое, в каком должен быть проповедник, излагающий и изъясняющий народу слово Божие или высокое учение веры.

Характерную и, отличительную черту, проповеднического языка гомилеты отмечают именем библеизма, и в этом библеизме языка видят особенное достоинство проповеднического выражения не только наши и римско-католические гомилетики, но и протестантские, свободнее

относящиеся к требованиям церковности, чем православные и римско-католики. Прекрасное объяснение этого слова или указываемого им свойства проповеднического языка дает Жибер в своей, уже цитированной нами, книге „О христианском красноречии“⁸⁸. „Название („библеизм языка“) означает то, что проповедник свой язык, образ своего выражения должен стараться приближать к священному языку библии. Священное Писание и творения отцов, питавшихся духом библии, должны быть для него главным источником, откуда он может черпать выражения, обороты, образы и сравнения. От этого заимствования библейских и отеческих оборотов и выражений язык проповедника получает священную важность, которая не остается без доброго действия на сердце слушателя. Чувствуется какая-то особенная благодать, особенное и таинственное помазание в этом языке, который напоминает собой язык библии, и никакой другой язык не может произвести в храме Божиим такого впечатления на сердце слушателя, как этот язык, отмеченный печатью божественного помазания. Да и можно-ли говорить о предметах христианских, забывая или умалчивая о том, как говорил о них Господь Иисус Христос? Можно ли говорить о предметах божественных не так, как говорили о них богодухновенные писатели? Не будет ли это святотатством снимать с этих священных предметов ту одежду, какую они имеют в Откровении, и представлять их народу в новой одежде, отличной от одежды библейской? Иисус Христос представлял истину под образами, какие находил нужным употребить Его божественный дух, и к каким с благоговением относились лучшие представители веков и народов, – а проповедник хочет представлять их иначе, как бы думая, что его образ представления и выражения будет лучше! Никто не знал и не знает так сердца человеческого, как Господь Иисус Христос, и никто лучше Его не мог приближать к пониманию народа великие и священные истины. Евангелие – великая руководственная книга для проповедника даже по отношению к образу изложения мыслей: ни одно слово, и ни один слог, ничто, вышедшее из божественных уст Господа, не должно ускользать

от его внимания, и он должен углубляться в эту божественную книгу и научиться из неё“.

Другой гомилет (Теремин), которого руководство „Die Beredsamkeit eine Tugend, oder Grundlinien einen systematischen Rhetorik“ включено в состав издания „Библиотеки богословских классиков“, предпринятого протестантскими богословами, как лучшее сочинение по гомилетике, – выставляет на вид то, что в церковном красноречии не все сделано, если язык проповеди ничем не отличается от языка образованного общества, но что здесь, соответственно особому роду духовного красноречия, уместен, и даже необходим особый язык, – именно библейский. „Если библейские образы и выражения вплетаются в изложение не для пополнения пустого пространства, но употребляются к месту, с сохранением их достоинства и силы, тогда они являются в высшей степени соразмерным и самым действительным средством к возбуждению священного эффекта. Язык библии никогда не стареется, и он предлагает многие знаменательные выражения для означения разнообразных состояний души и жизни, из которых иные вошли в язык обыденной жизни и являются в виде народных общеупотребительных присловий. Великое преимущество библейского языка состоит еще в том, что в нем выражения одинаково служат и разуму и чувству, а не отдельно иное для разума, другое для чувства, как в человеческих представлениях. Библейское слово как бы луч, дающий свет и теплоту, из ума проникающий в сердце: если какое слово, то именно библейское может согреть и воспламенить всего человека“⁸⁹.

В нашем светском обществе есть немало ревнителей чистоты русского литературного языка, которые неблагоприятно смотрят на особенности, замечаемые в языке церковной кафедры, отмеченные печатью библеизма. Иные из них, представляя исковерканные карикатурные образцы речи, якобы церковно-проповеднической, приправленные славянщиной, подвергают ее издевательству. Они хотели бы сгладить все особенности языка проповеднического, хотели бы изгнать из него все славянские элементы, которые сами собою вторгаются

в речь, посвященную церковно-религиозным предметам. Зачем, говорят, проповедникам уклоняться от общелитературного языка? Пусть каждый из них говорит и пишет так, как говорят и пишут светские писатели. И находятся проповедники, которые, волей или неволей, подчиняются этому мнению, стараясь приравнять свою речь к обыкновенному языку светских сочинений, избегая церковно-славянских выражений, и вместо них пересыпая свою речь иностранными словами, какими пестреет, часто совершенно без нужды, язык светских писателей. По нашему мнению, иностранные слова, часто непонятные для простых слушателей или читателей, гораздо более вредят чистоте русской речи, чем идиотизмы славянского языка, которые более родственны нашему русскому языку, чем иностранные слова и выражения, насильственно и незаконно вводимые в лексический состав русского языка. Нам, проповедникам, нет нужды подчиняться вкусу или, точнее, безвкусию светских критиков, заявляющих свои притязательные требования по отношению к характеру речи проповеднической, а нужно сохранять свое достоинство и в способе выражения или во внешней оболочке своих мыслей. Амфитеатров совершенно справедливо говорит, что „употребление выражений, взятых из церковно-славянского языка легко можно согласить с духом и чистотой современного, отечественного языка: он не противоречит ни аналогическим, ни идиолектическим свойствам нашего отечественного языка; потому что взаимный союз родства между ними заключен еще в древние времена и укреплен веками... Весьма много слов из языка церковно-библейского уже давно перешло и доселе переходит в народ, без ведома грамматиков и филологов, и сии слова получили здесь непобедимое право гражданства“. Развивая далее свою мысль, Амфитеатров замечает, и мы совершенно согласны с тем, что „переводимый в народ, язык церковно-библейский может языку отечественному сообщать особенное величие, естественность и богатство“⁹⁰. Печать библеизма и церковности, заметная в языке проповедника, отнюдь не портит его речи, а придает ей особенную силу и красоту, так приличную в

церковном слове, и приятно воспринимаемую благочестивым слухом.

По Амфитеатрову, слова библейские необходимо должны встречаться в проповеди, как первооснования слога проповеднического, по самому свойству тех предметов, о которых говорится в церковной кафедре, и они необходимо встречаются во всякой благочестивой беседе. Для проповеди эти своего рода технические слова, соответствующие техническим словам какой-либо науки, без которых не может обойтись она, и приличие церковное давно узаконило их, как слова: *благодать*, *грехопадение*, *похоть плоти*, *таинство* и т. под. Мы не думаем, чтобы кто-нибудь стал спорить против того, что в проповеди приличнее сказать: *чело*, чем *лоб*, *ланины*, чем *щеки*, *одр болезни*, чем *постель*, *рамена*, чем *плечи*, *уста*, чем *рот*. „Что было бы, например, (говорит Амфитеатров), если бы мы, подражая языку светскому, вздумали священное слово *благодать* заменять светскими грациями, харитами, прелестями? Что же была бы за речь, когда бы мы стали вместо *Господь Иисус* говорить *господин Иисус*, вместо *владыка* употреблять *боярин*, вместо *ах*, *братие* – *ах*, *братцы*, вместо *самоумерщвление* – *самоубийство*, вместо *крещение* – *купание*, вместо *таинство* – *секрет*, вместо *чудо* – *диговинка*, вместо *песнь* – *песня*, когда бы *гортань* заменили *горлом* или *глоткой*, *жезл* – *палкой*, *меч* – *шпагой* и т. д. и т. д.⁹¹ Нам раз пришлось быть свидетелем такой неожиданной выходки проповедника: выступает в храме на кафедру в священном облачении человек, очевидно бывший на современность и желающий угождать светскому вкусу, говорит: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, и тотчас же после этих слов делает такое обращение к слушателям: *милостивые государыни и милостивые государи!* Такие слова, с апломбом произнесенные с церковной кафедры, у многих слушателей возбудили смех, а у других горькое сожаление о грубой бестактности проповедника, служащей выражением крайнего неприличия. Но нашлись люди (и мы потому только упоминаем об этой странности, допущенной проповедником), которые говорили, что в таком обращении, хотя бы с церковной кафедры, нет ничего странного и

неприличного. От чего де не допустить в церковной речи того, что принято в образованном светском обществе, и что узаконено лучшими светскими ораторами?... Мы считаем излишним доказывать всю неосновательность подобного мнения и все неприличие введения таких светских замашек в церковную проповедь. Так очевидна для всякого, не потерявшего совершенно церковного духа, нелепость подобных светских обращений. Но критики, нападающие на обособленность проповеднического языка, пожалуй, могут довести иных проповедников, желающих быть модными, до того, что они к своим слушателям станут обращаться, вместо принятого в проповедническом языке слова: *братие*, со словами: милостивые государыни и милостивые государи, как принято у светских ораторов.

II. Популярность проповеди

Другое коренное свойство, каким должна отличаться проповедь, – *популярность* проповеди.

Говорить популярно значит говорить или излагать учение народу полным открытым словом, для всех доступным и удобоприемлемым. Понятна необходимость такого свойства речи проповеднической. Церковный учитель предлагает народу сокровище божественной истины, – предлагает с тем, чтобы народ воспринял его и воспользовался им. Было бы противно цели и назначению проповеди, если бы назидание, в ней предлагаемое, сообщается было народу в таком виде, что он затруднялся бы принять и понять его во всей целостности. Было бы далее со стороны проповедника признаком невнимания к народу, пожалуй, несколько обидного для него, если бы проповедник в своей речи, обращенной к народу, не сообразовался со степенью восприимлемости слушателей. Если малейшая частная тень заслоняет перед взором народа то, что хочет дать или сообщить ему проповедник, – это уже недостаток проповеди, и нарушение коренного требования, обращаемого к проповеднику.

Проповедник возвещает или должен возвещать народу учение евангельское. Отличительное свойство этого учения то, что оно учение всенародное, всем данное, общегодное. Господь повелел апостолам: *шедше научите вся языки* (Мф.28:19). Посылая дванадесять апостолов на проповедь, Он говорил им: *еже глаголю вам во тме, рцыте во свете, и еже во уши слышите, проповедите на кровех* (Мф.10:27). Речь во свете, передающая сказанное во тме, и проповедь, возглашающая на кровех слышанное дома в уединении, заповеданная апостолам, а в лице их и всем последующим служителям церковного слова, есть именно речь популярная, всем понятная, для всех удобоприемлемая. Словами, выше приведенными, Господь всем провозвестникам Евангелия внушает обязательно так передавать учение, им порученное, чтобы каждый из народа всецело мог воспринять его.

Популярность, таким образом, сколько желательное, столько и необходимое свойство проповеди. Между тем на практике, в действительности, полная совершенная популярность встречается весьма редко, и её часто мы не находим в произведениях самых выдающихся проповедников. Общегодная, для всех данная, христианская истина, прежде чем излиться в слове проповедника, проходит через горнило его сознания, и он передает ее в такой форме, какую образует и дает ей работа его мысли. И вот часто эта форма, сплетенная работой мысли проповедника для передачи народу истины евангельской, не дает ей надлежащего света, и заслоняет ее так, что для многих из слушателей она не является вполне ясною, и не воспринимается ими во всей целости, а иногда проносится мимо ушей их. Жибер в своей прекрасной книге „Христианское красноречие в идее и практике“⁹², выставя популярность изложения, как одно из необходимых качеств проповеди, с сожалением говорит о том, что этого качества нет в проповедях большинства проповедников, даже самых отличных, пользующихся наибольшей репутацией. „Они говорят вещи всегда разумные, всегда христианские, и излагают их языком чистым, изящным, благородным и возвышенным. Чего же недостает им? Недостает того, чтобы они говорили популярно... Проповедник имеет перед собой многочисленную аудиторию; его в молчании слушает, можно сказать, весь мир, то есть, лица всяких возрастов, званий, состояний и степеней образования, и образованные между ними составляют меньшинство. Между тем многие думают об этих образованных, и их вкусу и запросам хотят удовлетворять, когда составляют свои проповеди. Но тот не приобретет репутации великого проповедника, кто хочет говорить для людей образованных и ученых. Ученые и образованные не составляют большинства, а необходимо говорить большинству, – всему народу, чтобы заслужить у него титул великого оратора“.

Что же должен соблюдать проповедник, во исполнение закона популярности?

Требования закона популярности очень широкие. Часто ограничивают эти требования одними свойствами языкового

изложения. Но такое узкое понимание закона популярности не отвечает существу дела. Требования закона популярности касаются: 1) содержания проповеди, 2) образа представления и раскрытия мысли и наконец 3) языкового изложения.

Содержанием проповеди служит евангельская или христианская истина, понимаемая во всей её широте. Эта евангельская истина, составляющая предмет проповеднических изложений или речей, обладает совершенной прозрачностью, и ясна не только для образованного человека, но даже и для младенческого, мало развитого ума. Такой она является в устах божественного Учителя Господа Иисуса Христа, Который должен служить для нас образцом в деле исполнения учительского долга. Учение, Им преподаваемое народам, при всем своем величии и высоте, для всех понятно, для всех впечатлительно, и нет в нем никакой тени, возбуждающей сомнение или затрудняющей понимание. Берите из этой сокровищницы то, что прямо открывается перед вашими глазами, но не утруждайте себя изысканием каких-либо особых утонченных тем, с целью заинтересовать людей более или менее образованных.

Один может быть верный указатель того, что лучше всего, сообразуясь с законом популярности, выбирать для назидания народа из широкой и многообъемлющей истины христианской, – это точное знание нужд и духовных потребностей народа, и безошибочное представление его религиозно-нравственного состояния. Разъясняйте народу то из христианского учения, что мало знакомо ему, или что неправильно понимается им. Направляйте свое слово против тех недостатков, какие замечаете в среде, окружающей вас. Если этой среде угрожают какие-либо заблуждения, идущие от внешних, или уже вторгаются в нее и омрачают её религиозное сознание, – неременный долг проповедника предохранять от этих заблуждений паству, для которой проповедник является учителем и руководителем, и рассеивать ложь, затемняющую умы верующих.

Иные из проповедников не хотят довольствоваться простым учением о предметах веры, а ищут новых материй для своих

поучений; потому что (говорят) избитые, всем известные, вещи, излагаемые заурядным образом, не интересно слушать, и проповедь такого рода не производит впечатления на слушателей. Но проповедь говорится не для того, чтобы доставить услаждение тому или другому из слушателей и удовлетворить изысканной пытливости их. Она предлагает доброе назидание слушателям и указывает им путь спасения. Беды нет в том, если указание пути спасения повторяется не раз и не два, особенно, если заметно уклонение от него в той среде, которой предлагается учение. Святой Иоанн Златоуст нисколько не стеснялся, а, напротив, находил нужным несколько раз говорить своим слушателям об одном и том же, когда видел, что его внушения мало действуют на них, и они не исправляются от его увещаний. „Хотя я и вчера и третьего дня говорил вам об этом предмете (избежании клятв), – читаем мы в его пятой беседе о статуях – однако не перестану и сегодня, и завтра, и послезавтра внушать то же. И что говорю, – завтра или послезавтра? Не перестану, пока не увижу, что вы исправляетесь. Если уже преступающие закон не имеют стыда, тем более мы, внушающие не преступать закона, не должны стыдиться постоянного увещания об одном и том же. Постоянное напоминание об одном и том же зависит не от говорящего, но от слушающих, которые требуют непрерывного наставления в простых и удобоисполнимых делах⁹³. В другой беседе (двенадцатой) он опять высказывает то же самое: „Хочу опять поговорить с вами о клятвах, не стыжусь. Не тяжело мне говорить вам и день и ночь одно и то же, но боюсь, чтобы, проследив за вами столь много дней, не обвинить мне вас в великой беспечности тем, что нужно вам постоянно напоминать о таком великом деле. Да не только стыжусь, но и боюсь за вас; потому что непрерывное наставление внимательным полезно и спасительно, а нерадивым вредно и опасно“⁹⁴. Если святой славный отец, величайший из всех христианских проповедников, нисколько не стеснялся и даже находил нужным много раз говорить об одном и том же предмете перед своими слушателями, напоминать им об одном и том же правиле, в видах исправления нравов и искоренения дурных обычаев, то

почему не следовать его примеру другим заурядным проповедникам? Зачем искать новых, необычных материй, не указываемых прямо евангельской истиной?

Учение христианское учение древнее, данное божественным откровением и неизменно хранимое в церкви, но вместе с тем учение никогда не стареющее: оно полно силы во всей своей простоте. Изысканность, старающаяся блеснуть здесь искусственностью и оригинальностью, здесь вещь неудобная. Берите учение готовое и разъясняйте его, зовите к суду его явления жизни, перед вами раскрывающейся, исправляйте и укрепляйте его разъяснением веру и поведете христиан. Вот задача, выполнение которой первый и главный долг проповедника. В принятии и преподавании готового данного учения не затруднение для проповедника, а прямая выгода для него. Святой Григорий Двоеслов в своем *Пастырском правиле* касательно этого предмета, дает проповедникам слова Божия такое доброе наставление: советуя и предписывая проповеднику тщательно обдумывать то, что он хочет предложить слушателям, святой отец говорит при этом, что „главное старание его здесь не туда должно быть направлено, чтобы изобрести что-нибудь особенное и интересное, или поразить слушателей неслыханной мудростью, заповедуя ему *не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовати* (Рим.12:3). Во что веруют все христиане, что все должны знать, – только то он должен раскрывать перед ними. Первая его забота, при обдумывании проповеди, должна быть о том, чтобы какой-нибудь неправославной мыслью не возмутить и не оскорбить совести слушателей. В противном случае он, стараясь показаться мудрейшим, расторгнет только союз единства, и тем лишь больше выкажет свое неразумие“⁹⁵.

Если что новое может быть допустимо в проповеди по отношению к её содержанию, и даже желательно в ней для большей её действенности, то это не новость учения, а некоторая живость или новость представления и раскрытия религиозных истин, всем более или менее известных. Эта новость состоит в том, чтобы в проповеди видна была печать личного, самостоятельного труда проповедника, печать личной

мысли и личного чувства. Для этого нужно, чтобы истина христианская не была для проповедника сухим мертвым материалом, заимствованным из книг, а чтобы она была пережита, перечувствована им и проникала все существо его души. Тогда в его слове не будет бесцветного повторения чужих мыслей, а в нем будет чувствоваться новая живая сила, – отголосок живой души, износящей святую истину из внутренней лаборатории своего сердца, и старому будет дано новое освещение, служащее отражением пережитого опыта.

В силу закона популярности проповеднику не следует поднимать на церковной кафедре утонченные богословские вопросы и занимать внимание слушателей рассуждениями о таких предметах, о каких спорят и рассуждают люди ученые в школе и в печати. Кафедра церковная не то же, что кафедра школьная, профессорская. Уместное и нужное на кафедре школьной может оказаться непригодным для кафедры церковной. Кафедра церковная существует не для суждений о предметах чистого теоретического знания: она имеет специальную цель, вводить в жизнь христианские начала, направлять людей на путь спасения и руководить их к нему. В угоду людям образованным иные из проповедников решаются предлагать на церковной кафедре такие мудреные изложения, которые напоминают собой ученые трактаты или школьные лекции. Но проповедник всегда должен представлять, что он говорит не перед избранной публикой, а перед народом, в котором больше простых людей, чем людей образованных, интересующихся вопросами высшего знания, хотя бы и богословского. Да и сами образованные едва-ли получают удовлетворение, если бы перед ними в храме, куда они являются по побуждению религиозного чувства, ища здесь того, что питает душу, жаждущую спасения, станут разглагольствовать о вопросах утонченного свойства, не имеющих прямого непосредственного отношения к делу нашего спасения, и будут показывать перед ними школьную ученость. Для рассуждений о предметах высшего знания должна быть другая обстановка и другое место, и это могут чувствовать все

образованные, когда им предлагается, вместо спасительного слова веры, ученое рассуждение.

Наше положение о том, что на церковной кафедре нужно избегать спорных, трудных и отвлеченных материй, мы можем подтвердить наставлением святого апостола Павла. Апостол предписывает Тимофею, а в лице его и всем христианским учителям, *уклоняться от стязаний и словопрений, а держаться здравых словес Господа нашего Иисуса Христа и учения, еже по благоверию (1Тим.6:20,3)*. К этим стязаниям и словопрениям относятся ученые изыскания, которые подвергаются разбору и вызывают разногласие мнений в трудах людей школы. Суть бо такие изыскания, вызывающие споры, по слову Апостола, *не полезны и суетны (Тит.3:9)*. Апостол советует соблюдать в учении чистоту, степенность, неповрежденность, и возвещать слово здоровое, не зазорное, слыша которое противник ничего не мог бы сказать о нас укоризненного (*Тит.2:7–8*). В чем состоит это слово, здоровое и не зазорное, Апостол объясняет далее, когда говорит: *явися благодать Божия, спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце, ждуще блаженного упования и явления славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже предал себя за ны, да избавит ны от всякаго беззакония и очистит себе люди избранны, ревнители добрым делом...* Указавши сущность спасительного учения веры и благочестия, Апостол прибавляет: *сия глаголи, и моли и обличай со всяким повелинием (Тит.2:11–15)*.

Наставление Апостола держаться в проповеди Евангелия простого и здорового слова и избегать всяких ухищрений и мудрований подтверждается примером его собственного благовествования, и этот пример должен быть сдерживающей силой для людей, желающих выносить на церковную кафедру трудные ученые вопросы.... Христос послал меня (говорил он) благовествовать *не в премудрости слова*, чтобы не упразднить креста Христова. И когда приходил я к вам, братие (пишет он Коринфянам), приходил возвещать вам свидетельство Божие не

в превосходстве слова или мурости... И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1Кор.1:17; 1Кор.2:1, 4).

Кажется, достаточно ясно указывается и наставлением и примером Апостола тот желанный, законный путь, каким нужно следовать служителям церковного слова, чтобы учение, ими преподаваемое, нося характер церковный, находило всякий доступ в умы и сердца народа, и чтобы им быть проповедниками популярными.

Другое условие, выполнение которого требуется от проповедника в силу закона популярности, касается способа представления или развития мысли, посвященной уяснению той или другой истины христианской. Слово проповедника не будет словом популярным, если он будет говорить словом сухого, холодного рассудка и будет вращаться в круге отвлеченных представлений. Чистое логическое рассуждение, хотя бы и умное, не дает слова, впечатлительного для народа. Для того, чтобы найти легкий доступ к уму и сердцу народа, это рассуждение должно быть сопровождаемо или покрываемо словом более или менее живого воображения. Здесь необходима наглядность представления и раскрытия мысли. А эта наглядность представления достигается тогда, когда проповедник, вместо общих отвлеченных определений и рассуждений, изображает предмет в частных чертах, применительно к умственному состоянию и образу представления слушателей. Вместо отвлеченных умствований в проповеди (если она хочет обладать свойством популярности) желательны описания и изображения тех состояний, в каких проявляется в жизни то или другое правило или понятие. Жизнь и её явления должны быть тем началом или материалом, откуда он должен заимствовать свои пояснения для более впечатлительного представления народу известной части истины, взятой из общей сокровищницы веры Христовой. „Закон популярности (говорит Шотт, автор замечательной *„Теории красноречия, с особенным применением к духовному*

красноречию“) мы соблюдаем тогда, когда всеобщее представляем в частных явлениях и невидимое в конкретном образе, основное положение переводим в факты и примеры, и эти образы, факты и примеры заимствуем из круга наблюдений и опытов близких к народу⁹⁶. Это необходимо потому, что у народа или у большинства слушателей господствует чувственный образ представления, и он не способен к восприятию логических отвлеченных понятий и рассудочных доказательств, как бы они ни были основательны.

Идеальный образец истинно популярного представления истины, подражать которому можно поставить в обязанность каждому проповеднику, мы видим в речах Господа Иисуса Христа, записанных в Евангелии. Высокие истины раскрывает Он в своих беседах с народом или учениками. И как у Него выпукло и разительно выставляется все, о чем бы Он ни говорил. В Его речи нет ни малейшей тени, и всякий понимает и принимает ее к сердцу. Вместо того, чтобы вести к истине путем умозаключений, Он представляет пример, приводит разные образы и сравнения, и эти образы и сравнения берутся из круга предметов, близких народу и ему понятных. Перед людьми из народа Он говорит об их делах и ежедневных занятиях, и через них, или через указание на них, приближает к их пониманию тайны царствия Божия. Для разъяснения духовных предметов Он приводит образы и примеры из жизни земледельцев, из жизни людей, занимающихся ловитвою рыб или возделыванием виноградника, из жизни пастухов, стерегущих овец и ищущих заблудшую овцу и тому под., и эти образы, родные слушателям, глубоко напечатлеваясь в их сердце, вместе с тем непринужденно доводили их до усвоения того внутреннего смысла, для которого эти образы служили видимым облачением. И можно ли логическим путем и теоретическими доказательствами так сильно и впечатлительно изобразить милосердие Божие к падшему грешнику, в особенности для людей, не привыкших к тяжелым размышлениям, как это изображают притчи Спасителя о пастыре, потерявшем одну овцу и оставившем девяносто девять для того, чтобы искать одну заблудшую, или о жене, имеющей десять драхм,

утерявшей одну и употреблявшей все старания, чтобы сыскать потерянную драхму, и еще более трогательная притча о блудном сыне? Или возьмите мысль о значении здешних удовольствий и страданий и отношение их к последней судьбе человека. Сколько бы нужно было длинных разглагольствий для уяснения этой мысли, если держаться логического пути её раскрытия, и эти разглагольствования были бы сухи и не впечатлительны. Но из уст Спасителя вылилась притча о богатом и Лазаре, и богатая назидательная мысль не находит лучшего выражения, краткого, но полного, понятного для всех и в то же время обнимающего всю широту истины. Или хочет внушить Спаситель своим слушателям быть всегда бдительными в ожидании грядущего суда Божия, и вместо теоретических доказательств Он предлагает притчу о десяти девах и о рабах, ждущих господина своего, и эти притчи передают глубокую истину в более рельефном образе и оставляют более сильный след в умах слушателей, чем это сделали бы рассудочные доказательства. Мы не приводим других примеров из речей Спасителя, могущих научить нас, как нужно разъяснять народу высокие истины веры. Ими наполнено святое Евангелие, и они хорошо известны всем, исповедующим веру во Христа Господа. Как было бы желательно, чтобы такая метода учения, отличающаяся такой наглядностью, выпуклостью и впечатлительностью представления высоких истин веры, усвоена была служителями церковного слова! Овладев ею, они поистине были бы популярными проповедниками.

Амфитеатров, в своей гомилетике указывая свойства, какими должно отличаться церковное собеседование, между прочим, требует от проповедника, чтобы он приспособлялся к духу и характеру того народа, которому проповедует и ставит для него такое правило: *поучай так, чтобы учение веры было доступно духу и характеру твоего народа*. Разъясняя это правило, он ставит на вид то, что наша проповедь, – проповедь русских проповедников, должна, быть всецело проповедью русской, отличной от проповеди иностранной. „Не у всякого народа (говорит он) один и тот же дух и характер, вкус и

навыки, способности и страсти, добродетели и пороки; не одинакова для всех нужна и беседа. Годное для германца не совсем годится итальянцу; блестящее и назидательное у француза не совсем назидательно русскому“. Далее Амфитеатров представляет характеристику проповеди французской и противопоставляет ее проповеди, желательной на русской кафедре. „Читайте (говорит он) на русской кафедре самое лучшее слово французского проповедника, каково, например, слово о *малом числе избранных*, что произведет оно в ваших слушателях? Вероятно, не много что более, кроме скуки и усталости. Кому понятны эти тонкие страсти, эта подробность чувствований, эти едва заметные оттенки внутренних движений сердца, которые так искусно умеют раскрывать французские проповедники? Для кого нужна эта искусная ткань мыслей, ловкость оборотов, кстати или не кстати живопись, жар, вопрос, воззвание, – эта вычищенность, выглаженность, можно сказать, придворная манерность, по которой французская проповедь выходит превосходным произведением литературным, но в которой, кажется, недостает ни простоты христианской, ни даже народности французской? Ибо французские проповедники по большей части раскрывают истины общие, дробят страсти общие, описывают добродетели и пороки общие. Всякая иностранная проповедь, исключая отеческие, годится на русской кафедре разве только в переделке, и русский проповедник гораздо народнее в своей безыскусственности, в своей прямоте и простодушии, чем в заученной деликатности и тонкости речи, в своей краткости, чем в подробности, в наготе истины более, нежели в её украшении, в большем количестве предметов, помещаемых в одной проповеди, нежели в одном предмете, со всей обширностью и тонкостью рассматриваемом во многих проповедях. Не всегда раскрашивай, но учи просто, открыто, великодушно, твердо и благосердечно, как проста, откровенна, тверда и добросердечна русская душа; ты будешь в своем церковном наставлении *народен по-русски*“⁹⁷.

Мы признаем вполне основательным выставленное Амфитеатовым общее начало, по которому проповедь, чтобы

быть проповедью популярной, должна сообразоваться со свойствами и духом того народа, которому говорится, и носить на себе, явственную печать народности. Русская проповедь по своему характеру должна быть более или менее своеобразной, и должна отличаться от проповеди французской или немецкой или какой-либо другой иностранной. Но мы не находим совершенно точной ту характеристику, какую дает Амфитеатров русской проповеди, в отличие её от проповеди иностранной. Коренным отличительным свойством русской проповеди он считает и выставляет полную безыскусственность, при которой проповедь является совершенно чуждой украшений. Русская народная проповедь, по его указанию, должна быть простой беседой, не подчиняющейся каким-либо искусственным правилам, и не соблюдающей единства предмета, хотя бы она была беседой очень краткой. В признании проповеди русской народной проповедью, только при соблюдении его полной безыскусственности, нам кажется, есть доля излишнего одностороннего увлечения гомилета. Зачем русской проповеди назначать такие узкие границы? Почему не желать, чтобы она отличалась другими достоинствами, кроме прямоты и безыскусственности? И при соблюдении эстетических законов красноречия, и при высоком достоинстве внешнего строя проповеди, проповедь в устах умелого проповедника может быть русской народной и популярной. Между христианскими проповедниками самым популярным признается святой Иоанн Златоуст. Но, соблюдая закон популярности, он в то же самое время более, чем другие, удовлетворяет требованиям высшего красноречия. От чего не может быть и русской проповеди, отличающейся и популярностью и красноречием? Дело не в нарочитой простоте, которая может быть деланная и искусственная, а в умении приспособиться к духу и пониманию народа, в способности воплотить в себе душу народа, говорить его умом и сердцем. Свойство это говорить в духе своего народа составляет достоинство не гомилетических только произведений, но и литературы светской. Иной говорит о высоких предметах, по-видимому, не имеющих тесной связи с жизненными интересами народа, и говорит языком изящным,

обработанным, но чувствуется в его речи русский дух, и она вызывает сочувствие народа. Возьмите в пример Пушкина. У него ли нет высокого строя мысли и чувства, и неподражаемого изящества поэтической речи? А между тем он говорит всегда, как русский поэт, которого душа переполнена элементами, текущими из души народной, и это видно даже в тех его произведениях в которых он изображает предметы, взятые из сфер далеких от народа, и выражает чувства общечеловеческие. Другой изображает низшие слои народа, рисует картины, взятые как будто со дна народности, представляет кабацкие сцены, подлаживается под говор пьяных босяков, – и выходит натянуто, искусственно, малонародно. Могут ли сравниться с великим русским поэтом силой понимания русской народной души и умения говорить в такт и созвучие ей позднейшие изобразители народного быта, думающие и старающиеся внешним сходством, передачей каких-либо случайных частных, ими подмеченных, передразниванием простонародного говора заменить отсутствие внутреннего сродства с глубинами народного духа?

Третье требование закона популярности касается внешнего изложения или языкового выражения мысли, и обыкновенно когда говорят о популярности, как свойстве обязательном для проповедника, то прежде всего, если не исключительно, думают при этом о языке проповедей.

Что же требуется здесь по отношению к внешнему изложению, для того, чтобы проповедь была проповедью популярной? Прежде всего требуется совершенная ясность и прозрачность речи. Соблюдение полной ясности и прозрачности речи ставят в неперемное правило ораторам, говорящим перед народом, все, изъяснявшие законы красноречия, и по указанию авторитетных представителей риторической науки публичная речь перед народом является бесцельной и теряет свое значение, если в ней нет этого качества. „На слова языка, в какие оратор облекает свою мысль (говорит Квинтилиан), он должен смотреть, как на деньги, которые он дает народу; он должен бросать их, если народ не принимает их... Прозрачная ясность, – первое существенное свойство речи, произносимой

перед народом, по Квинтилиану, в стиле обуславливается определенностью выражения, правильной расстановкой слов, разумной мерой в длине предложений, также и тем, чтобы не выпускать ничего необходимого и не говорить ничего излишнего. Тогда и хорошо образованные чувствуют себя удовлетворенными, и необразованные не выходят с пустыми головами... А чего нельзя понять сразу, того присутствующие не станут слушать с таким напряженным вниманием или с таким интересом, чтобы можно было рассчитывать, что они сами постараются изъяснить менее понятное, и дадут себе труд более темные места осветить светом своего ума; скорее они будут слушать рассеянно и займутся совершенно сторонними мыслями. Поэтому все, что вы ни говорите, должно быть так прозрачно и ясно, чтобы смысл речи, без особенного внимания, как бы сам собою напечатлевается на уме слушателей, подобно тому, как свет солнца напечатлевается на глазе. Потому нужно заботиться не о том, чтобы изложение можно было понимать, но о том, чтобы его нельзя было не понять. На этом основании более важные мысли нужно выражать два и три раза, если можно догадываться, что иначе слушателями они не будут поняты"⁹⁸.

Совершенно согласно с этим авторитетнейшим представителем классической риторической науки говорит блаженный Августин, давший первое руководство по гомилетике. „Для христианского наставника (говорит он) первый и главный долг, – во всех своих поучениях быть сколько возможно вразумительным, и говорить с такой ясностью, что разве только самый беспонятный человек был бы не в состоянии понимать нас; или же причина неудобовразумительности в речах происходила бы не от наших слов, а от чрезвычайной трудности и утонченности предметов, которые мы желаем изъяснить другим. Но таких предметов или вовсе никогда не должно предлагать народу для слушания, или предлагать весьма редко, в случае какой-либо необходимости... В беседах мы не должны щадить никакого труда для того, чтобы истины, даже самые трудные для разумения, но хорошо нами постигнутые, каким бы то ни было образом довести до

понимания других, и во что бы то ни стало, – перелить оные в душу слушателя... В беседе вся забота наставника должна быть не о том, как бы красноречивее, но о том, как бы яснее и очевиднее изложить предмет свой⁹⁹.

Для соблюдения полной ясности изложения, проповедник заботливо должен избегать всего, могущего затруднять для простого, мало развитого, ума понимание речи. Так не желательны в проповеди, произносимой перед народом, длинные периоды, многосложные предложения, с вставочными объяснениями. Они уместны в книжном языке, и при чтении могут не затруднять понимания читаемой книги. А в живой речи более удобна речь краткая, отрывистая; для неискушенного ума речь, состоящая из многосложных предложений, служит препятствием к легкому усвоению предлагаемой истины.

Далее, из проповеднического языка должны быть изгнаны все иностранные слова, которые без нужды пестрят и искажают чистую русскую речь, и не для всякого понятны. Между тем у современных проповедников они все более и более входят в употребление. К чему они в церковной проповеди? Не понятные для большинства народа, они являются здесь излишним придатком, каким служили бы, при расплате с народом, фальшивые или чуждые монеты, значения которых он не понимает. И кроме того они нарушают целостный церковный характер проповеднического языка.

Вместе с этим должны быть изгоняемы из проповеднического изложения все технические выражения, обычные в школьном языке, имеющие условное значение. А таких выражений чрезвычайно много, и мы, привыкшие к школьному языку, часто не замечаем неуместного пользования выражениями и терминами, народу не вполне понятными. Но что понятнее, казалось нам, терминов: *положительный*, *отрицательный*, *органический* и т. под.? Но мы имели случай убедиться, что речь, пересыпанная такими, повидимому, ясными и общеупотребительными терминами, была для многих слушателей темной грамотой, и они не уразумевали её, как следует.

Даже с осторожностью нужно употреблять библейские выражения, смысл которых не вполне ясен для человека, незнакомого с богословской школьной терминологией. Всем ли будет понятно, если мы употребим выражение: „Священник по чину Мелхиседекову, а не Ааронову“ или „Христос наша пасха“, или „ходить по духу, а не по плоти“, и т. под.? Если будет надобность употребить подобные выражения, их нельзя оставлять без объяснения. В проповедническом изложении строго должна быть соблюдаема цельность языка, взятого из народного лексического богатства, без всякой посторонней примеси.

Ясности изложения содействует простота речи, которая должна быть другим отличительным свойством популярного изложения. В чем состоит эта простота языка? Понятие простоты исключает все натянутое и искусственное, и речь, отличающаяся простотой, является естественным, непринужденным выражением мысли и чувства. Отступает от требуемой простоты речи проповедник, когда говорит языком ученых рассуждений или следует обычаю школьного изложения, всегда более или менее искусственного. Он бесхитростно должен пользоваться тем материалом языка, какой находится в общенародном употреблении, и в его речи должен быть строго выдерживаем тон простой, естественной, непринужденной беседы, какой наблюдается в речах людей образованных.

Мы нарочито выставили указание на то, что в церковной беседе, при соблюдении возможной простоты речи, должен быть выдерживаем тон и характер бесед людей образованных. Простота, требуемая в проповеди, не то, что простоватость. Эта простота в церковной речи должна быть чистой и благородной. В ней не должно быть ничего вульгарного и низменного. Проповедник не должен говорить таким языком, каким говорят простолюдины, или какой слышен на толкучем рынке. Всегда должен помнить и сознавать проповедник свое значение, как посланника Господа Иисуса Христа, приносящего народу Его слово, и говорящего во имя Божие, – важность и священное величие того предмета, который он разъясняет народу, и высокое значение той кафедры, на которой стоит он. Это

сознание должно сдерживать его от ниспадения в простоватый тон, и воодушевлять его к ведению своей беседы языком простым, но в то же время благородным и возвышенным.

О популярности, как необходимом качестве проповеди (говорит Жибер)¹⁰⁰, не нужно иметь низкого представления. „Церковный проповедник должен быть популярен, но в то же время и высок. Он поднимает такие возвышенные материи, возвещает народу о таких великих вещах, которые не могут не возбуждать возвышенных чувств и не устремлять мысли горе... Древние учителя (Цицерон в книге *De oratore*) хотели, чтобы оратор. возводил взор свой к небу, и чтобы ему присуще было знание вещей небесных для того, чтобы он исполнялся великими идеями, и чтобы потом, переходя к вещам низким, земным, говорил о них более благородным и возвышенным образом. Проповедники в этом отношении имеют великое преимущество перед светскими ораторами. Если знание звезд и движения неба способно возвышать душу, то не тем ли более должно содействовать возвышенному настроению церковного оратора знание великих предметов, какие вера ставит перед его глазами, мысль о бесконечном величии Божиим, о вечных мучениях, о блаженстве праведных и т. под.? О таких предметах нельзя говорить словом низким, и они сами собою должны настраивать проповедника на возвышенный тон“.

Случается, что иные проповедники, из излишнего стремления к популярности, подделываются под народный говор, употребляют провинциальные и пересыпают свою речь грубоватыми простонародными выражениями, какие слышатся в языке необразованных простолюдинов. Думают тем угодить народу. Но народ едва ли будет доволен, если проповедник будет спускаться в своем проповедническом изложении до грубой необделанной речи. Народ все же сознает священную важность церковной кафедры, и благоговейное чувство, с каким верующий народ расположен слушать священную проповедь, не заявит ли глухого протеста, если проповедник о божественных вещах будет говорить грубым простонародным языком, и не признает ли некоторого нарушения святости церковного слова? Напрасно думают, что народ не поймет вас,

если вы будете говорить с ним языком чистым и облагороженным. Не мудрите только, не ломайте искусственно свою русскую речь, и она, облеченная в простые, но очищенные и облагороженные формы, будет понятной для него, и будет больше нравиться ему, чем речь, уснащенная простоватыми выражениями, взятыми из непечатного народного лексикона.

По этому вопросу прекрасное замечание сделано было покойным московским митрополитом Филаретом¹⁰¹. Оно вызвано было тем, что ему представлена была программа ежемесячного издания общепонятных сочинений религиозно-нравственного содержания. По этому поводу митрополит Филарет выразил опасение, как бы не стали наполнять тонкую книжку сказаниями о грубых пороках и безобразных поступках людей необразованных, излагаемым столь же грубым и безобразным языком. Для нас собственно важно мнение его о языке, каким должно излагать, народу христианские истины в назначенных для него сочинениях и проповедях. „Говорят (замечает он), что это – изложение учения христианского языком простонародным, не чуждым грубости – популярно. Да, популярно в том случае, если, вместо прогресса от необразованности к образованности, хотят вести народ понятным движением от образованности к необразованности. Этот антипрогресс начал было являться даже на церковной кафедре одной из епархий, и, к оскорблению не только вкуса, но и нравственного и благочестивого чувства в печатной проповеди¹⁰², можно было читать следующее и подобное следующему: *надо крестить младенца – надо идти к попу с вином*. Благодарение начальству, что такие поучения не долго оглашали храмы, и вскоре перестали являться в печати. Можно говорить понятно для самых простых людей, с сохранением чистого и правильного языка без обиды грамматике и логике. Когда писатель или наставник говорит простолюдинам языком правильным и степенным, они чувствуют себя ниже его, и располагаются ко вниманию и уважению. А когда он подделывается под их грубое изломанное наречие, тогда они видят его ниже себя; потому что подражатель естественно ниже подражаемого, и вниманию их представляется не возвышенная

идея наставника, а пошлый вид актера, представляющего их быт“.

Амфитеатров, в своей гомилетике, позволяет проповеднику в церковной беседе употреблять простонародный язык, указав на то, что он, при своих несовершенствах, имеет свои же достоинства, и рекомендуя брать из него то, что в нем есть целомудренного, точного и выразительного¹⁰³. Но выставив это общее положение, он счел нужным сделать надлежащее ограничение его в справедливом опасении, что излишнее пользование выражениями, взятыми из простонародного говора, может повредить чистоте проповеднического языка и довести церковную беседу до неприличия. „Принимая в себя то, что в простонародном языке хорошо само по себе и годно вообще (говорит он), церковная беседа отнюдь не должна вдаваться в вульгаризм безотчетный, и спускаться до тона площади, не должна употреблять слов низких и грубых, не должна превращаться в поговорку деревенскую... Одним словом, не должна свою мысль важную, требующую тона и речи важной, рядить в плебейские *прибаутки*, в многословие деревенской сходимки, в наивность слишком простонародную. Подобный образ беседования не только не есть беседа церковно-простонародная, но есть искажение самого простонародия. Слишком простонародить себя значит – не учить, а по простонародному же выражению, *размовлять*, или терять речи попусту; за какую потерю осудил бы нас и самый недалекий поселянин; потому что и он одарен чувством приличия, умением отличать речи своей хижины от речи церковной“¹⁰⁴.

В силу указанных соображений, подтвержденных авторитетными представителями науки и церковной проповеди, мы не сочувствуем мнению и желанию тех, которые, в видах большей популярности, требуют проповеди в церкви на местных наречиях. В последнее время особенно ратуют украинофилы за то, чтобы в храмах малороссийского края проповеди произносились не на русском языке, а на украинском наречии. Претензия, нам кажется, совершенно напрасная. Русский язык, развившийся и окрепший в своих литературных формах, один, как одно русское племя, и нам

нужно стремиться не к расчленению и раздроблению его, а к утверждению и укреплению его единства; в единении его сила, а в раздроблении его ослабление. Особенности украинского наречия вовсе не так велики, чтобы нужно было думать и заботиться о совершенном выделении его из общерусского языка. Забота об этом выделении его из общерусского языка вызывается не необходимостью, а сепаратистским узким патриотизмом, которому мерещится, хотя в отдаленном будущем, политическое отделение Малороссии от России, и её самостоятельное (самостийное) политическое существование. Говорят, что русский язык не понятен малороссийскому народу; но это напраслина, произвольно взводимая на малороссийский народ и без основания увеличивающая его малопонятливость. Мы даже думаем, что общерусский язык ему более понятен, чем тот малороссийский язык, каким пишут сепаристы-украинофилы. Сочинения, издаваемые товариществом Шевченки, пишутся таким кованным искусственно языком, наполненным полонизмами и новоизмышленными словами, что истые малороссы не понимают этого самостийного языка, и общерусский язык для их является более понятным, чем этот язык, претендующий на самостоятельное существование, наравне с общерусским языком. И едва ли будет отвечать общему желанию народа в Малороссии употребление украинского наречия в церковной проповеди. Это желание интеллигенции, не чуждой сепаратических стремлений, искусственно навязываемое простому народу. Мы имеем свидетельства от лиц, служивших в самом центре Малороссии (в Полтавской губернии), подтверждающие это положение. В одном большом селении вели дело проповеди два священника, – один при этом пользовался общерусским языком, а другой говорил свои поучения по малороссийски. Народ с большим вниманием и уважением относился к первому проповеднику, чем ко второму, и даже заявлял неудовольствие на то, зачем батюшка в церкви разговляет по нашему, по деревенски.

Как на высочайший образец речи популярной, мы опять указываем на беседы Господа Иисуса Христа, записанные в Евангелии. При изложении возвышенного учения все является у

Него в совершенно прозрачной форме. Все говорится просто, нет ни одного выражения непонятного, но с этой совершенной простотой соединяется необыкновенное благородство и чистота речи. Он берет выражения из обыкновенного языка человеческого, но ничто нечистое и грубое не попадает в Его слово. Для уяснения предмета Он употребляет сравнения, близкие к быту простых людей. Но можно ли найти в Его речи какой-либо образ, не отмеченный печатью чистоты и достоинства?

Из христианских проповедников самым популярным проповедником, по общему признанию, был святой Иоанн Златоуст. Никто не умел говорить так просто и впечатлительно для слушателей, сохраняя вместе с тем полное достоинство церковного языка, – как этот проповедник, отмеченный титулом Златоуста, и никто не производил такого обаяния на народ, собиравшийся вокруг его кафедры. Потому авторитетные гомилеты советуют молодым проповедникам непрестанно, день и ночь, читать и перечитывать его беседы. Ни у кого, как у св. Златоуста (говорит Гиперий) нельзя научиться говорить ясно, просто, популярно, и вместе умно, вполне прилично и важно¹⁰⁵. У того же проповедника рекомендует учиться языку популярного красноречия и Жибер. При совершенной простоте и прозрачности его слов у него, по замечанию Жибера, нет никакого низкого термина, ни одного грубого образа, ни одного выражения, могущего оскорбить слух, привыкший к благородной речи, но все чисто, благородно, возвышенно, вполне достойно посланника Господа Иисуса Христа, и вместе с тем в высшей степени популярно¹⁰⁶.

Что же делать, чтобы овладеть популярностью, – этим необходимым качеством для церковной проповеди? Есть ли какие-либо надежные практические средства к тому? Теория указывает некоторые правила, соблюдение которых способствует достижению популярности изложения, и их нужно иметь в виду проповеднику, чтобы по возможности приблизиться к идеалу популярного проповедника. Но одними правилами, как бы ни были подробно и тщательно разработаны они, нельзя дать проповеднику овладеть в совершенстве этим

необходимым качеством церковной проповеди. Чтобы сделаться совершенным популярным проповедником, для этого требуется особый талант. Св. Иоанн Златоуст сделался таковым и овладел вполне качеством популярного, впечатлительного изложения не через правило, а благодаря своему природному таланту. Но если и не дано тому или другому церковному учителю такого таланта, он не должен пренебрегать ничем, что могло бы заменить ему недостаток таланта.

Первое условие для достижения возможно популярного изложения и представления христианской истины в проповеди, выполнение которого обязательно для каждого проповедника, – ясное и отчетливое сознание предмета, о котором вести хочет речь проповедник. Часто речь проповедника является не вполне ясной для народа и грешит против закона популярности от того, что проповедник недостаточно продумал предмет свой, и в его голове нет отчетливого представления о нем. Когда он окружен туманом в уме проповедника, трудно ему явиться в проповедном слове в прозрачном виде, и в этом случае проповедник, и близкий к народу, не даст ему того, чего народ в праве ожидать от него, – назидания вполне ясного и вразумительного. А как часто выступают на кафедру церковную люди с незрелой мыслью, с суждениями, поспешно срывающимися с языка и мало проверенными, и говорят слова, под которыми скрывается истина, не выношенная ими, поверхностно затронутая ими, от чего теряется надлежащее впечатление от их проповеди. И это допускают нередко люди с талантом, но излишне самоуверенные и вследствие этой самоуверенности не трудящиеся над обдумыванием и уяснением себе содержания того учения, которое они намерены или должны предлагать народу. Ныне требуют от пастыря-проповедника слова импровизированного, и говорят, что это импровизированное слово наиболее отвечает истинному понятию проповеди и производит более благотворное впечатление на слушателей, чем слово наперед приготовленное и записанное. Прекрасно, кто владеет даром импровизации и усердным упражнением развил этот дар. Но это преимущество не всем дается. Когда говорят импровизации

люди дюжинные, не владеющие быстротою мысли и живым воображением, в их слове нет того, что требуется от проповеди законом популярности. Их мысль, во время сказывания проповеди, в муках рождения. Они нередко с трудом выискивают слова для выражения своих идей, и эти идеи выходят из их уст в виде мыслей недоношенных, не получивших надлежащей, органической полноты, и им недостает того, что первее всего требуется от публичного церковного слова, – ясности, чуждой всякой темноты. При этом как будто густое облако скрывает проповедника от слушателей, и слушатели не выносят из его не твердого слова отчетливого представления о том, что он хотел внушить им. Кто решается или вызывается говорить импровизированное слово, – должен хорошо обдумать или уяснить себе то, что имеет предложить народу. Иначе неизбежна неясность и, пожалуй, спутанность его мысли, и слушатели при этом могут встретить затруднения в усвоении того, что говорил им проповедник. Проповеди будет недоставать необходимого качества популярности.

Для того, чтобы говорить популярно и с большей впечатлительностью для народа, мало уяснить себе проповедуемую истину путем холодного рассудка; ее нужно насадить и утвердить в своем сердце. Это второе средство, способствующее достижению того качества или совершенства проповеди, которое означается именем популярности. Слово рассудка, не вышедшее от сердца и не согретое теплотой благоговейной души, скользит по поверхности души слушателей и не проникает в её внутреннее, подобно тому, как сухое семя или зерно, брошенное на землю, скорее развеется ветром и меньше укрепится в почве, чем семя влажное. Есть много проповедников, которые говорят с ясным, твердым сознанием дела или предмета и говорят умно и основательно; но их слово не производит надлежащего, полного впечатления на слушателей, и часто слушают его рассеянно. И это зависит от того, что они говорят только умно; и в их слове не слышится голоса сердца, который один может тронуть души слушателей и возбудить их внимание. Сердечное слово никогда не пропадет

даром. „Пока истина усвоена одним рассудком (говорит Юнгманн), она лежит в голове проповедника, как мертвый капитал. Мыслящий ум обнимает ее только в половину“¹⁰⁷. Этому мертвому капиталу, предлагаемому в сухой форме, затруднительно найти легкое обращение в живой среде, в сердцах народа, и истина, обнимаемая только мыслящим умом, половинчатая, не соприкасается всей полнотою своею и восприимлемостью слушателей. Для того, чтобы она всей силой действовала на душу слушателей, ее нужно оросить росой благодати, согреть теплотой своего сердца, тогда она даст росток, разовьется в растение, покроется листьями и цветами и принесет плод. К уяснению этого мы можем привести слова Господа Иисуса Христа, который говорит: *дух есть, иже оживляет, плоть же не пользуется ничтоже: глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть (Ин.6:63)*. Такими же словами могут быть характеризованы все высокие истины христианские, возвещать которых призвал проповедник, они должны быть обнимаемы всей полнотою души, и от полноты души, проникнутой ими, должны быть сообщаемы и передаваемы другим, и при этом условии они являются способными глубоко действовать на других. Тогда они являются духом оживляющим; а без этого, в сухой рассудочной форме, они могут быть тем, что Господь назвал плотью, которая, по Его словам, не пользуется ничтоже, то есть, тогда не производят они надлежащего своего действия. Но как проповеднику достигнуть того, чтобы в его устах слово веры было не простой плотью, не одним холодным словом знания, но обладало силой духа и жизни? Одно средство для этого: нужно воспитать и укрепить в себе дух благочестия и сделать свою душу восприимчивой к воздействию благодати Божией. Для достижения этого живите полной жизнью церкви и сердцем участвуйте во всех священнодействиях, чаще обращайтесь своей мыслью к Богу, чаще размышляйте и воспоминайте о Христе и планах божественного домостроительства, сделайте предметом своего постоянного внимания учение о нашем спасении, изучайте с неослабным усердием книги божественного откровения, указующие нам путь к животу вечному и творения его

истолкователей, – святых отцов, и вам легко будет в речах о высоких истинах веры избежать холодной сухости рассудка, и вы будете говорить с силой и впечатлительностью. Такой совет проповедникам истин веры дает премудрый сын Сирахов. *Только тот (говорит он), кто посвящает свою душу размышлению о законах Всевышнего,... кто сердце свое направит к тому, чтобы с раннего утра обращаться к Господу, сотворшему его, и будет молиться перед Всевышним, и будет размышлять о тайнах Божиих, только тот покажет мудрость свою, и будет источать слова мудрости своей... и многие будут прославлять знание его, воспринимая близкое сердцу учение его, и он не будет забыт во век (Сир. 39:1, 6, 8, 10–18).*

Третье средство к достижению возможной популярности при проповедании слова Божия – постараться войти во внутреннее единение с тем народом, которому вы несете и сообщаете святое благовестие, и усвоить себе дух и характер народа, образ его понимания и склад его чувствований. Для этого нужно полное и широкое знакомство с народом, с его стремлениями и воззрениями, со всеми отправлениями его душевной жизнедеятельности, в особенности с его разумом и степенью его восприимлемости по отношению к предметам веры и религиозного ведения. Но одного теоретического знания, как бы оно ни было хорошо, здесь недостаточно. Нужно не только знать народ, которому вы проповедуете, но и любить его, и через любовь сродниться с ним сердцем. Любовь – великая сила: она дает проповеднику дар или умение говорить народу вполне понятно для него, сильно и впечатлительно, и тогда слово проповедника будет ложиться на сердца слушателей, как слово им близкое, текущее из родственной груди. Указывают на мать, которая умеет говорить и с дитятею двух лет, и с дитятею четырех лет и с мальчиком лет десяти, каждый раз приспособляясь к их развитию и способу их понимания. Что дает ей силу или умение говорить внятно и вразумительно с детьми разных возрастов и не одинаковой степени развития? Эту силу дает ей любовь, какую она питает к своему дитяти, связывающая ее с ним неразрывными узами. И для

проповедника нельзя рекомендовать другого более действенного условия популярности его слов, кроме его любви к своей братии, подчиненной его водительству, кроме внутреннего единения с теми, которые собираются вокруг его кафедры и ждут от него слова назидания.

Как достигнуть этого внутреннего сближения с народом, составляющего одно из главных условий популярности проповеди?

Амфитеатров указывает два способа к этому, воспитание в подлинном духе народа, и опыт целой жизни, ведомой вблизи народа и в союзе с ним. „Воспитание (говорит Амфитеатров) должно начинаться с лона матерняго в доме родительском на народных началах и основаниях. С первой земной пищей, т. е. с молоком матерним дитя должно воспринимать в свою душу живую любовь к своему отечеству и своему народу, и здесь должны получиться зачатки будущего единения с народом. По мере возрастания дитяти эти зачатки будут проясняться и укрепляться. От этого пути отступают те, которые детей своих, в первые годы их развития, поручают руководству иностранных гувернеров или гувернанток, совершенно чуждых русскому духу и не понимающих его, отчего и являются часто между такими воспитанниками отщепенцы от своего народа. Добрая няня в этом отношении может оказать более благодетельное влияние на народный склад души ребенка, чем иностранные воспитатели. Пушкин с благодарностью вспоминал о своей няне, которая его чуткой душе своими рассказами давала настроение, сдружившее его с народом.

Воспитание в народном духе, начатое в родительском доме, должно бы продолжаться и в школе. Но школа не всегда способствует воспитанию в духе народном. Она, даже тогда, когда наиболее национализирована, отрывает воспитанника от живой струи народной. В стенах школы образуется и скопляется особый, как бы тепличный воздух, отличающийся во многом от находящегося в окружающей ее атмосфере. Дыша этим воздухом, воспитанник школы теряет чуткую восприимчивость к элементам, какими живет и питается народ, и по выходе из школы если не теряется, то ослабляется живая

непосредственная связь его с народом. Мы с сожалением должны отметить, что в наши школы вторгается еще совершенно чуждый дух, перенесенный из других стран, упредивших нас на поприще просвещения. Утвердившись в школе, овладев нередко умами руководителей школы, он вытесняет из неё народные начала, и из русского делает какого-то космополита, не то немца, не то француза. Особенно в последние десятилетия заметно уклонение школы от народных элементов, вследствие чуждых влияний, и из наших высших школ стали выходить люди, совершенно потерявшие народный облик. Многие из них пренебрежительно относятся к той святыне, которая составляет корень народной жизни, и которой народ дорожит более всего. А иные из них идут в народ с тем, чтобы перевоспитать его, и в этих видах стараются подавить и истребить в нем те добрые начала, какими живет он, и посеять в его душе чуждое ему разрушительное семя. Нравственное шатание русского общества, от которого так много страдает наше поколение, началось именно от школы, порвавшей связь с крепким духом народа. Там первоначально явился дух противления порядку и самоволия, овладевающий массами, и выражающийся забастовками, и от питомцев высших школ, потерявших национальный дух, и через них он переходит к части городского общества, а в последнее время и деревенского, через что изменяется народная физиономия и так много ущерба и скорби терпит страна наша.

Наши духовно-учебные заведения, в которых готовятся будущие пастыри церкви, находятся в лучших условиях. Но и в них вторгается дух, неблагоприятный для укрепления народного сочувствия и раздружающий питомцев с той средой, на которую потом приходится действовать пастырю-проповеднику. Для ослабления этого влияния, расторгающего связь с народом, могли бы служить отпуски воспитанников школы в вакационное время в родные края, во время которых они могли бы жить в непосредственной близости к народу и воспринимать от него силу единения с ним. Кроме отдохновения, доставляемого этими вакационными днями, здесь могло приниматься в расчет и то освежение от общения с

народной средой и освобождение от тепличного воздуха школы, не совсем благоприятного для утверждения в душах живой связи с народом.

Далее, к единению с народом должен вести человека-проповедника опыт жизни. Чтобы узнать народ и сблизиться с ним, мало довольствоваться случайными встречами с ним, как бы они ни были часты. Нужно желать и искать этих встреч, и не смотреть холодным оком издалека на развертывающуюся перед ним жизнь, разуживать нужды живущих близ нас людей, входить с ними в беседы, и с участием воспринимать их заявления. При таком общении с народом откроется для проповедника душа народа; он узнает ее и вместе с тем полюбит ее, и тогда даст ему возможность говорить с ним по душе, мало и понятно для него, – в высшей степени популярно.

Указывают, как на источник для ознакомления с народом, и как на пособие к приобретению популярного изложения, на разные повествования, изображающие быт народа, и написанные языком простонародным. „Не спорим (говорит Амфитеатров), что подобные источники помогают изучать дух народа; но здесь всегда угрожает проповеднику опасность, чтобы дух книжный – начитанный не принять за действительный дух. И разве не часто этот книжный дух играет роль подлинного в сочинениях разного рода?“¹⁰⁸.

В настоящее время у нас пользуются особенным вниманием читающего общества сочинения Максима Горького и Андреева, избравших своей специальностью изображение мира босяков, излюбленными героями которых являются отверженцы общества, едва не потерявшие образ человеческий. Авторы эти пишут грязные картины прямо с натуры, и своим умелым пером придают им лоск художественности, прельщающий невзыскательного читателя, и как будто знакомят с глубинами народной жизни. Но мы не советовали бы проповедникам изучать быт народа по этим сочинениям, и по ним знакомиться с народом. Не народ узнаете вы по ним, а только жалкие подонки народа, и вместо симпатии к народу от этих уродливых типов и исковерканных людей вы получите только горькое чувство сожаления о той глубине падения, до какой может дойти

человек. А душа народа, в её чистоте, неискаженном образе, остается незатронутой ими. Это не повесть о народе, а пасквиль на народ, выставляющий на верх его то, что должно скрываться в трущобах и низменных подземельях. Такие писатели дают одностороннее и ложное представление о народе, и нимало не способствуют внутреннему сближению вашему с народом, и не от них можно научиться популярной речи, дающей ответы на запросы души народа, и доступной для него по своему складу. Изучайте душу народа, так сказать, в его сердцевине, в его чистых представителях, а не в тех жалких отбросах, в которых исказилась и исковеркалась идея национального типа до того, что трудно уловить здесь какие-либо существенные черты народного характера.

Сознавая недостаточность указанных нами средств к приобретению искусства популярного изложения проповедей, мы обращаемся к такту и усердию людей, призванных к служению церковного слова. При усердии и внимательности к своему делу, они практикой приобретут себе то, на что указывает теория, но чего дать она одна не в состоянии.

Только каждый, несущий долг проповедничества (таково будет наше заключительное слово) должен приложить все заботы к тому, чтобы не погрешать против законов популярности в исполнении своего долга и более или менее, по мере возможности, приближаться к идеалу проповедника популярного. „Цените популярность выше всех качеств христианского оратора (скажем словами замечательного французского гомилета, писавшего в эпоху наивысшего расцвета французской проповеди), и знайте, что вы настолько будете успевать в красноречии, насколько будете успевать в популярности. Ничего не забывайте для приобретения её, – знания света, знания сердца, постоянного изучения природы, непрестанных размышлений о мыслях и чувствах людей, о манере, какой они выражают их, частого обращения к древности. Питайте себя чтением святого Златоуста: это популярный проповедник по преимуществу; на все, что он говорит, он умеет распространять веяния популярности, делающей его беседы так впечатлительными для всех“¹⁰⁹.

О приготовлении проповедей

Трудное ли дело проповедническое, или, говоря иначе, требует ли особого труда составление проповедей, предлагаемых пастырем народу?

В автобиографических записках Теремина, известного гомилета и проповедника первой половины прошедшего столетия, приложенных к изданию его гомилетики, озаглавленной: „Красноречие добродетель“ (1888 г.), мы встречаем такой рассказ. Когда Теремину было около восьми лет, он присутствовал при разговоре своего отца, сельского пастора с его собратом по служению, о проповедях. Слушая молчаливо беседу двух проповедников, он вдруг стал перед ними и сказал: „проповедовать, должно быть, очень трудно“. Отец Теремина ничего не сказал на это замечание мальчика, а его собеседник засмеялся и сказал: „этого ты не понимаешь; со временем увидишь, что ничего нет легче, как проповедовать“. Теремин записал это обстоятельство потому, что в нем видел и указывал девиз всей своей жизни; другие ему говорили, что проповедовать очень легко, а он всегда находил, что проповедовать очень трудно¹¹⁰.

Какое же мнение более состоятельно и справедливо? Мнение ли сельского пастора, много лет несшего на себе долг проповедничества, или мнение Теремина, с юных лет занятого мыслью о проповедничестве, изложившего свои суждения об этом предмете в оригинальной замечательной системе, и приобретшего себе видное место в истории гомилетики и проповедничества?

И то и другое мнение находит защитников. Выслушивая суждения по этому вопросу, расходящиеся до противоположности, затрудняешься сразу установить правильную точку зрения на это дело. У представителей того и другого воззрения есть свои, более или менее веские, основания.

В нашей литературе последнего времени заметно склонение к первому мнению. Для пастыря (говорит один из

занимавшихся гомилетическими вопросами) более или менее подготовленного к выполнению своего служения, проповедь должна быть простым, естественным делом, которое не должно затруднять его. Пусть он говорит, что знает и что находит нужным сообщить народу, – говорит так, как ведет непринужденную беседу в кругу знакомых. У него не должно быть ни малейшей заботы ни о приступе, ни о риторических фигурах, ни о патетической части и заключении, ни о красоте речи. Мы забыли, до какой степени простой, безыскусственной и краткой речью должно быть проповедническое слово. Нечего проповеднику много думать и трудиться над тем, что и как сказать¹¹¹.

Совершенно согласно с ним говорит другой, недавно скончавшийся, представитель проповедничества, издавший в печати несколько огромных сборников своих проповедей, – протоиерей Григорий Дьяченко. „Простая проповедь от сердца, по примеру апостолов, – не приготовленная и не записанная, – вот в чем, по его словам, правильная постановка проповеднического дела. Люди исказили дар слова, свободный, как движение, и он стал труден. Созданы искусственные тормазы для его проявления, построены целые многосложные теории ораторской речи и церковного красноречия. Прочь все эти путы и тормазы! В последние восемь, десять лет начинают постепенно проходить старые предрассудки относительно проповедничества... Долой тетрадки, долой формализм, долой рутину! Пусть раздается живое слово, слово убеждения“¹¹².

Упрощенный взгляд на проповедь, как непринужденную беседу, не требующую особенного труда от проповедника, проводит Церковный Вестник¹¹³. „Пусть пастырь (так поучает Церковный Вестник) русским толковым языком сделает перифраз прочитанного евангелия или апостола, вставит от себя несколько подходящих религиозно-нравственных наставлений, – и достаточно“...

Итак, забота о составлении проповедей, по мнению видных представителей нашей духовной литературы, – старый предрассудок, который нужно оставить.

Так ли это?

Мы не можем разделять такого мнения, – не можем прежде всего потому, что дело проповедника считаем делом высоким и святым, требующим от служителя церковного слова всевозможного с его стороны внимания. А это внимание влечет за собою усердие и труд. Чтобы совершать достойным образом святое дело, порученное проповеднику, от него ожидается и требуется возможное с его стороны напряжение душевных сил, ему дарованных. При общем высоком значении проповеднического дела, требующего внимания к себе, и каждый частный акт его, т. е. каждая частная проповедь не должна быть предоставлена одной случайности. Нужен труд как для совершения проповеднического служения вообще, так и для всех частных отдельных проявлений его. Иное отношение, освобождающее от труда проповедника, и предоставляющее ему говорить, как он может, без особенных забот о том, что и как скажется, не будет ли сочтено признаком легкомыслия? И не может ли пасть на проповедника, так легко относящегося к высокому и святому делу Божию, обвинение в небрежном исполнении его? А Писание угрожает проклятием всякому, творящему дело Божие с небрежением (Иер.48:10).

Думают, что проповедь возрастет в силе и действенности, когда будет раздаваться, как живое не сочиненное слово. Она может возрасти количественно, если каждый легко будет относиться к ней и будет иметь смелость говорить, как придется. Но не послужит ли это к понижению проповеди в качественном отношении, если будут смотреть на нее, как на простую непринужденную беседу, для которой не требуется никакого приготовления, и если не будут прилагать никакой заботы к тому, чтобы по возможности лучше и достойнее совершать дело благовестия Христова?

Указывают проповедникам на пример апостолов, и рекомендуют их примером руководиться в исполнении учительского долга. Да, мы должны подражать вере апостолов, и их усердию и ревности в учении благовестия Христова, исполняя которое они готовы были жертвовать своею жизнью. Но, с другой стороны, не слишком ли дерзновенно нынешним проповедникам ставить себя наравне с апостолами? Апостолы

имели особые благодатные дарования, сообщенные им Духом Святым, по обетованию их Учителя, пославшего их на проповедь: при этих дарованиях они, без пособия естественных средств, могли с успехом нести всюду слово благовестия. А мы имеем ли эти апостольские дарования? Не имея же их, можем ли мы пренебрегать доступными нам средствами к более успешному выполнению своего долга? Можем ли освобождать себя от труда, так необходимого к правильной постановке высокого дела, нам порученного? – Апостолы, далее, хотя получили особые силы для совершения своего служения, не сразу выступили на него, а наперед приготавливаемы были к нему своим Учителем и Господом, и не даром они назывались учениками единого истинного Учителя, Господа Иисуса Христа.

Святому Григорию Богослову указывали некогда, зачем он в своих проповедях прибегает к пособию искусства ораторского, и тщательно обрабатывает их. Рыбари де (апостолы) такими средствами не пользовались при своей апостольской проповеди. На этот упрек святой отец отвечал: „Я охотно, подобно рыбалям, пренебрегал бы средствами искусства, если бы я, как те рыбаки, имел дар творить чудеса“.

Указывают иные на святых отцов, оставивших славное имя в истории проповедничества, которые де говорили проповеди, нередко изо дня в день, не трудясь над составлением их, подобно многим нынешним проповедникам. Но если мы обратимся к славнейшим из них, обладавшим богатыми талантами, то услышим от них, что для достойного исполнения проповеднического долга необходим труд, и труд большой. Святой Григорий Богослов, суждение которого мы только что привели по вопросу о том, почему он, в своей проповеднической практике, не может подражать примеру рыбаков – апостолов, в своем известном слове „о бегстве“ в очень сильных выражениях говорит против тех, которые смотрят на проповедь, как на дело легкое, всякому доступное. „Что касается раздаяния слова (говорит он), что составляет, первую нашу обязанность (я разумею слово божественное и высокое), то, ежели кто другой приступает к делу сему с дерзновением, и почитает оное доступным для всякого ума, я дивлюсь

многоумию (чтобы не сказать малоумию) такого человека. Для меня кажется непростым и немалого духа требующим делом каждому *даяти во время житомерие* (Лк.12:42) слова и с рассуждением вести домостроительство истины наших догматов... *Трудно* беседующему о высоких божественных предметах, особенно в многочисленном собрании людей всякого возраста и разных способностей, которое, подобно многострунному органу, требует неодинаковых ударений, – трудно, говорю, найти слово, которое бы всех назидало и озаряло светом ведения. Трудно уже и потому, что как опасность с трех сторон, то есть, от мысли, слова и слуха, то невозможно не приткнуться если не во всем, то по крайней мере в чем либо одном. Ибо, если ум не просвещен, или слово слабо, или слух не очищен, и потому не вмещает слова, – от одной из сих причин так же, как и от всех, необходимо храмлет истина“¹¹⁴.

Как мало согласуются с этим веским мнением вселенского учителя и славного проповедника приведенные нами выше суждения русских авторов, присвояющих себе претензию быть выразителями современного истинного взгляда на дело проповеди. И на чью сторону вы склоняетесь, читатели, – на сторону ли святого вселенского учителя, или наших новых глашатаев? Не правда ли, что более основательности суждения у св. Григория Богослова, чем у них, желающих освободить пастыря церкви от излишней заботы о лучшем составлении проповедей, что кажется им старым предрассудком?

Обратимся к другому, первенствующему представителю христианского проповедничества, обладавшему необыкновенным даром слова, почтенному от церкви именем Златоуста. Может быть, он, при своем даре слова, не считал необходимым особенного труда для достойного ведения дела проповеднического, – по крайней мере для людей с талантом и практикой усовершенствовавших этот талант! Нет, совершенно напротив. У него мы читаем обращенный к проповедникам призыв к усиленному труду для удовлетворения тем требованиям, какие обыкновенно предъявляются проповеднику, и от этого труда, по его совету, не могут освободить себя и

люди, достигшие высокой степени совершенства в проповедническом слове. Напротив им-то и нужно трудиться не менее, и даже более, чем людям малоопытным и не имеющим богатого дара слова. Вот как говорит об этом предмете великий Златоуст, которого слушать и которому подражать приглашают проповедников все лучшие гомилеты. „Кто владеет великой, силой слова (а ее у немногих можно найти), даже и тот не бывает свободен от непрестанных трудов. Так как сила слова не дается природой, но приобретается образованием, то хотя кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может потерять ее, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы. Таким образом образованнейшие должны более трудиться, нежели менее образованные; ибо нерадение тех и других сопровождается не одинаковым ущербом; но у первых оно столько важнее, сколько различия между тем, чем владеют те и другие. Последних никто не будет укорять, если они не произносят ничего отличного; а первые, если не всегда будут предлагать беседы, превышающие то мнение, которое все имеют о них, то подвергаются от всех великим укоризнам. Притом последние и за малое могут получить великие похвалы; а первые, если слова их не будут сильно удивлять и поражать, не только не удостоиваются похвал, но и находят многих порицателей. Слушатели судят о проповеди не по её содержанию, а по мнению о проповедниках. Потому, кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тем общим недостатком природы человеческой, что невозможно успевать во всем; но если его беседы не вполне будут соответствовать высокому мнению о нем, то они сопровождаются множеством насмешек и порицаний от народа. Никто сам в себе не рассуждает о том, что приключившееся уныние, беспокойство, забота, а часто и гнев, помрачают чистоту ума и не позволяют произведениям его являться светлыми, и что вообще человеку невозможно всегда быть одинаковым и во всем успевать, но естественно иногда погрешать и оказаться слабее собственной силы. Ни о чем этом не хотят подумать, но винят проповедника, судя о нем, как об ангеле“.

„Если и способные говорить с великой властью имеют нужду в постоянном упражнении для сохранения этой способности, то нисколько не приготовившийся ранее и принужденный думать об этом во время самых подвигов, какие встретит трудности, какое беспокойство, какое смущение, чтобы с великим трудом приобрести какой-нибудь малый успех!

Принявший на себя долг учительства не только должен трудиться для усовершенствования себя вообще, но, в частности, тщательно должен заботиться о составлении своих поучений. Трудясь над составлением своих поучений, он должен не вникать похвалам посторонних людей, и не ослабевать своей душой без них, но составлять свои поучения так, чтобы угодить Богу; ибо это у него должно быть правилом и единственной целью тщательнейшего составления поучений“¹¹⁵.

Между отцами-проповедниками западной латинской церкви наибольшим авторитетом пользовался св. Григорий Двоеслов. И у него мы встречаем настоятельное увещание, обращенное к избирающим для себя проповедническое служение, усердно трудиться для приготовления себя к тому служению, и не предоставлять случайному вдохновению каждую частную проповедь. „И в свете (говорит он) не берутся учить какому-либо искусству, не изучив его предварительно, посредством внимательного размышления“¹¹⁶; тем более это необходимо в таком деле, какое возлагается на служителя церковного, долженствующего управлять волею людей. Ибо управление душами человеческими (повторяет он мысль св. Григория Богослова)¹¹⁷, есть искусство из искусств, и наука из наук“. Но и изучившему это трудное искусство, более или менее приготовившемуся к служению церковного слова, каждый раз, когда он собирается предложить народу слово назидания, по указанию св. Григория Двоеслова, необходима особая забота, немалый труд. Проповедник с возможной тщательностью должен обдумывать то, что он хочет предложить народу в назидание, при этом обдумывании заботясь более всего о том, чтобы не сказать чего-либо, уклоняющегося от евангельской истины, и тем не смутить совести слушателей. Но этого мало. Не на одно содержание, но и на внешнее содержание нужно

обращать внимание, при изготовлении проповеди. „Нужно проповеднику (говорит святой отец) старательно заботиться и о том, чтобы не только не говорить ничего дурного, но и о хорошем говорить не без меры и не без порядка; потому что проповедь часто теряет свою силу от того, что слушатели замечают беспорядочную болтливость в проповеднике“¹¹⁸.

Суждение святых отцов о необходимости труда, и труда неослабного для достойного ведения дела проповеднического мы можем подкрепить наставлением Апостола. На апостолов часто ссылаются, как на внушительный пример, показывающий, что благовестие Христово можно нести, не прилагая к тому нарочитого труда. Между тем, апостол Павел дает увещание Тимофею: *потщися себе искусна поставити пред Богом, делателя непостыдна, право правяща слово истины* (2Тим.2:15). Это увещание Апостола, обращенное к Тимофею, поставленному им в правителя и учителя церковного, потщиться или приложить особенное старание о том, чтобы поставить себя искусным перед Богом, делателем непостыдным – право, т. е., верно и хорошо преподающим слово истины, не есть ли призыв к усердному труду для угодного Богу и непостыдного выполнения служения благовестника Христова? И в лице Тимофея не предписывается ли Апостолом и всем проповедникам слова Божия, избравшим служение, какое в свое время нес Тимофей, такой же труд в их деле? Без тщания, без труда нельзя поставить себя, при исполнении служения церковного слова, искусным делателем перед Богом, и непостыдным перед людьми и перед своей совестью.

К этим указаниям считаем не лишним присоединить суждения светских авторитетов. Церковная проповедь хотя составляет особый род словесных произведений, но как речь, говоримая в собрании перед народом, она подпадает, как вид, под родовое понятие ораторских произведений, и законы ораторства имеют для неё более или менее обязательную силу, и суждения, высказанные об ораторстве вообще, касаются и практики проповеднической. А суждения авторитетных мужей все говорят о необходимости труда для оратора. „Красноречия, т. е., умения хорошо говорить перед народами (читаем мы у

Платона) никто не приобретает без долгого изучения и большого труда; и мудрый муж употребляет этот труд не для того, чтобы быть в состоянии заслужить одобрение слушателей, но для того, чтобы нравиться богам и уметь говорить так, как им угодно¹¹⁹. Или вот суждение главы риториков Квинтилиана. Он требует от оратора, чтобы тот для своей речи прилагал столько заботливости, сколько возможно. „Ибо говорить хуже, чем ты можешь, – это не только небрежность, но и преступление; это вероломство, измена тому делу, которое принимаешь на себя... Являться перед многочисленным собранием, не обдумав основательно и не приготовив со всем старанием того, что хочешь говорить, – это неуважение, и невнимание к другим. Публично обсуждать дела высочайшей важности, не употребив для этого полной заботливости и старания, какого они требуют, – это легкомыслие, недостойное мужа, и дерзость, подлежащая наказанию“¹²⁰.

Представляющие проповедничество делом легким, не требующим особенного труда от избравшего это служение, основывают свое суждение на том положении, что проповедь есть простое, безыскусственное христианское поучение, а не искусство. У Тареева есть длинный трактат, обсуждающий вопрос: есть ли проповедь искусство?¹²¹ В этом трактате он усиливается доказать, что проповедь отнюдь не искусство, а простое дидактическое изложение или передача христианской истины. Но нам кажутся совершенно напрасными усилия автора развивать и доказывать то положение, что проповедь не искусство. Серьёзная теория не считала и не считает проповеди искусством. Она подпадает под понятие ораторства, обнимающего собою все виды публичных речей к народу. Ораторство же – род деятельности, совершенно независимый от искусства и параллельный ему. Церковная проповедь, как вид ораторства, – практическая деятельность, а не искусство. Отличается она от искусства существенно тем, что искусство выражает идею в соответственной художественной форме, не преследуя никакой внешней цели, и что подчинение художественного произведения какой-либо цели вредит искусству, а проповедь, как и ораторство вообще, непременно

преследует внешнюю цель. Оратор непременно имеет в виду слушателей и хочет подействовать на них, давая им то или другое направление. Если он излагает учение и раскрывает какую-либо истину, он хочет убедить в этой истине других, и хочет эту истину сделать их достоянием. Если он в своем слове касается практической жизнедеятельности и выставляет какое-либо нравственное правило, от которого видит отступление в окружающей среде, он убеждает ее жить и поступать так, как ему кажется полезным и необходимым для неё. Нет прямой цели у оратора и проповедника, нет стремления направить слушателей на добрый путь, ими открываемый, – нет ораторства и не получится и проповеди. Художник исполняет свою работу, хотя никого нет у него перед глазами, а проповедник, как и оратор вообще, говорит только для народа, имея перед собой слушателей, говорит с тем, чтобы так или иначе подействовать на них. Возникает ораторство на почве простой передачи своих мыслей и знаний, своих чувств и желаний. Но эта простая передача наших мыслей и желаний еще не составляет ораторства. Она делается ораторством, когда мы усиливаем энергию своей души при этой передаче, с целью сильнее подействовать на других и склонить и направить их туда, куда нам это кажется нужным и полезным для них. При этом могут быть привлекаемы к этой деятельности художественные элементы, которые отнюдь не составляют существенной принадлежности ораторского слова. Слово проповедника, как и оратора вообще, может быть сильным и действенным и без них, как и при них. Сила души, большая или меньшая степень одушевления, проявляющаяся в деятельности оратора, – вот главное условие действенности его слова. Хотеть и требовать, чтобы слово проповедника было не чем иным, как только простой, безыскусственной передачей христианского учения, – это значит хотеть, чтобы проповедь никогда не сходила с низшей ступени своего проявления, и совершалась самым примитивным образом, без всякого напряжения со стороны проповедника. Нет, такая проповедь всегда будет слабой, – думаем, мало действенной проповедью. Приложите к ней труд, вложите в нее душу, сообщите ей

энергию, какую полна душа ваша в минуты одушевления, что невозможно без некоторого напряжения с вашей стороны, – и тогда ваша проповедь будет словом сильным и действенным. Достоинство священной кафедры, священная важность той истины, разъяснение которой на ней предлагается, и высота цели, ей указанной, требуют, чтобы проповедь возвышалась над будничным, непосредственным выражением наших мыслей, и отмечена была печатью большей силы в сравнении с обыденной речью, являющейся часто в небрежном виде. А само собой разумеется, что для придания нашему слову большей силы и чистоты нужен труд, нужно большее или меньшее напряжение нашей душевной деятельности.

На что же должен быть обращен труд проповедника, при изготовлении своей проповеди?

Первая забота проповедника должна быть о том, о чем говорить народу в проповеди, и нельзя сказать, чтобы при выборе предмета не было для него затруднения. Правда, люди, легко смотрящие на дело проповеди, и проповедующие новые теории, освобождающие пастыря от излишнего, по их мнению, труда над составлением и изготовлением проповедей, говорят, что напрасно пастыри затрудняются в выборе предмета для своих церковных бесед. Это-де результат своеобразного взгляда на проповедь. „Пусть пастырь русским толковым языком сделает перифраз прочитанного евангелия или апостола, вставит от себя несколько подходящих религиозно-нравственных наставлений, – и достаточно“¹²². Пожалуй, достаточно для того, чтобы выполнить форму, и чтобы что-нибудь сказать. Но проповедь говорится не для того только, чтобы что-нибудь сказать и кое-как выполнить внешний долг. Когда проповедник является на кафедре, перед ним стоят и его слова ждут слушатели с разнообразными нуждами, и он каждый раз должен предлагать им назидание, строго соображенное с их нравственным состоянием, и слово его должно давать им духовную пищу, наиболее для них пригодную. Перед его мысленным взором чрезвычайное множество материй, полнота, можно сказать, неисчерпаемая божественной истины, откровенной свыше и хранимой в церкви. Что же брать из этой

полноты божественной истины? Хорошо ли будет, если проповедник схватит и будет раскрывать первую, случайно попавшуюся ему, мысль, и не долго думая, будет предлагать народу, ждущему от него доброй духовной, потребной ему пищи, схваченную им налету частицу истины? Не будет ли это напоминать сухой черствый кусок, небрежно брошенный голодающим? Нет, нужно не мало подумать и потрудиться, чтобы предложить народу в проповеди не кое-что случайное, а наиболее для него полезное и необходимое, по соображению обстоятельств места и времени. Тот не выполнит своего долга и не принесет ожидаемой от него пользы народу, кто, не стесняясь, свободно будет говорить, о чем ни попало, лишь бы говорить. Может речь его литься, как быстрый поток, и пусть в ней не будет заметно никакого запинания. Но будет ли она отвечать тем запросам, с какими стоят у кафедры слушатели. Хорошо, если систематически ведется дело учения, и если для системы избран удачный круг предметов. Легко в таком случае идти по наперед избранной дороге. Но наши проповеди большей частью проповеди отрывочные. Церковно-богослужебный устав, чтения, приуроченные к тому или другому дню церковного года, священные события, воспоминаемые церковью в известные праздники, помогают проповеднику избрать приличную дню тему проповеди, но они не указывают прямо предмета, на котором лучше всего сосредоточить внимание слушателей, и сосредоточиться самому проповеднику. В библейских чтениях, предлагаемых в церкви в известные дни, в священных праздничных воспоминаниях представляются предметы сложного состава; их обыкновенно не обнимают во всей целости, а берут или извлекают из них одну какую-либо часть. Кроме этих прямых указаний богослужебной практики для проповедника неперенным задним основанием при выборе темы должно быть внимание к потребностям и запросам слушателей; нужно выбирать не только то, что предлагается содержанием того или другого церковного дня, но и то, что при данных обстоятельствах наиболее потребно и полезно для народа. Уметь выбрать наиболее подходящую для известного дня и места тему –

большое достоинство проповедника, и мы полагаем, что для этого требуется не мало размышления. Иначе проповедник может оказаться человеком, говорящим без расчета, и слово его будет раздаваться, как кимвал звенящий, потрясающий слух, но ничего не оставляющий в душе. Итак, изучайте народ, старайтесь войти в ближайшее знакомство или единение с ним, и это единение укажет вам наиболее подходящие темы для уроков назидания, какими вы хотите направить его на путь спасения и вести по нему, в виду улучшения и возвышения его нравственного состояния.

Есть одно важное условие, могущее облегчить проповеднику труд его, о котором постоянно и с настойчивостью нужно напоминать всем, желающим преуспевать в деле благовестия Христова, — это глубокое, благочестивое настроение проповедника или полнота религиозной жизни его. Без особенных затруднений найдет достойную материю для поучения, с теплотой и впечатлительностью выразит и разольет ее тот, у кого мысль о Боге и божественных предметах глубоко залегает в душе и постоянно проявляется в его сознательной жизнедеятельности, кто живо представляет себе глубину нашего падения и немощи человеческой души, предоставленной самой себе, изнемогающей в борьбе с соблазнами и искушениями, и носит в сердце своем представление о милосердии и любви Божией, ищущей нашего спасения, и дарующей нам благодатные средства к стоянию и утверждению в добре. Если же ваша религиозная жизнь бедна, если святые помышления о Боге и Его милосердии к нам и о домостроительстве нашего спасения только изредка навещают душу вашу, и вы постоянно заняты предметами, не имеющими никакого отношения к делу веры и спасения, и живете вы в мире по мирскому, а не по Божьему указанию, тогда, конечно, не может легко дасться вам удачный выбор предмета для проповеди, и если остановится на чем ваша мысль, ваша речь не польется живым потоком, и от неё будет веять холодом, так как предмет её не выношен был вами и не согрет теплотою души вашей. Итак, возгревайте в себе дух веры и благочестия, наполняйте и обогащайте свою душу святыми помышлениями, не выпускайте из рук книги

Откровения, раскрывающей перед нами историю домостроительства нашего спасения, и пусть мысль о Боге и нашем спасении будет первой и последней мыслью вашего сознания, главным средоточным пунктом, „к которому обращена душа ваша, – тогда будете владеть великой силой при исполнении служения церковного слова“ и вам легко будет из сокровищницы своего сердца то, что хранится в ней, и чем дорожите вы, как святыней, и предлагать то для назидания народу, ждущему от вас душеспасительных руководственных указаний.

После заботы об избрании темы, другой вопрос, касающийся изготовления проповеди, – вопрос о том, как раскрывать избранную тему. Следовать ли известной традиции и развивать тему, соображаясь с логическими и гомилетическими правилами? Или предоставить дело личному вдохновению и не принуждать себя стесняться правилами школы? Защитники живого слова требуют свободного течения слов, не стесняющегося никакими правилами. Говорите так, как вы говорите в домашней беседе (часто слышится ныне, когда рассуждают о том, как нужно проповедовать. „Долой формализм, долой рутину“) ¹²³. Долой все путы, долой весь этот механический и логический аппарат, под который прежде укладывалась мысль проповедники! Не нужно, чтобы проповедь сочинялась, как словесное произведение, по законам логики и риторики ¹²⁴. Все эти логические рамки, которые из риторики переносились в гомилетику, и с которыми заставляли сообразоваться проповедников, – старый предрассудок схоластики, одно лишнее и напрасное стеснение для проповедника. Пусть так. Но не будет ли беспорядка в речи, если проповедник не будет связывать себя логическими узами? Речь сравнивают с потоком, который свободно несет свои воды. Но ведь поток должен иметь свое русло: если он не найдет этого русла, несомые им воды рассеются по безбрежной равнине, или он иссякнет в песках, встретившихся на пути его. И проповедь, текущая, как не сдержанный, не имеющий русла поток, может не оставить никакого впечатления в тех, к кому направляется. Нет! По нашему мнению, нельзя

пренебрежительно относиться к логическим требованиям. Логические законы построения и развития мысли – не путы, не стеснение для проповедника, а направляющая, руководительная сила, помогающая ему. Порядок всегда и всюду великое достоинство, и нарушение стройного порядка не может проходить безнаказанно. При обдумывании проповеди далеко не лишнее дело составлять твердое и ясное расположение слова, и уяснить себе план, какому вы будете следовать в развитии своей темы. Логические формы, в какие будет укладываться ваша мысль, будут для вас таким же сдерживающим и регулирующим началом, каким служит русло для потока. И чем больше обозначите вы для себя рамки вашей работы, тем легче польется ваша проповедь, и вы сами лучше будете владеть своей мыслью и управлять частными представлениями, служащими к развитию вашей темы. И слушатели с удовольствием будут воспринимать ясную и отдельную речь вашу, и скорее и лучше усвоят то, что вы хотите внушить им, когда вы рельефно обозначите главные пункты своей проповеди.

Положим, в проповеди желательна свобода изложения; в проповеди неуместна такая строгая методика и такое сухое изложение, как в учебнике. Здесь могут производить невыгодное впечатление эти, употребляемые в школьных сочинениях, во-первых, во-вторых, в-третьих. Пусть льется живая речь, не скованная сухими рубриками. Но избегая сухих делений, не нарушайте логического порядка в устройстве своей проповеди. Не годится здесь сухой скелет, облакайте его плотью, и тогда ваше слово будет живым организмом, а не расплывающейся болтовней. Нужно приучаться к порядку, к повиновению (говорит Вине)¹²⁵, чтобы потом пользоваться свободой... Хороших мыслей много, и они рождаются у многих, но, не связанные в одно целое организующей мыслью, они могут бесследно пропадать. Нужно организовать их, представить в связном целом. Тогда, при приведении их в порядок, устранится неопределенность и спутанность впечатления от проповеди. А нет строгого порядка в речи, говоримой человеком, при молчании слушателей, – слушатели

теряют нить мыслей, и не знают, куда хочет вести их проповедник. Речь, лишенная „порядка (говорит Квинтилиан)¹²⁶, точно вода, которая шумно бурлит, клокочет, не протекая, и не имеет никакой твердости. Подобно человеку, заблудившемуся ночью в неизвестных местах, она повторяет много вещей, много других опускает, и не наметив ни исходной точки, ни цели, она повинуется не намерению, но случаю“.

Можно ли пастырю пользоваться чужими проповедями, и вместо своего слова предлагать слушателям слово какого-либо известного проповедника, в целом виде, или в переделке и сокращении?

На этот вопрос нельзя дать прямого отрицательного ответа. Ныне существует так много изданий сборников проповедей, что в них можно найти пособие для разъяснения какого угодно религиозного вопроса. Иными редакциями духовных журналов предпринимаются нарочитые издания проповедей для практического пользования пастырями церкви, и печатаемые в них проповеди издаются в таком порядке, что подписывающиеся на них пастыри-проповедники получают для себя готовые поучения на ближайшие дни и месяцы церковного года. Чужими проповедями, как пособием, могут пользоваться пастыри, затрудняющиеся составлением собственных проповедей, или за множеством занятий не имеющие времени для изготовления своих поучений, а между тем чувствующие за собою долг учительства. Это не может быть возбранено им, и отцы или церковные писатели дозволяют такую практику учительскую. „Есть люди (говорит блаженный Августин), которые могут хорошо произносить проповеди, но не могут выдумывать того, что произнести, – не могут сами писать проповедей. В таком случае нет греха и бесчестия заимствовать у других мудро и красноречиво написанные поучения, выучивать их на память и предлагать народу. Проповедники, сказывающие чужие поучения, отнюдь не должны приходить в смущение от гласа пророка Иеремии, через коего Бог обличал тех, *иже крадут слова Его от искренняго своего* (Иер.23:30). Ибо крадет тот, кто похищает чужое, а слово Божие не есть чужое для тех, кои повинуются Богу... Если добрые христианские

наставники ссужают свои сочинения добрым же проповедникам, то здесь оба, – и сочинители и сказыватели, – проповедуют свое, а не чужое; поскольку у обоих у них и Бог свой, коему принадлежит то, что они проповедуют, и сочинения чужие делаются своими для тех, кои, не могши сочинить своих, живут чинно по чужим сочинениям¹²⁷. В церковной практике мы видим пользование чужими проповедями, в особенности теми, которые отмечены были печатью особенного достоинства. Геннадий масилийский, говоря о св. Кирилле александрийском, замечает, что он сочинил много бесед, которые греческим епископам рекомендуются для церковного употребления, то есть, для произнесения их перед народом¹²⁸. Другое свидетельство о пользовании на кафедре чужими проповедями мы встречаем в книге гомилета XIII века, генерала доминиканского ордена Гумберта романского. „Иные проповедники (говорит он) хотя не имеют достаточной способности составлять от своего ума хорошие речи, однако считают неприличным пользоваться тем, что сказано было другими, но хотят говорить только то, что сами выдумают. Такие подобны тем, которые не хотят подавать хлеба, кроме испеченного ими самими. Я слышал, что папа Иннокентий, при котором был собор латеранский, муж великой учености, раз проповедуя в большой праздник, имел подле себя человека, который держал беседу св. Григория на этот праздник, и слово в слово передавал народным языком то, что там написано было по-латыни, спрашивая о том, что следует, от державшего книгу, когда память изменяла ему. После проповеди спрашивали его, почему он так сделал, когда сам может сказать многое другое, – он отвечал, что сделал этим укор тем, которые гнушаются произносить сказанное другим“¹²⁹.

Но, представляя невозбранным пользование чужими проповедями, при сообщении доброго учения народу, мы не видим в том надлежащего выполнения проповеднического долга. Настоящая проповедь должна быть выражением личного чувства и убеждения; в ней хотели бы мы видеть живое слово, исходящее из сердца проповедника, проникнутое и согретое дыханием души говорящего. А таковою не будет проповедь,

если будет повторять чужие слова: это будет слово мертвой книги, а не прочувствованное слово живого человека. Разные проповеднические листки, предлагающие в изобилии готовые проповеди для пастырей – подспорье и пособие, собственно говоря, для лености или для слабости человеческой, то есть, для тех, которые, как говорит блаженный Августин, не могут сами составлять проповеди, или не хотят трудиться над этим делом, пожалуй, еще для тех, которые, за множеством занятий, не имеют времени приготовить поучение для того или другого дня, а между тем не желают оставить свою паству без приличного назидания. Эти листки напоминают нам средневековые пособия для проповедников, являвшиеся иногда под вычурными заглавиями, вроде „Parati sermones“ или „Dormi secure vel Dormi sine cura“ (Спи спокойно: проповедь твоя готова). Подобные сборники, содержавшие проповеди на воскресные и праздничные дни церковного года, в средние века, пользовались большой популярностью и издавались много раз *ad usum praedicantium*. Но позднейшая история указала, что подобные сборники имели неблагоприятное влияние на проповедников, освобождая их от самостоятельной работы. Пользуясь ими, проповедники часто предлагали слово, которое мало приноровлено было к потребностям слушателей и их умственному и нравственному состоянию. Над средневековой схоластической проповедью произнесено историей осуждение за неживое, механическое отношение к задаче, ей предлежавшей, чему немало способствовали тогдашние проповеднические сборники, издававшиеся в большом количестве.

Изучение, и изучение внимательное образцовых проповедников нельзя не рекомендовать людям, призванным к служению церковного слова. Изучая их, мы можем лучше развить и усовершенствовать свой талант, можем расчистить и уравнивать путь, которым должны идти, исполняя свое служение. Но изучая образцовых проповедников, мы должны обогащать себя знаниями, из них черпаемыми, должны стараться усвоить дух их, перенимать от них, по мере возможности, внутреннюю силу, в них проявляющуюся и делающую их слова так

впечатлительными, и их гомилетические приемы. Но это отнюдь не должно простираться до рабского копирования буквального строя их произведений. Всегда нам нужно быть самими собой, когда мы выступаем на служение, нам поручаемое церковью. Терять свою личность там, где ожидают нашего слова, значит прямо обнаруживать перед всеми свою слабость и несостоятельность.

Что мы говорили о пользовании чужими проповедями, то же самое должны сказать о пользовании такими пособиями для проповедников, каковы „Практическая гомилетика“ Толмачева, где на каждый воскресный и праздничный день церковного года, на основании установленных евангельских и апостольских чтений и воспоминаний знаменательных событий, приуроченных к тому или другому дню, указано несколько тем проповедей, с более или менее подробным их развитием, сопоставлением главных мыслей, служащих к уяснению поставленной темы. Можно пользоваться подобными пособиями; они могут облегчать трудную работу ведения проповеднического дела. Но они не могут и не должны иметь преобладающего значения в проповеднической деятельности. К ним можно обратиться, когда проповедник встречает затруднение в выполнении своего служения. А кто рабски или слепо будет руководствоваться чужими указаниями, тот не будет удовлетворять существенному требованию от проповеди, понимаемой в качестве живого слова, исходящего от души проповедника.

Для успеха в деле проповедничества пастырю необходимо постоянное чтение и изучение сочинений религиозно-назидательного содержания для оживления, утверждения и расширения своих познаний. При этом условии он может быть плодовитым проповедником, и проповеди его могут отличаться богатством мыслей. В этих видах Югманн не рекомендует пользоваться чужими практическими сборниками, составленными в пособие проповедникам. Гораздо полезнее, по его словам, вместо того, чтобы пользоваться чужими трудами, самому составлять подобные сборники и постоянно восполнять их. Пусть, при чтении полезных сочинений, он записывает то, что покажется ему заслуживающим внимания; на память в этих

случаях не всегда можно рассчитывать. Для этого, при чтении книг, всегда нужно иметь в руках перо или карандаш. А для того, чтобы легче найти записанное при чтении, когда понадобится, нужно держаться какого-либо порядка в записной книге, или систематического или алфавитного порядка названия предметов. Тогда у вас всегда под руками будет требуемый, полезный для вас материал¹³⁰.

В трактате о составлении проповедей главный вопрос, служащий камнем преткновения, и вызывающий споры, – вопрос об импровизации проповедей. В виду разноречий, при решении этого вопроса, мы считаем нужным остановиться на нем с подобающим ему вниманием, и выставить нужные основания для полного освещения его.

У нас о проповеднической импровизации заговорили после введения Устава духовных семинарий в 1867 году. Тогда постановлено было в семинариях приучать будущих пастырей к живому импровизированному слову, и в учебнике гомиластики, по указанию Учебного Комитета, явился особый отдел о проповеднической импровизации¹³¹, который стоит здесь особняком, не выведенный строго из систематического построения науки. Практика импровизации, хотя вводилась в школу, не сопровождалась особенно видными благоприятными результатами. Школа, и при усердии наставников, мало выпускала способных импровизаторов, и в церквях почти так же редко слышалось импровизированное проповедное слово, после введения Устава 1867 года, как и прежде.

Большое впечатление, по занимающему нас вопросу, произведено было книгой преосвященного Амвросия, архиепископа харьковского „*Живое слово*“ (1892 г.), в которой импровизация в проповедническом деле представлена наиболее желательным и нормальным способом проповеднического учения, и со времени появления этой книги многие стали ставить в необходимость и в неперемнную обязанность пастырям говорить не сочиненное слово, а живое. Под этим живым словом, к какому призывались проповедники, разумелись речи совсем не писанные, а только дома обдуманые, или даже на месте происшествия соображенные, и

потом произносимые в собраниях в тех выражениях, какие сложатся у оратора в минуту произнесения... Речь импровизатора есть речь более или менее разговорная. Проповедник пусть говорит так, как может и как умеет¹³². – Конечно, требования предъявлять можно. Но легко ли выполнить их? И всякий ли на то способен? И хорошо ли будет, достойно ли церковной кафедры, если с неё будет раздаваться слово неуклюжее, нестройное, туманное? Сам преосвященный Амвросий, ратующий за живое импровизированное слово, сознает, что для хорошей импровизации требуются от проповедника такие способности, какими не всякий владеет, – крепкая, наилучшим образом развитая сила мышления, быстрота, живость и сообразительность ума, живое воображение, особенный дар слова, крепкие нервы, хорошее здоровье и сила голоса¹³³.

В последние годы говор об импровизации проповедей возбудил г. Тареев своей статьей в Страннике (1902, 1), под заглавием: *„Проповедь, как живое слово“* (Эта статья, вместе с другими статьями гомилетического характера г. Тареева, явилась потом в отдельной брошюре, озаглавленной: *„По вопросам гомилетики. Критические очерки“*. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1903). Г. Тареев идет далее преосвященного Амвросия, и стал решительно за импровизацию и, считая ее единственно возможным для истинного проповедника словом, не ставить её в зависимость от особенных талантов проповедника; По его мнению, всякий может быть импровизатором. Для этого достаточно одного религиозного воспитания. Сознание пастырского учительского долга одно служит достаточной психологической основой проповеднической импровизации. Истинный проповедник может говорить только живой импровизированной речью, и никаких особенных требований от проповеди, как живого слова, не должно быть. Неспособность к проповеднической импровизации свидетельствует о религиозной неподготовленности пастыря к своему делу¹³⁴.

Мнение г. Тареева вызвало сочувственные отзывы, но вместе с тем вызвало и возражения. В том же Страннике, где

Тареев горячо ратовал за импровизацию проповедей, высказаны были суждения, не согласные с требованиями г. Тареева, в статьях священников Влад. Бибуры и В. Зеленева, под заглавием: „К вопросу о проповеди, как о живом слове“¹³⁵. Бибура указывает на то, что нельзя всех обязывать говорить импровизации, так как не всякий способен импровизировать. А Зеленев отдает решительное предпочтение слову писанному перед словом импровизированным, как слову более обдуманному и взвешенному, и заявляет, что, во избежание явного вреда для церкви Божией, отнюдь не следует узаконить импровизацию ко всеобщему употреблению.

Что скажем мы, в виду разноречивых суждений по этому вопросу?

Чтобы представить не голословное решение вопроса, трактуемого с разных сторон в нашей литературе и в устных беседах, мы считаем нужным обратиться к авторитетам, снискавшим себе славное имя в истории красноречия или публичного слова, предлагаемого народу, и в истории науки об ораторстве, и о проповедничестве, в частности, и с их суждениями познакомить читателей.

Видные авторы, почти все без исключения, не на стороне защитников чистой импровизации. Они не одобряют тех, кто решается говорить речи народу без всякого приготовления.

Послушаем сначала, что говорят светские классические ораторы и риторы. Во главе ораторов всемирно-исторических стоит Демосфен, высокий талант которого всеми признается несомненным. Он владел словом свободнее и лучше, чем кто-либо другой из публичных ораторов, и говорил по таким вопросам, которые сильно занимали его душу, и составляли предмет его забот. Ему-ли, при его высоком таланте, при опытности, нажитой им ораторской практикой, и при его патриотическом одушевлении, стесняться говорить народу речи без особенного, нарочитого приготовления? Между тем он всегда тщательно готовил свои речи. Когда один из его друзей с усмешкой указывал ему на то, зачем он так трудится над изготовлением своих речей, он отвечал этому другу: „я стыдился бы явиться перед таким большим собранием без

приготовления, не имея ничего сказать ему, кроме того, что случайно взбредет мне на ум“.

Послушаем другого славного оратора древности, первого представителя римского красноречия – Цицерона. Он тоже неблагоприятно смотрит на методу, усвояемую импровизаторами. В книге „Об ораторе“ он влагает в уста Красса такую мысль. Упражнение в импровизации (замечает он) приносит свою пользу. Но весьма многие при такой импровизированной речи упражняют только свою грудь и свой голос; они усвершенствовали изворотливость своего языка и счастливы тем, что могут рассыпаться обилием слов. Их обольщает мысль, которую часто можно слышать: „практикой обыкновенно люди приобретают способность говорить“. Но справедливее нужно сказать: дурно говорить люди научаются от того, что им весьма легко даются плохие речи. Посему в самых тех упражнениях, хотя хорошо говорить речи и экспромтом, но гораздо лучше, употребив время на размышление, говорить речь, тщательно приготовленную заранее. Но главное дело как можно больше писать. Стил (перо) самый лучший и самый превосходный производитель и учитель красноречия. И это справедливо: ибо, если после размышления и обдумывания легко удастся иной раз импровизированная и случайная речь, то после усидчивого и усердного записывания она выйдет несравненно лучше. Тогда, при внимательном и усердном отношении к делу, лучше возникают и развиваются мысли, служащие к уяснению того предмета, о котором мы пишем; далее подпадают мало по малу под перо обороты и выражения, наиболее подходящие к особенной цели и предмету речи и, наконец, через запись научаются искусству правильного строения речи, и приобретают стиль, отличающийся благозвучием и ораторской размеренностью¹³⁶.

Лучший ритор из древних писателей Квинтилиан тоже с недоверием относится к методу импровизаций, при произношении публичных речей. Он рекомендует писать (упражняться в письменных работах) как можно усерднее и как можно чаще. Письменная обработка речей (говорит он) дело, требующее большого труда, но за то обещающее большую

пользу и великий успех. Без ясно обдуманного ряда мыслей способность говорить импровизации дает только пустого болтуна и слова, рождающиеся на губах¹³⁷.

Такие же суждения по этому вопросу мы встречаем у представителей красноречия нового времени. Лорд Брукгам (Brougham), один из лучших ораторов английских, говорил об этом предмете речь в 1860 году, в качестве канцлера Эдинбургского университета. Указывая на Демосфена, который решительнейшим образом восстает против импровизации, он так выражается о публичной речи без приготовления: „Кто не имеет естественного расположения к ораторству, тот в этом случае будет говорить совершенно дурно, а одаренный от природы по крайней мере будет говорить без красноречия. Ему может попасться на мысль тонкое замечание, удачный образ; но нетвердая, небрежная и вялая дикция, неспособность излагать свои мысли в надлежащей полноте и давать им возможно лучшую и впечатлительную форму, – все это сделает из импровизатора обыкновенного болтуна. Иной оратор такого рода, пожалуй, никогда не спутается в слове, но едва ли и одно из его слов будет достойно слушания... Это заблуждение – называть импровизацию естественным красноречием, напротив, импровизация и неестественна и не красноречива. Человек под влиянием сильных чувств или страстей, увлекаемый тем, что наполняет его душу, конечно, производит сильное впечатление на своих слушателей и достигает иногда без искусства высшей красоты. Язык страсти течет легко; он сжат и прост, – совершенная противоположность расплывчатой болтливости дюжинного импровизатора. Но он удается оратору опытному, развившему свои способности образованием. В этом состоит достоинство изучения: оно делает человека способным во всякое время оказывать то, что только в редких случаях доставляет одна природа. Для исправления недостатков нынешнего красноречия нет лучшего средства, как прилежное изучение античных образцов, в особенности целомудренной красоты греческой композиции, и при этом строгая практика письменного приготовления“.

Другой раз, в письме к отцу известного лорда Маколея, Брукгам еще решительнее выражает свою мысль против методы импровизаций. Говоря отцу Маколея о воспитании сына, он настаивает, чтобы тот наперед записывал свои речи... Без сомнения, это тяжелая работа, несомненно более тяжелая, чем говорить экспромтом; но она необходима, чтобы сделаться совершенным оратором, совершенно необходима, чтобы привыкнуть к правильной дикции... Я иду далее и утверждаю, что до конца жизни нужно записывать речи от слова до слова, если хотеть, чтобы они были прекрасными речами. Спрашивается теперь: хочет ли ваш сын быть великим оратором, или нет? Другими словами, хочет ли он достигнуть почти неограниченной силы в свободной стране оказывать добро для человечества, или не хочет этого? Если в нем есть это желание, он должен следовать этим правилам¹³⁸.

Такие суждения (могут сказать) относятся к светскому красноречию, а не к проповеди церковной. Но проповедь, предлагаемая народу с кафедры, такая же публичная речь, как и всякая другая и, будучи такой, она не может не подлежать общим законам красноречия, хотя и имеет свои специфические особенности или видовые отличия.

Обратимся к авторитетным представителям христианского проповедничества и посмотрим, какие у них воззрения на предмет, нами обдуманный. Мы приводили выше суждения по вопросу об исполнении проповеднического долга, высказанные главнейшими из христианских проповедников, – св. Григорием Богословом и св. Иоанном Златоустым. Они мало благоприятны для требующих от проповедника чистой импровизации. Св. Иоанн Златоуст, не только требует непрерывного труда от людей, посвятивших себя служению церковного слова, но внушает им тщательнейшим образом составлять поучения не для того, чтобы снискать похвальные рукоплескания, а для того, чтобы угодить Богу. Даже, по его указанию, чем большим талантом и образованием отличается проповедник, тем более следует ему трудиться и заботиться о лучшем изготовлении своих речей, потому что от него большего ожидают, и если он предложит слово, не отвечающее этим ожиданиям, то он

подвергается осуждению от слушателей, и после этого они не станут слушать его с прежним вниманием. Людей, не отличающихся особенным талантом, он предостерегает от вступления на кафедру для сообщения народу слова назидания, без приготовления, указывая на ту опасность, какой они могут подвергаться во время сказывания проповеди. „Если и способные говорить с великой властью имеют нужду в постоянном упражнении (говорит он), то нисколько не приготовившийся ранее и принужденный думать об этом во время самых подвигов (т. е. во время сказывания проповеди) какие встретит трудности, какое беспокойство, какое смущение, чтобы с великим трудом приобрести какой-нибудь малый успех“!¹³⁹.

В нашей русской духовной литературе наибольшим авторитетом пользуется покойный митрополит московский Филарет, и его суждениям до сих пор придают особенный вес, считая его руководителем в решении разных вопросов богословского ведения. Но он был решительный противник импровизации: все свои проповеди он писал наперед, и даже многие из них, прежде произношения, посылались для просмотра и, в случае какой-либо обмолвки, исправления близким к нему подчиненным лицам, к которым относился с доверием. И не раз им высказываемо было мнение о необходимости предварительного приготовления проповедей, прежде их произнесения. По его мысли, в 1829 году, написано было и потом напечатано было в числе сочинений студентов Московской духовной Академии рассуждение о том, что „церковные поучения должны быть заблаговременно сочиняемы, потому что всего предпочтительнее осторожность и предусмотрительность в таком деле, в котором малейшее небрежение влечет за собою гибельные последствия... И когда представим сие, то, конечно, не удивимся, ежели и искуснейший не осмелится произнести ничего такого, что не приготовлено им предварительно со всем возможным тщанием, и что не проверено не только собственным его суждением, но даже суждением многих“¹⁴⁰. – Один из предстоятелей церковных заявлял митрополиту Филарету, что он решился готовить

церковные поучения, какие говорил народу, не прежде, как во время литургии. Митрополит Филарет в письме к нему высказал следующее: „некоторые благоговейные люди заметили, что предстоятель должен предшествовать всем, находящимся в церкви, непрерывным вниманием к молитве и к таинству, а не оставлять оное без внимания, занимаясь приготовлением к поучению“¹⁴¹.

Другие наши первоклассные проповедники или вовсе не пользовались импровизацией, или, и владея свободным словом, не считали импровизацию обычной для себя методой, и авторитет снискивали проповедями, над которыми они немало потрудились.

Покойный Димитрий (Муретов), архиепископ херсонский, обладал быстрой производительностью, и мысль его была живая и обильная, но он никогда не решался говорить проповеди, не записав её наперед, и не стеснялся выходить на кафедру с заготовленной тетрадью, хотя лекции свои в академической аудитории он говорил наизусть. Причина такой предусмотрительности заключалась в его высоком уважении к церковной кафедре, а поводом к такому предусмотрительному образу действий был неприятный случай, какому он подвергся, при окончании академического курса в 1885 году. На публичном экзамене, по старому обычаю, он, как лучший студент, должен был говорить речь перед митрополитом и собравшейся публикой. Речь им была приготовлена и записана, просмотрена и одобрена Иннокентием, бывшим тогда ректором Киевской Академии. Но вследствие волнений, при торжественной обстановке, память изменила ему, и он, выйдя говорить речь, запнулся на первом слове, и не мог продолжать речи.

Не был импровизатором и преосвященный Никанор одесский. Ему легко доставались его проповеди, снискавшие ему славу оригинального, сильного мыслю, проповедника. Но все они наперед, перед сказыванием, были записаны, и он не произносил их наизусть, а обыкновенно читал по тетради. Сам преосвященный харьковский Амвросий, автор „Живого слова“, рекомендуя проповедникам говорить импровизированные поучения, в своей практике далеко не всегда держался этой

методы. На всех его проповедях, изданных им, лежит печать труда мысли и труда не малого, свидетельствующего о том, что он много и, может быть, долго обдумывал ту тему, рассуждение о которой решался предложить слушателям с церковной кафедры. Да и известно, что в последние годы своей жизни он часто не сам произносил свои проповеди, а, написав их, поручал произносить их одному из протоиереев. Знаменитый Иннокентий (Борисов) хотя владел и пользовался импровизированной речью, особенно в последние годы своего служения, но славу знаменитого проповедника приобрел не импровизациями своими, не проповедями последних лет, а проповедями первого цветущего периода своей жизни, над изготовлением которых он трудился очень тщательно.

Приведем в пример еще одного из популярнейших русских проповедников, – протоиерея, Родиона Путятина. Проповеди его выдержали 17 изданий, что едва-ли доставалось проповедническим произведениям кого-либо другого из наших проповедников. Проповеди его весьма кратки по объему, и содержание их самое простое, и язык такой, какой употребляется в обыкновенном разговоре, без всякой изысканности. Казалось, что для таких простых и кратких поучений не нужно никакого нарочитого приготовления. Между тем они ему не легко доставались: он много трудился над ними, и все они им наперед были записываемы. Самая простота их, которой они особенно нравились, была плодом его заботливой обработки их. В Церковных Ведомостях¹⁴² напечатан отрывок из его дневника, и из него узнаем мы, каких забот, беспокойств и долгих размышлений стоило ему изготовление простых, по-видимому, не мудрых, поучений. „И самое краткое поучение (говорит он) не малого труда мне стоит: вчера, часа три, четыре я все рождал, и десять строк не больше успел написать. Да, я всю ночь мучился, не спал, по милости приготовления поучения и доходил вчера до совершенного изнеможения. Дорого бы я дал, если бы кто меня избавил от моего труда... Тяжелое дело сочинительство. Сколько одних тревог, сомнений, недоумений, опасений!... – Вот искушение! Первый час за полночь, а я не сплю, и никак уснуть не могу. Думал о поучении к завтраму:

ничего не мог придумать. От чего эти поучения не даются нам так, без труда? Мало того, что труд для них необходим: нет, надобно,... уж я не знаю, как сказать, что надобно: надобно измучиться, из сил выбиться, после больших усилий, после долгого напряжения, и все-таки этого мало. Не напрасно говорят, что для всякого писателя вдохновение необходимо, то есть, необходимо, чтобы свыше что-нибудь пришло к тебе, чтобы что-нибудь натолкнуло тебя на мысль. Что меня заставляет заниматься, или, вернее сказать, мучиться над поучениями?... А я в собственном смысле мучаюсь или мучился над некоторыми из них“. Приготовляя поучение, переводя обдумываемое содержание на бумагу, он часто недоволен был собою, не доволен был тем, что вылилось из-под пера его, и он отмечал в дневнике своем: „все не то, все не так. Так что же? Так как же? Господи! Вразуми меня, вразуми меня, что я должен говорить. Мне хочется говорить; мне больно, что не умею, не могу говорить, как мне хочется“.

Мы могли бы представить несколько примеров отрицательного отношения к методу импровизаций из истории иностранных проповедников. Но это могло бы завлечь нас далеко, не представив новых оснований к уяснению вопроса, нами обсуждаемого. Не можем, впрочем, не привести характерного ответа на этот вопрос одного из видных протестантских проповедников прошлого столетия – Гармса. Этому Гармсу, снискавшему большой авторитет, и слывшему выдающимся оратором, говорил один проповедник: „не правда ли, г. пробст, что вы теперь уже не записываете более своих проповедей? Когда я был молод, я записывал их, а теперь Дух Святой дает мне, что я должен говорить“. Гармс отвечал: „я и теперь записываю все свои проповеди. Единственный раз в своей жизни не сделал этого. Тогда Дух Святой сказал мне на кафедре: Клавдий! Клавдий (так звали Гармса), ты ленив стал! Ничего другого не сказал мне Дух Святой“¹⁴³.

Обратимся к лучшим гомилетам иностранным, и послушаем их рассуждения по вопросу об импровизации.

Как гомилет, особенным авторитетом во французской литературе пользуется Жибер, писавший свое гомилетическое

сочинение в самое цветущее время французской проповеди, – время Боссюэта, Бурдалу и Массильйона. Он решительный противник импровизации и требует непременно предварительного приготовления проповедей. Являться на церковную кафедру без приготовления, по его воззрению, значит, во-первых, показывать неуважение к слушателям, и, во-вторых, не считать достойным забот такое высокое дело, как проповедничество. Проповедников импровизаторов он называет авантюристами, которые с беспечностью безрассудно пускаются в широкое и опасное море христианского красноречия, и весьма часто терпят здесь кораблекрушение. Проповедники, слишком полагающиеся на свой талант и выходящие на кафедру с такой же беспечностью и с таким равнодушием, с какими они идут на прогулку, не понимают величия своего служения и забывают, что они имеют беседовать с народом, ожидающим от них не случайного слова, какое взбредет им в голову и сорвется с их языка. Для надлежащего выполнения проповеднического долга, каждый раз едва достаточно самое упорное приготовление, как бы ни был велик талант у проповедника...

Кто хочет думать о том, что сказать, только в минуту произнесения проповеди, тот искушает Господа и легко может остаться на мели, говорить очень дурно и вызвать укор и осмеяние. Выходить на кафедру без приготовления не значит следовать внушениям Святого Духа, а значит грешить против Духа Святого, который хочет, чтобы мы заботливо исполняли возлагаемые на нас обязанности, касающиеся трудного и важного служения слова... Трудясь, вы достигнете того, что ваше слово произведет впечатление, а без труда едва ли это возможно.

Могут иные освободить себя от тяжелого труда составления проповедей под тем предлогом, что они владеют отличным талантом, при котором легко могут говорить приличные речи без приготовления. Но каким бы гением вы ни обладали, вы рискуете спуститься ниже посредственности, если не будете поддерживать его трудом. Сознание своего собственного таланта не должно быть для вас основанием лени и небрежности, а сильным побуждением к труду. Пусть

проповедники, полагающиеся на свой талант и потому не трудящиеся, помнят пример Господа о ленивом рабе, у которого Он велит отнять талант, ему прежде вверенный... Когда проповедники достигают известной степени репутации, эта самая репутация обязывает их с особенным усердием заниматься своими проповедями: им нельзя быть более посредственными. По словам Златоуста, народ, у которого проповедник достиг славы, ожидает от него чего-нибудь великого, возвышенного, удивительного, и если он не отвечает его ожиданиям, он отвращается от него и презирает его¹⁴⁴.

Другой французский гомилет – Фенелон хотя не рекомендует записывать и от слова до слова выучивать наизусть речь, назначенную для публичного произнесения, но не является защитником импровизации в полном смысле этого слова. Он требует тщательного, предварительного приготовления той проповеди или речи, какую оратор или проповедник намерен произнести. По его указанию, лучшая метода изготовления проповедей – тщательное обдумывание предмета, о котором хочет говорить проповедник, – обдумывание не общее, а входящее во все частности. Оратор, обдумывая свою речь, начертывает в уме своем порядок мыслей, prepares сильные выражения, которыми выпуклее и впечатлительнее может изобразить предмет свой, взвешивает все доказательства, какими может подкрепить все положения, им защищаемые или внушаемые слушателям, придумывает известное число патетических мест. И вот, когда он выходит на кафедру, – он владеет собой, говорит естественно, мысли текут из готового источника; его изложение живо и полно движения“¹⁴⁵.

Немецкие протестантские гомилеты, – Шотт, Шлейермахер, Швейцер, Бассерманн, – все требуют приготовления проповедей. Вопрос здесь у них не в том, записывалась ли проповедь, а в том, что нужно ли вообще готовить ее. Внутреннее приготовление, самое тщательное, не только рекомендуется ими, а вменяется в обязанность проповеднику. Это приготовление проповеди должно простираться не только на расположение или план проповеди, не только на частные

мысли, служащие к уяснению темы, но и самое изложение, даже на самое произношение.

Методы полной импровизации (говорит Шотт, автор замечательной „Теории красноречия с особенным применением к духовному красноречию“ нельзя рекомендовать проповедникам и нельзя требовать введения её в обычную проповедническую практику. Она может быть допускаема в особенных случаях, когда какое-либо обстоятельство вынуждает проповедника к скорой неожиданной речи, когда вдруг по какому-либо непредвиденному поводу приходится ему говорить в собрании. Могут попадаться избранные, высоко-даровитые ораторы, которые, без затруднения и замешательства, складно и сильно могут экспромтом говорить о разных предметах, входящих в круг их познания. Но люди с такими счастливыми дарованиями составляют своего рода редкость. Да и они, выдающиеся таланты, состоят в зависимости от благоприятных настроений, которые не всегда в их власти. И для них может быть опасность, что в минуту произнесения речи у них не найдется приличная мысль, и они станут заменять ее повторениями и многословием, или прибегнут к общим местам, и малозначительным стереотипным фразам¹⁴⁶.

Швейцер, писавший в половине истекшего столетия (Homiletik der evangelischen Kirche, systematisch dargestellt), руководству которого германские гомилеты (Краус¹⁴⁷, Ахелис¹⁴⁸) придают особенное значение, указывает три метода, какими пользуются проповедники: запись проповеди от слова до слова, импровизация и тщательное внутреннее обдумывание. Относясь неодобрительно к методу записывания проповеди от слова до слова и выучивания её наизусть, он вместе с тем не одобряет и чистой импровизации. Импровизация, которая в момент произнесения проповеди снискивает мысли и их выражения, кажется ему делом ненормальным, которое нельзя вводить в порядок вещей; при ней и мысли и их развитие и изложение будут неудовлетворительны, по крайней мере, не достигнут надлежащего совершенства. Импровизацию только из нужды можно допускать, и проповедник, пользующийся ей, не вызываемый к тому обстоятельствами, не заслуживает

извинения. Чем важнее дело проповеди, тем необходимее тщательное приготовление к ней. Если находятся люди, которые думают, что им не нужны ни правила, ни приготовление к достойному совершению проповеднического дела, то нельзя не признать их впадшими в нетерпимое заблуждение. Неумеренное хватание случайных летучих мыслей и выражений, во время произнесения импровизированной речи, и легкомысленная болтовня, часто при этом замечаемая, заставляют предпочитать этому способу сказывания проповедей всякий другой род приготовления проповедей, как бы он ни был тяжел¹⁴⁹.

Резкое суждение об импровизации высказал голландский богослов Остерзее, которого практическое богословие переведено почти на все европейские языки¹⁵⁰. „Есть проповедники (говорит он), которые осмеливаются почти без приготовления говорить перед общиной о высочайшем и святейшем и излагать народу сразу представившиеся мысли, часто в помазанном тоне. Такое поведение мы представляем, как плод лености, высокомерия или печального фанатизма и предаем публичному презрению. Выражаясь мягко, это игра святыней, нечестивое искушение Бога, бессовестное пренебрежение неотъемлемым правом общины на лучшее, то есть, на зрелые плоды нашего освященного размышления об откровенной тайне Божией. От импровизации вред для общины: в этих беглых проповедях ей дают солому вместо хлеба, – вред и для проповедника: проповедническая деятельность от этого падает, и проповедник делается пустым болтуном, который высочайшее и святейшее унижает и оскверняет фразами“.

Суждение Остерзее принимает и повторяет Ахелис в своем *Практическом богословии*¹⁵¹. Он считает недостаточным внутреннее обдумывание и усвоение проповедей, а рекомендует записывать проповеди. Он замечает, что род приготовления проповеди, соответствующий психологическому закону, важности дела и нормальному дарованию, тот, чтобы проповедь заботливо вырабатывалась письменно. Он указывает, что все выдающиеся представители духовного красноречия буквально записывали свои проповеди, и это

указание подтверждает свидетельством Шустера, авторитетного представителя гомилетической литературы последнего времени. Преимущество записывания проповедей у Шустера выставляется в следующих положениях: 1) оно предохраняет от всех вредных действий, какие могут производить на духовного оратора в час произношения проповеди неблагоприятное настроение или телесное нерасположение проповедника, какие-либо внезапные возмущающие случаи в собрании, 2) облегчает более глубокое и богатое развитие материи проповеди, 3) дает ручательство за добрый порядок мыслей, 4) дает возможность обращать больше заботливого внимания на словесное изложение, и 5) даже на усовершенствование произношения¹⁵².

За запись проповедей стоит и Юнгманн, автор „Теории духовного красноречия“, служащей одним из лучших гомилетических руководств в немецкой римско-католической литературе, ссылаясь на лучшие авторитеты, начиная с Квинтилиана¹⁵³.

Что же? Какое заключение мы поставим после приведения суждений авторитетных мужей по вопросу, нами поставленному? Ужели совершенно осудим методу импровизаций, как методу непригодную?

Нет, мы не сделаем такого заключения. Та и другая метода, – метода импровизаций и метода тщательного приготовления проповеди, через запись или через одно внутреннее обдумывание и усвоение содержания проповеди, – могут быть употребляемы в дело. Предписывать исключительно одну из этих метод, заставляя следовать непременно одной из них, – это могло бы повести к уменьшению числа проповедников, – через это мы могли бы привести к молчанию таких людей, которые могли бы быть украшением церковной кафедры. Таланты и расположения людей различны, и пусть каждый в своей проповеднической практике сообразуется со своими природными расположениями. Кто без стеснения может импровизировать, не боясь замешательства, кто владеет свободным словом, – пусть импровизирует. Кто, приготовляя проповедь, находит возможным довольствоваться одним внутренним обдумыванием, без записи своих мыслей на бумаге,

– пусть следует этой методе. А много и таких, для которых такое приготовление недостаточно, и которые, не боясь конфуза, могут произносить только записанное. Зачем запрещать таким выступать на кафедру со словом, наперед записанным? Здесь мы можем привести слово апостола Павла, которому возвестили, что многие различно и по разным побуждениям проповедуют благовестие Христово; он заметил по этому поводу: *что ж до того? Каким бы образом ни проповедовали Христа (притворно или искренно), я и тому радуюсь, и буду радоваться (Флп.1:18)*. Если он не отвергал притворного благовествования о Христе, то, конечно, не стал бы подвергать осуждению те, в нравственном отношении невинные, способы, какими пользовались и пользуются позднейшие проповедники Евангелия, исполняя служение церковного слова, сообразуясь со своими личными способностями.

Мы не решаемся и не можем рекомендовать и предписывать всем импровизировать на церковной кафедре, хотя готовы воздать подобающую честь способному импровизатору, – не можем потому, что для хорошей импровизации требуются многие дарования, трудно соединимые в одном виде. С импровизированным словом безбоязненно может выступать такой человек, у которого быстрая мысль, живое воображение, отличная память, свободное выражение, и при этом спокойствие и полное самообладание, при котором человек не может смешаться ни при каких возмущающих обстоятельствах. Но многие ли владеют такими дарами? А когда дюжинный человек, с срединными дарованиями, выступает с импровизированным словом, у него чаще всего мысль не отчетливая, речь вялая, расплывчатая, не впечатлительная, и случаются грубые обмолвки, *lapsus linguae*, могущие вызвать строгое осуждение на проповедника.

Более нормальная и более безопасная метода проповедничества – тщательное приготовление проповедей. Она основывается на психологических началах. Что хочет предписывать наука, как обязательное правило для всех, то должно быть рассчитано на людей среднего уровня, каких большинство. А для таких было бы большой смелостью

пользоваться, при исполнении проповеднического служения, методом импровизации. Как бы ни был силен ум, мысль при первоначальном зарождении является не сформировавшейся; в ней не созрели составные части, не выделились члены. Нужно напряжение и, пожалуй, напряжение немалое, чтобы из этого зародыша образовался организм, и приличное слово не всегда сразу найдется для возникающей и быстро формирующейся в уме мысли. Тем более нельзя рассчитывать на силу слова, доходящего до разделения души и духа. А когда проповедник хорошо приготовил то, что предполагал сказать, он является хозяином своего слова, с уверенностью им распоряжающимся. У него все взвешено и обдумано; ему не угрожает опасность смешаться и запутаться и сказать что-либо, мало достойное церковной кафедры, хотя бы в каком-либо неприличном сравнении и грубой фразе.... И слушатели более могут ценить его речь, когда они видят, что проповедник выносит не случайно и мгновенно попавшееся ему слово, а выношенное им и созревшее у него в глубине его сердца, и они платят ему полным вниманием. Если же слышится ими не твердая и сбивчивая речь импровизатора, в их глазах умалается цена речи и её внутреннего содержания, и ими овладевает неприятное чувство боязни, как бы не сбился и не смутился проповедник, когда они видят, что перед ними мысль проповедника является в не легких муках рождения.

Нечего стыдиться и записи проповедей от слова до слова, нечего стесняться выходить на церковную кафедру и с рукописью в руках, когда вы не обладаете счастливой памятью, и не можете быть уверены в том, что без пособия рукописи вы без всякого замешательства и с полным успехом выполните свое дело.

Суть дела, при достойном выполнении проповеднического служения, вовсе не в той или другой манере составления и приготовления проповедей, не в том, импровизацией ли вы говорите, или тщательно и подробно обдумываете свою проповедь, или буквально записываете все, что имеете сказать. В деле проповедничества это внешнее условие проповеднического служения имеет второстепенное значение.

Проповедь может быть хороша и оказывать свое действие при той, другой и третьей методе проповедничества, равно как и обратно – проповедь может не отвечать своему назначению, какой бы методой вы ни пользовались в своей практике.

Суть дела в том, чтобы проповедник искренно был предан делу веры и делу спасения своих братий, чтобы в его груди теплился и, когда нужно, воспламенялся огонь благочестивого одушевления. Если в нем есть много одушевления, из его уст будет раздаваться впечатлительное слово, как бы он ни приготавливал его. Этим огнем будет согреваться его душа, когда он в своем кабинете при уединенном размышлении будет обдумывать, что сказать своим слушателям, которым он должен нести спасительное слово благовестия. И этот огонь не угаснет, если он будет предавать письму то, чем возбуждена и занята душа его. Напротив, через эту запись, отвердеют волнующиеся летучие мысли и, получив наглядную форму, они, как дрова, положенные под сосуд с водой, будут поддерживать и все более возбуждать пламя, движущее и согревающее душу проповедника. И когда настанет час вынести пред лице братий слово спасения, выношенное проповедником в минуту кабинетного размышления и, пожалуй, поверенное письмени, – одушевление, хранящееся в душе его, преданной делу Божию, делу веры и спасения, проявится с новой силой, разгорится ярким пламенем, при виде множества людей, ждущих от него святого назидания.

По этому вопросу достойный внимания ответ дает немецкий гомилет Теремин, словами которого о трудности проповеднического служения мы начали статью свою. К его сочинению *„Красноречие добродетель или основные черты систематической риторики“* приложен разговор *„о духовном красноречии“*, в котором молодой человек, посвящающий себя делу проповедничества, желая уяснить себе, как лучше выполнять это дело, обращается за советом к опытному проповеднику, и предлагает ему несколько вопросов, в надежде получить от него указание лучшей методы проповедничества. Между этими вопросами стоит вопрос о том, записывать ли проповедь и потом выучивать ее наизусть, или

импровизировать, и другой, близкий к нему, вопрос о том, писать ли проповеди по правилам школы, следуя установившейся традиции или, ничем не стесняясь, предоставить свободу своей личности.

Опытный муж (т. е. Теремин) по этому поводу отвечает, что вопросы подобного рода не касаются существа дела, а побочных, второстепенных вещей. Не в том главное условие успешного проповедничества, а совершенно в другом. Можно проповедовать и так и сяк, – как позволяют обстоятельства, личные расположения и способности проповедника. Чтобы направить молодого человека на правильный путь и указать ему, в чем заключается секрет успешного проповедничества, опытный муж, со своей стороны, предлагает ему несколько вопросов, которые совершенно в другую сторону должны направить его внимание. Он спрашивает молодого человека: 1) Считаешь ли ты себя грешником, и болит ли сердце твое скорбью о грехе? 2) Читаешь ли библию? Читаешь ли ее, не как ученые, занимающиеся критикой и исследованием текста, а как простой благочестивый христианин, как почтительный сын читает послание возлюбленного отца, живущего вдали от него? Слагаешь ли в своем сердце драгоценные слова, именно как бы для тебя сказанные Богом? 3) Молишься ли Богу? Обращаешься ли к своему небесному Отцу, к своему Спасителю с таким чувством и расположением, с каким дитя обращается к своему отцу? Повергаешь ли перед всемогущим и милосердным Господом все свои нужды, великие и малые, духовные и земные?.. Если ты не можешь отвечать утвердительно на эти вопросы, то ты не можешь проповедовать впечатлительно¹⁵⁴.

Примечания

- ¹ - Из истории гомилетики. Гомилетика Швейцера, стр. 384.
- ² - Чтения о церковной словесности, или гомилетика Амфитеатрова. Ч. I. § 3. Примечания, стр. 12.
- ³ - Руководство к церковному собеседованию, § 1, стр. 1.
- ⁴ - Руководство к церк. собеседованию, § 1. Примечание.
- ⁵ - Institutiones oratoriae, L. II, с. XVI.
- ⁶ - F. Quintiliani Institutionum oratoriorum lib. III, с 5. M. T. Ciceronis Orator ad Brutum, с. 21. Ex editione Oliveti Glasgae 1748. Cic. operum omnium vol. II p. 36. Cic. De oratore ad Fratrem. L. II, 77.
- ⁷ - Dialogues sur l'eloquence en general, et sur celle de la chaire en particulier. Dial. I. Oeuvres de Fenelon, t. X, p. 169–212. См. еще Lettre, ecrite a l'academie Francaise. sur l'eloquence, la poesie etc. t. X, p. 329–337.
- ⁸ - Immanuel Kant's Kritik der Urtheilskraft. Berlin. 1869, s. 166–7. 193–195.
- ⁹ - Христианская наука блаж. Августина, кн. IV, гл. XXVIII.
- ¹⁰ - L'eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratique, par le p. B. Gisbert chap. V, 21, p. 75.
- ¹¹ - Brutus, sive de claris oratoribus, с. LXXX, p. 279. Operum Ciceronis omus secundus, Parisiis, 1768, p. 485–6.
- ¹² - См. нашу книгу: „Из истории гомилетики. Гомилетика в новое время, после реформации Лютера“, стр. 424–325. Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik. Fr. Theremin, Gota, 1888, s.
- ¹³ - Institutiones oratoriae, II, с. XVI.
- ¹⁴ - Горгиас, 502–504. Сочинения Платона, переведенные Карповым, ч. II, стр. 328–329, 331.
- ¹⁵ - M. Tullii Ciceronis Rhetoricorum sev de inventione rhetorica liber I, с. I.
- ¹⁶ - Institutions oratoriae L. XII, с. I.

- ¹⁷ - Fabii Quintiliani Institutiones oratoriae L. I. Prooemium 9 et lib. II. c. XVI.
- ¹⁸ - Quintiliani Institutionis oratoriae, L. X, cap. VII, 15.
- ¹⁹ - Христианская наука, кн. IV, гл. VIII.
- ²⁰ - Христианская наука, кн. IV, гл. LV.
- ²¹ - Regula pastoralis, lib. II, c. VIII. Patrologiae cursus completus, t. LXXVII, col. 43.
- ²² - Св. Григория Богослова слово 7-е. Творения св. отцов в русском переводе. Т. I, стр. 241.
- ²³ - Св. Иоанна Златоуста слово о священстве V, гл. I.
- ²⁴ - Св. Григория Богослова слово 36-е о себе самом. Твор. св. отцов в русском переводе, т. III, стр. 201.
- ²⁵ - S. Ioannis Chrysostomi in Acta apostol hom XXX. Patrologiae cursus completus T. LX, col. 225–6.
- ²⁶ - Cicero de inventione. Lib. I, pag. 25. 55.
- ²⁷ - Христ. наука. Кн. IV, гл. 7.
- ²⁸ - L'eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratique, par le p. B. Gis bert, chap. V, 21, p. 75.
- ²⁹ - Твор. св. Григория Богослова, т. I, стр. 37, слово 3-е, в котором св. Григорий оправдывает свое удаление в Понт, по рукоположении в пресвитера.
- ³⁰ - De oratore. Lib. I. cap. XII, p. 52–54. Operum Ciceronis tomus secundus, Parisiis, 1768, p. 23–24.
- ³¹ - Христианская наука, блаж. Августина. Кн. IV, гл. 7 и 8. Киев, 1835, стр. 249–250.
- ³² - De formandis concionibus sacris, sive de interpretatione scripturarum populari. 1553. Lib. I, c. VI, p. 22.
- ³³ - L'eloquence chretienne dans idee et dans la pratique, par Gisbert, ch. XIII, Paris. 1866, p. 251.
- ³⁴ - Творения св. отцов в русском переводе. Т. VIII. Творений св. Василия Великого, ч. IV. Бес. 22, стр. 344–366.
- ³⁵ - Ecclesiastes sive concionator evangelicus, L. II. См. нашу книгу „Средневековые гомилетики“, стр. 150–157.
- ³⁶ - Чтения о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. II § 250, стр. 91.

³⁷ - Theorie der Beredsamkeit mit besonderer Anwendung auf die geistliche Beredsamkeit, in ihrem ganzen Umfange dargestellt. T. I. См. нашу книгу: „Из истории гомилетики. Гомилетика в новое время, после реформации Лютера“, стр. 276–277.

³⁸ - Христианская наука, кн. IV, главы IX и X.

³⁹ - Христ. наука, кн. IV, гл. XXI.

⁴⁰ - Христ. наука, кн. IV, гл. X.

⁴¹ - De formandis concionibus sacris, 1553. Lib. I, c. 3. p. 23–24.

⁴² - Homiletik der evangelisch-protestantischen Kirche, systematisch dargestellt von Alexander Schweizer, Doctor und ordentlichen Professor der Theologie, Kirchenrath und Pfarrer am Grossmünster in Zurich. Leipzig. 1848.

⁴³ - Чтения о церковной словесности или гомилетике Я. Амфитеатрова. Ч. I. § 22, стр. 55–56.

⁴⁴ - Чтения о церковной словесности или гомилетике Амфитеатрова, ч. I. § 24.

⁴⁵ - Там же, § 43.

⁴⁶ - § 49.

⁴⁷ - § 65.

⁴⁸ - Ecclesiastes sive concionator evangelicus. Lib. IV.

⁴⁹ - См. нашу книгу: Средневековые гомилетики, стр. 217–218.

⁵⁰ - Regula pastoralis. L. II. c. V c. VII. Patrologiae latinae cursus completus T. LXXVII, col. 32–33. 38–42.

⁵¹ - Чтения о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, §§ 164–167; стр. 250–255.

⁵² - Там же, стр. 254–255.

⁵³ - „Творения св. отцов в русском переводе“. Т. 1. Слово св. Григория Богослова 3-е, стр. 45.

⁵⁴ - Церковный Устав, гл. 10, лист 22.

⁵⁵ - См. нашу книгу: „Из истории гомилетики. Гомилетика в новое время, после реформации Лютера“, стр. 231–232.

⁵⁶ - In Levit, homilia VII, n. I. Patrologiae cursus compl. t. XII, col. 475.

⁵⁷ - In Numeros hom. XIV, n. I. Patr. c. compl. t. XII, col. 676.

⁵⁸ - Чтения о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, § 125, стр. 205–206.

⁵⁹ - Чтения о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, стр. 252–3.

⁶⁰ - Maury, Essai sur l'eloquence de la chaire, I, p. 273. Jungmann. Theorie der geistlichen Beredsamkeit. Band zweiter, § 426, s. 1052. См. нашу книгу „Гомилетика в новое время после реформации Лютера“ стр. 481–2.

⁶¹ - Чтения о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, § 122, стр. 200–201.

⁶² - Чтения о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. I, §§ 191 и 184, стр. 269, 265.

⁶³ - Вещи и дела, о которых духовный учитель народу христианскому проповедати должен. Пристяжение о проповедях на праздники 11. Гомилетика Амфитеатрова § 21, стр. 38.

⁶⁴ - L'eloquence chretienne dans l' idee et dans la pratique, par Gisbert, chap. XV.

⁶⁵ - Theorie der geistlichen Beredsamkeit, Jungmann. 1878. Band zweiter, § 427, s. 1057–8. См. нашу книгу: Гомилетика в новое время, после реформации Лютера, стр. 488.

⁶⁶ - Кирилл иерусалимский, приступая к оглашению заявивших желание принять крещение, первое предогласительное слово начинает так: „Ваше блаженство пред вами уже, просвещаемые. Вступили уже вы в преддверие царских чертогов. Имена ваша вписаны, призвание в воинство было,... изъявлены и желание небесного жития, и благое изволение, и сопровождающая оное надежда“. Слово предогласительное св. Кирилла иерусалимского. Творения св. отцов в русском переводе. Т. XXV, стр. 7.

⁶⁷ - Rufini Apologiae lib. 1, n. 4. Руфин говорит, что его учил символу Евсевий, впоследствии славнейший и заслуженнейший епископ, когда был диаконом, и он был для меня отцом и учителем символа веры (pater mihi et doctor symboli ac fidei fuit). Patrologiae latinae cursus completus, t. XXI, p. 543.

⁶⁸ - Patrologiae latinae e. compl. Migne, t. XL, p. 627. Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi, de symbolo sermo ad catechumenos. cap. primum, n. 1.

⁶⁹ - Patrologiae latinae t. XL. Aurelii Augustini operum t. VI, p. 651.

⁷⁰ - Кирилла иерусалимского поучение 18-е, п. 33. Творения св. отцов в русском переводе, т. XXV, стр. 347–8. В последнем слове, посвященном изъяснению символа веры, в заключении св. Кирилл говорит: „После святого и спасительного дня Пасхи, и именно с понедельника в последующие дни седмицы ежедневно, по окончании службы Божией, приходя на сие святое место, если благоволит Бог, будете слушать иные огласительные слова, и в них объяснены вам будут причины каждого совершаемого действия... А наконец всего, если соблаговолит Бог, сказано будет, как в последующее время должно нам и в словах, и в делах вести себя достойно благодати, чтобы все вы могли наслаждаться вечною жизнью“.

⁷¹ - De catechizandis rudibus, cap. VI, n. 10. Patrologiae latinae t. XL, p. 317.

⁷² - Ibidem.

⁷³ - De catechizandis rudibus, cap. III, n. 5. Patrologiae latinae t. XL, p. 313.

⁷⁴ - De catechizandis rudibus, cap. III, n. 6. Patrologiae latinae t. XL, p. 313–314.

⁷⁵ - На Евангелие от Матфея бес. 1-я.

⁷⁶ - См. нашу книгу: Гомилетика в новое время, после реформации Лютера, стр. 138–139. Anweisung erbaulich zu predigen, von Mosheim, Erste Hauptstuck. §§ 5 und 9, s. 130–135, 163–175.

⁷⁷ - Чтения о церковной словесности или Гомилетика Амфитеатрова. Ч. 2, стр. 90–1.

⁷⁸ - См. нашу книгу: „Гомилетика в новое время, после реформации Лютера“, стр. 471. Theorie der geistlichen Beredsamkeit, v. Iungmann. Zehntes Kapitel, s. 630–633. 643.

⁷⁹ - Чтения о церковной словесности Амфитеатрова. ч. II, § 204, стр. 13.

⁸⁰ - По вопросам гомилетики. Критические очерки М. Тареева, стр. 125.

⁸¹ - Tripartitae historiae lib. 1, cap. X.

⁸² - См. нашу книгу: Из истории гомилетики. Гомилетика в новое время, стр. 43.

⁸³ - См статью „О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти и славянского переводов свящ. Писания. Прибавления к творениям св. отцов“, изд. при Московской Академии, 1858.

⁸⁴ - Русский Архив, 1898, № 10, стр. 279–280.

⁸⁵ - Ст. Листовского. П. И. Ильминский, в Русском Архиве, 1898, № 10.

⁸⁶ - L'eloquence chretieinne dans l'idee et dans la pratique, par Gilberh, chap. XXI. См. нашу книгу: Гомилетика в новое время, стр. 204–205.

⁸⁷ - См. нашу книгу: Гомилетика в новое время, после реформации Лютера, стр. 231.

⁸⁸ - L'eloquence chretieinne dans l'idee et dans la pratique, par le p. B. Gilberh, ch. XI.

⁸⁹ - См. нашу книгу: Из истории гомилетики. Гомилетика в новое время, стр. 329–330.

⁹⁰ - Чтение о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова. ч. II, § 208, стр. 119–120.

⁹¹ - Чтение о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова. ч. II, § 27, стр. 121–122

⁹² - L'eloquenee cliretienne dans l'idee et dans la pratique par le p. Gisbert, chap. XII, p. 192.

⁹³ - Св. Иоанна Златоуста бес. о статуях 5, п. 7. Творения св. И. Злат, изд. С.-Петерб. Академии, т. II, кн. 1, стр. 80.

⁹⁴ - Св. Иоанна Златоуста бес. о статуях 12, п. 6. Творения св. И. Злат, изд. С.-Петерб. Академии, т. II, кн. 1, стр. 146.

⁹⁵ - Regula pastoralis, p. 11, l. IV. Patrologiae latinae c. T. LXXVII. См. нашу книгу: Св. Григорий Двоеслов – его проповеди и гомилетические правила, стр. 320.

⁹⁶ - Die Theorie der Beredsamkeit mit besonderer Anwendung auf geistliche Beredsamkeit, dargestellt v. D. N. Aug. Selott. См. нашу книгу: Гомилетика в новое время, стр. 278.

⁹⁷ - Чтение о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова. ч. II, § 221, стр. 38–39.

⁹⁸ - Quintiliani Institutiones oratoriae, VIII, с. 2.

⁹⁹ - Христианская наука блаж. Августина, кн. IV, §§ 22 и 23.

¹⁰⁰ - L'eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratisque, par Gisbert, ch. XIII.

¹⁰¹ - Собрание мнений и отзывов московского митрополита Филарета. Т. V. ч. 2, стр. 862.

¹⁰² - Здесь имеются в виду проповеди Феофана Лебединцева, печатавшиеся, в Руководстве для сельских пастырей в первые годы по основании этого журнала. Автору по этому поводу пришлось иметь (в 1863 году) личную беседу с покойным митрополитом, который поручил ему довести до сведения киевского Владыки о замеченном им неприличии в киевских проповедях.

¹⁰³ - Чтения о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. 2, §§ 290–293, стр. 147–152.

¹⁰⁴ - Гомилетика Амфитеатрова, ч. 2, § 294, стр. 153.

¹⁰⁵ - De formansis concionibus sacris. Lib. 1, с. VI, p. 32.

¹⁰⁶ - L'eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratique, chap. XIII, p. 251.

¹⁰⁷ - Theorie der geistlichen Beredsamkeit, v. Jungmann Th. II, s. 145.

¹⁰⁸ - Гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 224, стр. 43.

¹⁰⁹ - L'eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratique, par B. Gisbert, chap XIII, p. 251, изд 1866.

¹¹⁰ - Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik, Fr. Theremin. 1888. S. 3.

¹¹¹ - По вопросам гомилетики. Критические очерки М. Тареева. 1903 г. Гл. V. Проповедь, как живое слово, стр. 171.

¹¹² - Из посмертных бумаг протоиерея Гр. Дьяченко. Странник, март. 1904 г. Ст. „Средства борьбы с

антихристианским духом современного общества“.

¹¹³ - Церковный Вестник, 1905 г. № 30. „О проповедничестве“ (передовая статья).

¹¹⁴ - Св. Григория Богослова слово 3-е о бегстве. Творение св. Григория Богослова, ч. 1, стр 36–37, 39–40.

¹¹⁵ - Св. Иоанна Златоуста слово о священстве пятое, Творений св. Иоанна Златоуста. Т. I, кн. 2, стр. 455–458.

¹¹⁶ - *Regulae pastoralis. Lib. I, c. I. Patrologiae latinae, t. LXXVII, col. 14.*

¹¹⁷ - Св. Григория Богослова слово 3-е. Творения св. Григория Богослова. Т. I, стр. 26.

¹¹⁸ - *Regulae pastoralis. Liber., p. 11, c. IV. C. compl. patrologiae latinae, t. LXXVII, col. 31–32.*

¹¹⁹ - Федр, 273. Сочинения Платона, в переводе Карпова, Изд. 2-е, т. IV, стр. 165.

¹²⁰ - *Quintiliani Institutiones oratorie, XII, c. 9, n. 3. Т. II, p. 419.*

¹²¹ - Тареев. По вопросам гомилетики. Критические очерки. Гл IV, стр. 127–163.

¹²² - Церковный Вестник. 1905 г. № 30. „О проповедничестве“.

¹²³ - Из посмертных бумаг прот. Гр. Дьяченко.

¹²⁴ - Церковный Вестник, 1905 г. № 30. О проповедничестве.

¹²⁵ - *Homiletique ou Theorie de la predication par A. Vinet. Importance de la disposition. Гомил. в новое время. В. Певницкого, стр. 530.*

¹²⁶ - *Quintiliani Institutiones oratoriae, lib. VII.*

¹²⁷ - Блаж. Августина. Христианская наука, кн IV, гл. 62, стр. 350–3.

¹²⁸ - *De scriptoribus ecclesiasticis, c. 57.*

¹²⁹ - *De eruditione concion torum Gumberti de Romanis Maxima bibliotheca veterum patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticorum, 1677 t. См. Средневековые гомилетики, кн. В. Певницкого, стр. 63.*

¹³⁰ - *Theorie der geistlichen Beredsamkeit, von Iungmann. IV. Abschnitt. XI. Kapitel. § 5, n. 325 Гомил. в новое время. В.*

Певницкого, стр. 476.

¹³¹ - Руководство к церковному собеседованию или гомилетика, Фаворова. Отделение 6-е, стр. 177–192.

¹³² - Живое слово, стр. 29, 32, 117, 123.

¹³³ - Живое слово, стр. 164–173.

¹³⁴ - По вопросам гомилетики, Тареева, стр. 172.

¹³⁵ - Странник, 1902, март, стр. 484–491. Апрель, стр. 786–190.

¹³⁶ - Ciceronis. De oratore. Lib. I, c. XXXIII, n. 149–153. Cicer. opera 1, p. 58–59. Parisiis.

¹³⁷ - Quintiliani Institutiones oratoriae. Lib. X, c. III, T. II. p 238.

¹³⁸ - Judische Homiletik, v. Maybaum. 1890, p. 160–163.

¹³⁹ - Св. Иоанна Златоуста, слово о священстве 5-е, п. 5, 7 и 8, Творений св. Иоанна Злат. Т. 1, кн. 2, стр. 455, 457, 458.

¹⁴⁰ - Несколько рассуждений студентов Московской духовной Академии (1829 г.). Ч. 1, стр. 136–137.

¹⁴¹ - Письма митр. Филарета, изд. архиеп. Саввою. Т. 1, стр. 20.

¹⁴² - Церковные Ведомости, 1904, № 28, стр. 1041–2. „Из дневника протоиерея Р. Путятин“.

¹⁴³ - Practische Theologie, v. Achelis. Theil. 1. § 113, S. 370.

¹⁴⁴ - L' eloquence chretienne dans l'idee et dans la pratique, par le p. B. Grisbert, chap. XVIII. См. нашу книгу: Гомилетика в новое время, стр. 193–195.

¹⁴⁵ - Dialogues sur l' eloquence en general, et sur celle de la chaire en particulier. Д. И. См. нашу книгу: Гомилетика в новое время, стр. 226.

¹⁴⁶ - Die Theorie der Beredsamkeit, mit besonderer Anwendung auf die geistliche Beredsamkeit, v. Schott. Dritt. Theil zweit. Abtheilung, S. 260–293. Гомилетика в новое время, В. Певницкого, стр. 293.

¹⁴⁷ - Lehrbuch der Homiletik, 1883, S. 111.

¹⁴⁸ - Practische Theologie, 1890, § 90. S. 297.

¹⁴⁹ - Homiletik der evangelisch-protestantischen Kirche, systematisch dargestellt v. Al. Schweizer, 1848. §§ 214 и 215. В.

Певницкого, стр. 403–404.

¹⁵⁰ - Osterzee. Practische Theologie. Deutsche Ausgabe von Matthia und Petry. Bd. 1, S. 401.

¹⁵¹ - Achelis. Practische Theologie, 1890–1. Theil. 1, § 113, S. 369–370.

¹⁵² - Achelis. Practische Theologie, § 115, S. 374–377.

¹⁵³ - Theorie der geistlichen Beredsamkeit. Academische Vorlesungen, v. Joseph Jungmann. 1877. Funfter Abchnitt. XV Kapitel, § 4, s. 1149–1157, Гомилетика в новое время. В. Певницкого, стр. 488–491.

¹⁵⁴ - Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik, Fr. Theremin. 1888. S. 180–197. Гомилетика в новое время после реформации Лютера. В. Певницкого, стр. 334–835.